

Осколки минувшаго.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, 5-ти картинахъ.

(4-е дѣйствіе въ двухъ картинахъ.)

Передѣлана изъ повѣсти **Вс. Крестовскаго** (псевдонимъ) «*Въ ожиданіи лучшаго*».

И. Н. Ге.

Къ представленію дозволено. С.-Петербургъ, 19 декабря 1890 г. № 5690.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Столбинъ-Десятова Екатерина Петровна, 85 лѣтъ, вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Крѣпкая еще старуха. Говоритъ медленно, отчеканивая слова, съ самоувѣренностію и апломбомъ.

Столбинъ-Десятовъ Иванъ Петровичъ (Жанъ), ея внукъ, отставной поручикъ кавалерійскаго полка. Носятъ мундиръ.

Теженецій Василій Васильевичъ (Вася), ея ввукъ (сынъ дочери), 16 лѣтъ—ученикъ частнаго пансіона.

Алексинская Екатерина Александровна, ея крестница. Молодая женщина. Кисейная барыня, крайне доброе существо.

Мѣстнова Аделаида Григорьевна, компаньонка Екатерины Петровны Столбинъ-Десятовой. Старая дѣва; бѣлится и румянится.

Пехлецовъ Дмитрій Владиміровичъ, помѣщикъ, старикъ. Дамскій угодникъ. Одѣвается по модѣ. **Неряцій Михаилъ Никаноровичъ**, 35 лѣтъ, инженеръ-технологъ, управляющій имѣніемъ Алексинской. Внуднѣ приличный образованный чедовѣкъ. Одѣвается изысканно хорошо, но просто; въ 4-мъ актѣ въ немъ шелковая русская рубаха, поддевка тонкаго сукна съ рукавами, лянчыне сапоги.

Абарова Анна Федоровна, бѣдная чиновница—лѣтъ 36-ти, крайне утомленная и усталая. **Павла Егоровна (Полина)**, ея дочь.

Гусевъ—чиновникъ.

Додо Моронова
Анжъ Моронова } сестры, московскія барышни.

1-й Лакей
2-й Лакей
1-я Горничная
2-я Горничная
3-я Горничная } прислуга Столбинъ-Десятовой.

Настя
Ланей } прислуга Алексинской.

Всѣ указанія отъ зрителя.

1-е дѣйствіе происходитъ въ Москву, въ квартиру Столбинъ-Десятовой; 2-е и 1-я картина 4-го дѣйствія—у Алексинской, въ имѣніи ея Воскресенскомъ; 3-е и 2-я картина 4-го дѣйствія въ с. Бубново, у Столбинъ-Десятовой.

1-е дѣйствіе совершается въ половинѣ мая; между 2-мъ и 3-мъ проходитъ девъ недѣль, между 3-мъ и 4-мъ тоже.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостиная въ домъ Столбынъ-Десятовой. По срединѣ двое дверей, изъ которыхъ одна— лѣвая, съ поднятыми портьерами, ведетъ въ столовую, гдѣ виднѣнъ сервированный къ чаю столъ и прочее убранство комнаты, а правая—завѣшана опущенной портьерой. Намѣто—два окна, посреди ихъ зеркало; возлѣ оконъ стулья и кресла. Направо—диванъ, столъ, кресла, козетка и большое вольтеровское кресло, со столѣицѣмъ рядомъ съ нимъ маленькимъ столикомъ. Передъ кресломъ большая, имѣющая видъ подушки, скамейка. Меблировка старинная, но богатая: всюду столики, этажерки, юрки съ мас-сой разставленныхъ бездѣлушекъ, чашекъ, серебряныхъ вещей, корзиночекъ, портретовъ въ рамкахъ и проч. Кроме того, комната завалена разнаго рода и разной величины сундуками, чемоданами, корзинками, корзиночками, въ чехлахъ и безъ чехловъ, разными свертками въ бумагу и простыняхъ, и зрудой вещей, разложенныхъ и собранныхъ для упаковки. Сундуки стоятъ одинъ на другомъ, составляя цѣлая пирамида; иные разбросаны по одиночкѣ, иные зашиты въ полотно и перевязаны веревками. Зеркало и нѣкоторыя картинки на стѣнахъ завѣшаны кисеей.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Изъ столовой входитъ Анна Федоровна въ сопровожденіи Полины. За ними, въ столо- вой, показываются два Лакея.

Анна Федор. (входя). Точно у васъ ушей нѣтъ!.. Цѣлый часъ заставляете звонить и ждать у подъѣзда!

1-й Лакей. Да ея превосходительства нѣтъ дома, изволили къ обѣднѣ поѣхать.

Анна Федор. Это ничего не значить; все-таки отворить можно. Что, ужъ укладываетесь? Вдѣте?

1-й Лакей. Какъ видите. Одинъ обозъ уже отправленъ.

Анна Федор. Да? Кто-же съ обозомъ поѣхалъ?

1-й Лакей. Поварь—извѣстно; его обязан- ность.

2-й Лакей (съ насмѣшкой). И потому ку- шанье теперь въ ресторани только на двѣ осо- бы берутъ съ.

Анна Федор. (съ неудовольствіемъ). Ну хо- рошо, ступайте; я подожду генеральшу.

1-й Лакей. Аделаида Григорьевна еще не вставали.

Анна Федор. Ну, такъ что-же? Ну и пусть себѣ дрыхнетъ хоть до 12 часовъ. Намъ ее совсѣмъ не нужно!

1-й Лакей. А какъ насъ заругаютъ. Скажутъ зачѣмъ пустили!

Анна Федор. Что?!.. Что такое?!.. А вотъ я за это на тебя да на твою Аделаиду Григорьев- ну и пожалуюсь ея пр—ву, чтобы ты не смѣлъ грубостей мнѣ говорить.

1-й Лакей. Я не грублю, помилуйте... Ка- кія грубости...

2-й Лакей. Зачѣмъ грубить...

Анна Федор. Убирайтесь вонъ!.. вотъ и все!.. Я съ вами дураками и говорить не хочу... (Ла- кеи несмѣло удаляются.) Подайте намъ сю- да чаю.

1-й Лакей. А вотъ когда ея превосходитель- ство пріѣдутъ-съ...

2-й Лакей. Тогда и подадимъ. (Уходятъ.)

Анна Федор. (имѣ встѣдъ). Грубое живот- ное!.. Скотина!.. (Взянувъ на дочь, кото- рая все это время стоитъ молча въ сто- ронѣ.) Ну, что-же ты? Чего ждешь? Садись. Слава Богу, версты четыре прошли, дунаю ногъ подъ собою не слышишь... Посмотри на себя какая ты блѣдная, какъ полотно!

Полина (подходитъ къ зеркалу, поднимаетъ кисею и взянувъ на себя). Поблѣднѣ- ешь, не обѣдавши четыре дня! (Снимаетъ шляп- ку и небрежно бросаетъ ее на столъ.) Ходимъ, ходимъ, точно вѣчные жиды и нигдѣ приста- нища намъ нѣтъ!.. (Сдерживая перчатку.) Ахъ, надоѣла мнѣ такая жизнь! (Снимаетъ другую и рветъ ее.)

Анна Федор. Что—готово уже? Конецъ?

Полина (желчно). Конецъ! Дешевыя перчат- ки никогда долго не носятъся!

Анна Федор. А, дорогихъ захотѣлось!

Полина. Еще-бы! Не даромъ говорятъ посло- вца: «что дорого—то мило». (Начинаетъ раз- сматривать разныя вещи на этажеркѣ.)

Анна Федор. «А что дешево—то гнило». Знаю я это, матушка, знаю хорошо—да толь- ко нѣтъ у насъ и на дешевый-то товаръ де- негъ... вотъ что! (Замѣтивъ, что Полина, загнувъ рукавомъ одну изъ куколъ—пова- лила ее.) Поосторожнѣй, пожалуйста, не сло- май чего-нибудь.

Полина (взявъ въ руки чашку). Ахъ, ка- кая счастливая эта генеральша!.. Какъ я люб- лю vieux-saxe!

Анна Федор. (сидя въ кресло и взявъ со стола книгу). Много ты его видѣла!

Полина. Столько-же, сколько и вы.

Анна Федор. Гдѣ-же это?

Полина. Тамъ, гдѣ и вы; гдѣ мы бываемъ. У княженъ Ручневыхъ, у Морозовыхъ... во всѣхъ хорошихъ домахъ.

Анна Федор. Такъ я думаю, ты такъ и не очень-то съешь все братъ въ руки да вертѣть. Перестань, сдѣлай милость, поставь на мѣсто, положи, а то, того глады, еще расколотишь!

Полина. Точно я ребенокъ. (*Ставитъ вещь на мѣсто.*)

Анна Федор. Хуже! И что за панера у тебя все братъ, всему удивляться и все трогать... Бываешь въ хорошихъ, какъ ты говоришь, домахъ,—такъ и держи себя, какъ слѣдуетъ, порядочно.

Полина. Что-же я непорядочнаго дѣлаю, маленька? Развѣ въ томъ есть что-нибудь дурнаго, что я люблюсь чужинъ добромъ? Вѣдь только въ «чужинъ» домахъ я и вижу что-нибудь; дома вѣдь у насъ нѣтъ разсматривать нечего...

Анна Федор. (*съ отчаяніемъ*). Господи, да гдѣ же нѣтъ взять?.. Гдѣ?.. Тебѣ вотъ вѣнчезаке нравится, а я не придумую гдѣ-бы простаго горшка добыть, чтобы сварить щи да кашу... (*Машетъ рукой.*) Да и варить нечего!

Полина. Развѣ я эту виновата.

Анна Федор. Ну и не я тоже! Я бьюсь какъ рыба объ ледъ!.. Развѣ ты не знаешь этихъ проклятыхъ большихъ баръ? За всякій грошъ, что они дадутъ, не оберешься отъ нихъ оскорбленій! Это они какъ будто долгомъ своимъ считаютъ.

Полина. Такъ зачѣмъ-же вы воспитали не я тогда, выросли въ нихъ средѣ и на ихъ средства, какъ свѣтскую барышню?.. развивали потребности роскоши и довольства? Вы знали, что у насъ ничего нѣтъ.

Анна Федор. Вотъ она благодарности за любовь матери! И за это еще упрекъ!.. Вѣдь ты дочь чиновника, дворянка,—полагаю... Не погла-же я не дать тебѣ образованія? Ну и выкланчила, вынощила.

Полина. Господи!.. Хотя-бы какая-нибудь исходная, свѣтлая точка... хотя-бы искра надежды въ будущемъ!.. Только что у меня веселый характеръ, что я не хныкала...

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Изъ правыхъ боковыхъ дверей входитъ Аделаида Григорьевна въ блонномъ вышитомъ модномъ пеньюарѣ, въ большихъ золотыхъ серьгахъ и богатомъ браслетѣ. Кивнувъ слегка головой на поклонъ Полины, она высокомерно взглядываетъ на Анну Федоровну и величественной походкой быстро проходитъ въ столовую, скрываясь направо.

Анна Федоровна (*послѣ ея ухода*). Ахъ, прахъ тебя возьми! Ты не кланяешься—и не нужно... и тебѣ никто кланяться не станетъ!.. Приживалка противная! Изъ-за всякой юбки готова ноги у генеральши лизать, наущничать

на всю дворню, сплетничать—гдѣ и ука, и вдругъ...

Аделаида Григ. (*показываясь опять въ столовой*). Не могли вы нѣтъ отказать?.. Всѣй день таскаются.

2-й Лакей (*вслѣдъ за ней*). Да они, сударыня, не женируются... Мы докладывали, и они ее пр—ву, говорятъ, жаловаться будутъ... Не подѣ ручку-же...

Аделаида Григ. Везовѣстная!... (*Входя.*) Савоаръ давайте, я думаю сейчасъ Катерина Петровна пріѣдетъ. (*Напевая, подходитъ къ окну и смотритъ на улицу.*)

2-й Лакей. Слушай-съ! (*Уходитъ, а вслѣдъ затѣмъ вноситъ въ столовую савоаръ, ставитъ его на столъ и завариваетъ чай.*)

Анна Федор. (*въ это время дочери, которая вновь принялась разсматривать портреты*). Полина! Опять!.. Да что ты все изъ угла въ уголъ снуешь, точно преступленіе какое сдѣлала и не знаешь куда спрятаться! Чего ты переконфузилась?

Полина (*съ досадой, желая скрыть свое чувство*). Я?.. Нисколько... Боже мой, съ чего вы взяли?

Анна Федор. Такъ успокойся—сидь и дѣлай что-нибудь. Работа вѣдь съ тобой?

Полина. Со мной.

Анна Федор. Ну и садись, въ такомъ случаѣ, и шей.

(Полина, вынувъ изъ кармана свертокъ батиста, нашиваетъ на клею, садится и шьетъ; Анна Федор., подобравъ токъ себя ноги, углубляется въ чтеніе, а Адел. Григор., стоя у окна, смотритъ на нѣгъ съ саркастическимъ вызывающимъ видомъ. Картина. Послѣ минутнаго молчанія въ передней раздается сильный звонокъ.)

Аделаида Григор. (*въ тотъ-же моментъ*). Бя прев—во!.. (*Бросается въ столовую.*) Иванъ!.. Клементій!.. Вѣдите отворять... Чай, чай скорѣе!.. Гдѣ подносъ?..

(Суета. Лакей и горничная пробѣгаютъ столовую, показываясь въ ней и опять исчезая. Аделаида Григорьевна размываетъ чай.)

Анна Федор. (*замытивъ, въ это время, что Полина соскочила тоже съ своего мѣста*). Сиди, сиди, матушка, сиди, не прыгай! Нечего тебѣ вылетать на встрѣчу... есть тамъ кону и безъ тебя похолодничать, да подслужиться!..

(Въ столовой показывается Столбунъ-Десятова, окруженная слугами.)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Адел. Григор. (*пропустивъ ее въ гостиную и протолкавшись впередъ, рисуется среди комнаты въ своихъ бѣлыхъ драпировкахъ*). Устали?

Стод.-Десят. (*развязывая ленты и снимающая шляпку*). Немного!.. Да, я еще вздумала забрать въ пансионъ за Васенькой.. Иривезла тебѣ гостя.

Адел. Григ. (*взявъ у нея шляпку и потѣшно передавая ее юрничной*). Да?.. Бабуля отпустили?

Вася (*вбѣгая со связкой книг*). Отпустили, отпустили!.. Ура! (*Швыряетъ книги съ громомъ на полъ и, бросившись въ объятія Адели, садится Григорьевны, начинаетъ ее кружить по комнатѣ*). Адель, душка, вакація, вакація!.. Мы съ вами уѣдемъ отсюда, будемъ гулять, бѣгать, веселиться!.. Vive les vacances!..

Столб.-Дес. Вася, Вася!.. Не шуми!.. Адель, увиди своего баловня... Вася!.. Какъ онъ тебя любить однако!

Адел. Григор. (*цѣлуя Васю*). О, у него золотое сердце.

Стод.-Десят. (*Вась*). Довольно!.. Отстань! (*Адел. Григорьевнѣ*). Милая, я чай хочу.

Адел. Григ. Сію минуту, ваше превосходство, сію минуту... уже налить... (*Оборачивается*). Клементій! (*Увидавъ столцаго возмъ себя लेकरъ съ подносомъ, на которомъ находятся двѣ налитыя чашки чая, сахарница съ крендельками, сахаръ, сливки и проч.*) Пожалуйте... (*Направляется, въ сопровожденіи лакея, къ столу, возмъ котораго уже успѣла размѣститься на вольтеровскомъ креслѣ Стод.-Десят. и ставитъ передъ ней чашку, сливки и сахарницу съ крендельками. Вася ускользаетъ направо.*)

Анна Федор. (*съ обидой, видя, что ее не замѣчаютъ*). Здравствуйте ваше превосходительство.

Столб.-Десят. (*медленно взявнувъ на нее черезъ лорнетку*). А, вы уже здѣсь? Здравствуйте, милая... (*Замѣтивъ дѣлающую ей реверансъ Полину*) Bonjour, ma chère... (*Прихлебнувъ чаю, Адел. Григнѣ*) Чай сегодня очень вкусенъ.

Адел. Григор. (*сія отъ восторга*). Вы очень добры, ваше пр-во... (*Садится возмъ нее и начинаетъ пить тоже чай.*)

Столб.-Десят. Нѣтъ серьезно. Я съ удовольствіемъ пью. (*Пауза.*)

Анна Федор. (*встаётъ съ неудовольствіемъ и пройдясь по комнатѣ*). Вы когда собираетесь выѣхать въ деревню?

Столб.-Десят. (*Взглянувъ на нее съ удивленіемъ*). Я?... (*Оглядываясь, какъ-бы ища чего-то, разспянно*). Не знаю.. Дня черезъ три, четыре... (*Полину, подавшей ей тартилки*). Merci, вы очень догадливы.

Анна Федор. (*сидясь*). Дай и мнѣ пирожекъ, Полина... (*Видя, что та не трогается съ мѣста*). Да и сама съѣшь что-нибудь; я думаю ты голодна.

Полина (*конфузиво потупивъ глаза, чуть слышно*). Я не хочу...

Анна Федоровна (*злобно*). Ъшь, ѡшь, не стѣсняйся; у Катер. Петр. всякаго добра не мало!..

Столб.-Десят. Развѣ вы не пили чаю?

Анна Федор. (*рѣзко*). Нѣтъ!

Столб.-Десят. Такъ вы-бы сказали; ванъ налить; Аделъ, дай мнѣ.

Адел. Григор. Мы привыкли ждать приглашенія. (*Аннѣ Федоровнѣ язвительно*) Ахъ, извините! (*Идетъ въ столовую, нарочно задевъ за все по дорогѣ и натыкаясь на книги, брошенные Васей.*)

Столб.-Десят. (*равнодушно*). Ты-бы могла позвонить и приказать. (*Указывая на книги*) Распорядись, чтобы прибрали это все.

Вася (*вбѣгая*). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, grand'шапан, нѣтъ; этого безъ меня не сдѣлать... Ничего, grand'шапан, пусть онѣ полежатъ минуточку...

Столб.-Десят. (*строю*). Среди комнаты? Вася. Въ такомъ случаѣ я ихъ отнесу къ себѣ. (*Поднявъ связку*) Какъ тяжело! Ужасно тяжело, а я поднимаю!.. Посмотрите... Вы не поднимете grand'шапан.. (*Бросая книги*) Bonjour, Анна Федоровна. (*Подкатывая ногой къ ней связку*) Попробуйте поднять... Нагнитесь... вѣдь вамъ ничего не стоитъ нагнуться, вѣдь вы безъ корсета...

Столб.-Десят. (*еще строже*). Базиль!

Вася (*оторопѣвъ*). Ахъ grand'шапан... pardon, извините... но я дуналь... я предполагалъ, что я дока, у себя... и что по этому я могу дѣлать и говорить все, что хочу...

Столб.-Десят. Только не глупости!

Вася. Но... Ахъ, grand'шапан, у васъ нѣтъ скамеечки подъ ногами, grand'шапан... (*Бросается опрометью въ столовую.*)

Столб.-Десят. Не безпокойся, мой милнѣ,— есть, есть!

Вася (*останавливаясь у дверей*). Есть? А я и не заѣтилъ. Мнѣ показалось... Въ такомъ случаѣ... (*Стремительно бѣжитъ къ стулу, оставленному Адел. Григнѣ*). Я могу спокойно садиться (*Садится*) и пить чай. Да? Не правда-ли grand'шапан?.. Да?.. (*Входящей Адел. Григорьевнѣ*) Адель, милая, хорошая Адель, дайте мнѣ чашечку, я здѣсь, возмѣ grand'шапан... Мы виѣсть...

Адел. Григор. (*ошущительно, указывая съ язвительною улыбкой слѣдовавшему за ней, съ двумя чашками чаю, лакею на Анну Федоровну и Полину*). Иѣйте терпѣніе, Базиль, прежде дамаш!

Вася. Дамаш? Ахъ, это для Анны Федоровны... Анны Федоровны и m^{lle} Pauline... Pardon, Анна Федоровна... я по разсѣянности... я не хотѣлъ... la politesse avant tous...

Столб.-Десят. (*допивъ чай и отодви-*

ия чашку). Послушай, Адель, ты кажется читала въ газетахъ о дешевыхъ товарахъ?

Адел. Григор. Я, ваше превосходительство.

Столб.-Десят. Гдѣ это? Я что-то не помню.

Адел. Григ. На Срѣтенкѣ, возлѣ бульвара, въ магазинѣ Желтухина.

Столб.-Десят. Надо-бы съѣздить туда да посмотреть. Жаль, что я велѣла карету отпречь, ты-бы могла...

Вася. Да вотъ Анна Федоровна—она и пѣшкомъ можетъ...

Столб.-Десят. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ. Анна Федоровна сходите, пожалуйста.

(Адел. Григор. фыркаетъ сдержаннымъ смѣхомъ.)

Вася (въ то же время). Вы вѣдь бѣгаете какъ страусъ.

Столб.-Десят. (строга ударивъ пальцемъ по столу). Василій Васильичъ! (Вася улыбается въ чаепитіе, уткнувъ носъ въ чашку.) Не знаю, право, чему ихъ такъ учать! (Аннѣ Федоровнѣ.) Такъ, пожалуйста...

Анна Федор. (бросивъ молниеносный взглядъ на торжественную Адел. Григ.). Если прикажете...

Столб.-Десят. Я васъ прошу. Видите ли, въ позапрошломъ году Адель мнѣ купила на распродажѣ, — не помню гдѣ, въ какой лавкѣ, — шелковую лѣтнюю матерію, очень хорошенькую; — мелкія клѣточки и полосочки по нимъ въ длину; только ее не достаетъ аршина три или четыре, почему я и не дѣлаю платья: — такъ вотъ, поищите и купите.

Анна Федор. Хорошо, ваше превосходительство, если найду.

Столб.-Десят. Конечно.

Адел. Григ. Да кромя того и еще нужно кое-чего для деревни купить—разной мелочи...

Столб.-Десят. Да, и на платья для горничныхъ, и для подарковъ. Ты кажется все записала, Адель?

Адел. Григ. Какже, ваше превосходительство.

Столб.-Десят. Такъ вотъ ты этотъ списокъ и передай Аннѣ Федоровнѣ.

Адел. Григ. Слушаю. (Аннѣ Федоровнѣ, направляясь къ бюро.) Кстати вы и поторуетесь...

Анна Федор. А вы точно не умѣете!

Адел. Григ. Вы лучше, куда намъ.

Вася. Это ужъ вашъ талантъ, Анна Федоровна, ваша профессія...

Столб.-Десят. (доставъ изъ ридикюля пачку денегъ). Вотъ вашъ деньги. (Передаетъ ей.)

Адел. Григ. (взявъ съ бюро реестръ). А вотъ и списокъ покупокъ. (Передаетъ ей тоже).

Анна Федор. (взявшаго на него). Господи, сколько всего! Ваше превосходительство, я извозчика возьму.

Столб.-Десят. Да развѣ это далеко?

Анна Федор. На Срѣтенку-то?

Вася. Утро такое прекрасное... птички вѣуть...

Адел. Григ. (удерживая смѣхъ). Солнечно свѣтитъ...

Анна Федор. (съ отчаяніемъ). Да и я донесу всего этого! (Показывая генералу списокъ.) Тутъ хоть ломового бери!

Адел. Григ. Но вѣдь съ вами будетъ Полина

Анна Федор. (выходя изъ себя—расклавываясь). Нѣтъ ужъ—благодарствуйте!... Довольно что мнѣ и одной бока натолкають, а вы дочь не хуже кого-нибудь, чтобъ я стала по толкучкамъ водить!...

Адел. Григ. Да и не лучше васъ...

Анна Федор. Такъ вы бы пошли сами...

Столб.-Десят. Довольно, будетъ! прокляли мнѣ уши! (Аннѣ Федоровнѣ.) Возьмите извозчика обратно домой.

Адел. Григ. А деньги, что останутся, не привезите.

Анна Федор. (съ раздраженіемъ надвигая шляпку). Нѣтъ, себѣ возьму! Матерію мнѣ Катерина Петровна, отъ кого прикажете купить?

Столб.-Десят. Отъ моей горничной.

Анна Федор. Такъ я иду. Полина, дай мнѣ зонтикъ. (Направляется къ двери столовой въ сопровожденіи Полины.) До свиданья, ваше превосходительство. (Быстро, съ нѣмымъ уходомъ черезъ столовую.)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

(Изъ правой, противъ зрителя, двери входитъ Лакей.)

Лакей. Катерина Александровна Алексинская. Вася. Алексинская? Grand'maman...

Адел. Григ. (въ это время приближаясь къ Столб.-Десят.). Прикажете принять?

Столб.-Десят. Конечно.

(Лакей уходитъ.)

(Вася бѣжитъ, схватываясь связку ключей и убѣгаетъ съ ней въ дверь направо. Адел. Григорьевна смѣется за ними.)

Столб.-Десят. Ты куда, Адель?

Адел. Григор. Одѣваться.

Столб.-Десят. Прикажи подать мнѣ работъ по канвѣ.

(Адел. Григ. уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Алексинская. Bonjour, maman! (Подходитъ къ Столб.-Десятовой и наклоняется чтобъ поцѣловаться.)

Столбинъ - Десятова. Bonjour ma сѣте. (Подставляетъ ей для поцѣлуя щеку.)

Алексинская (увидавъ Полину.) Bonjour ma Pauline! (Дѣлаетъ ей навстрѣчу нѣсколько шаговъ и подаетъ руку.)

Столбинъ-Десятова (указывая возмъ себѣ

сто). Садись сюда. (Алексинская садится.) Что такъ рано, mon enfant?

Алексинская. Я поспѣшила, боясь васъ не тать. Вы собираетесь въ деревню, такъ вѣрно выѣзжаете часто.

Столб.-Десят. Прощаться? О, нѣтъ, моя ная! Я нынѣшній годъ избавляю себя отъ го труда. Не стоять.

(Горничная вноситъ большой сафьяновый идучокъ съ бронзовыми гвоздиками и ставтъ на столъ передъ Столб.-Десят.).

Столб.-Десят. (Алексинской). Ты что дѣвшь? Работашь что-нибудь? (Отворяя сунчокъ и вынимая изъ него длинную полосу нѣтъ, на которой вышиты пунсовые кактусы.) Посмотри мое шитье.

Алексинская (разсматривая канву). Ахъ, шап, это удивительно!... право только вы жете такъ... у васъ столько вкуса... Это я ковра на столъ?

Столб.-Десят. Да, кайма къ сукну. Я еще рѣшила какого цвѣта сукно — шагон или rt president.

Алексинская. И то и другое будетъ одинаво хорошо.

Столб.-Десят. Это для Жана; ему въ канеть.

Алексинская. Vert president будетъ лучше, шап, это оживитъ комнату.

Столб.-Десят. (глубокомысленно глядя на кактусы.) Ты думаешь?

Алексинская. Непремѣнно. (Послѣ небольшой паузы.) Я прѣехала къ вамъ посоветовъ, шап...

Столб.-Десят. Вѣрно насчетъ лѣта и подки за границу?

Алексинская. Нѣтъ, шап... о своемъ пожеви...

Столб.-Десят. (считая узоръ). Да?

Алексинская. Вы знаете, шап, что когда вышла замужъ за Nicolas, я не любила его — я безпредѣльной любовью, которою мы должъ любить того, кому отдаешь всю жизнь. оminate, какъ вы и всѣ говорили, что между ми бездна.

Столб.-Десят. Да, я всегда была этого мнѣя. Конечно, твой мужъ и хорошъ собою, и модъ, и съ прекраснымъ состояниемъ, и даже глупъ; — но вы съ нимъ разнаго круга, а только тамъ ихъ не воспитывай — все равно!... то онъ? — Отставной армейскій, артилерійскій рцеры! Что онъ видѣлъ? — Только ты его и села въ свѣтъ.

Алексинская. Да, шап, но вы не знаете только мнѣ стоило это труда! Я должна была вносить все, все... оскорбленія, неудовольгвѣя...

Столб.-Десят. Несчастный! Что же развѣ о общество, въ которомъ онъ таскался, лучше? Звонитъ.)

Алексинская. Должно быть, — но его мнѣню, такъ какъ онъ былъ очень недоволенъ и даже выражалъ мнѣ это...

Столб.-Десят. (качая головою). Какъ человекъ ничтожный!

Алексинская. Не знаю... Но онъ мнѣ отомстилъ, шап.

Столб.-Десят. Отомстилъ? Какъ?... Развѣ онъ способенъ?

Алексинская. Къ несчастію! Я для него сдѣлалась ничѣмъ!...

Столб.-Десят. Ну это еще не бѣда! Что же такое, ша сдѣге? Развѣ это измѣняетъ хоть сколько-нибудь твое положеніе въ обществѣ? Ничуть! Для него-же хуже... (Вошедшему лакею, не смотря на него.) Позвать Василія Васильевича.

(Лакей уходитъ).

Алексинская. Я хочу уѣхать, шап. Какъ вы совѣтуете?

Столб.-Десят. Уѣхать? Куда?

Алексинская. На лѣто въ деревню.

Столб.-Десят. Это въ твою, что по сосѣдству со мною?

Алексинская. Да, шап.

Столб.-Десят. Что же, пожалуй, поѣзжай для развлечения... Твой мужъ, кажется, тамъ что-то устроилъ по своему?

Алексинская. Да, суконную фабрику.

Столб.-Десят. А на чьи деньги — свои или твой капиталъ?

Алексинская. Мы не раздѣляемъ денежныхъ счетовъ.

Столб.-Десят. Напрасно! Это бы первое слѣдовако сдѣлать. У тебя управляющій тамъ?

Алексинская. Да, нѣкій Нерацкій, товарищъ мужа... Они друзья.

Столб.-Десят. (качая головою). А «товарищъ», вѣрно, «по дружбѣ» крадетъ какъ ни въ чемъ не бывало!... Ха... ха...

Алексинская. Не знаю, шап.

Столб.-Десят. Ну такъ поѣзжай тѣмъ богѣ, хотя ты и не понимаешь дѣла, но все же хозяйскій глазъ... притомъ воздухъ — онъ укрѣпитъ тебя... Поѣзжай! Будешь бывать у меня, а то я одна... (Вбѣжавшему Васѣ.) Вася, подойди сюда. — Я беру его къ себѣ на ваканцію.

Алексинская (протягивая руку Васѣ). Какъ я рада!... А что пишеть твоя шап — какъ ее здоровье?

Вася (конфузливо). Merci. (Садится на кончикъ стула.)

Столб.-Десят. Бѣдная Агриппина — все страдаетъ; кажется ея болѣзнь неизлѣчима. Полина, подайте портретъ Агриппины Ивановны, матери Васи.

Алексинская (вскакивая и идя къ Полины, которая исполняетъ требованіе Столб.-Десят.). Ахъ, не безпокойтесь, пожалуйста!... (Взявъ портретъ.) Merci infiniment!.. (Взгля-

нуго, отступает порывисто, затѣмъ конфузится.)

Полина. Ахъ, pardon, я вамъ по ошибкѣ подала портретъ Ивана Петровича... Ха... ха... ха... Какая я разсѣянная... *(Быстро ставитъ его на мѣсто и подаетъ Алексинской другой портретъ.)*

Столб.-Десят. *(не замѣтивъ случившюся).* Не обращай вниманія, что она такъ полна; это полнота не натуральная. Нынче вѣдь дознано медициной, что есть фальшивый аппетитъ, фальшивый сонъ, даже фальшивое здоровье. Человѣку только кажется, что онъ здоровъ, а между тѣмъ—онъ боленъ!... *(Вдвываясь къ столбу зарусь.)* Какъ ты находишь портретъ?

Алексинская *(подходя къ ней).* Похожъ—поразительно!

Столб.-Десят. Обратила ты вниманіе на ея кружева? Они тамъ стоятъ восемьсотъ франковъ... Ахъ, да, я и забыла тебѣ сказать... Знаешь Жанъ опять поступаетъ въ полкъ и чтобы отдохнуть отъ занятій...

Вася. Но, grand'паша, вѣдь онъ ничего такого и не дѣлалъ, чтобы уставать.

Столб.-Десят. Напрасно ты такъ думаешь, онъ готовится къ этому... все это утомляетъ, а такъ какъ лѣтомъ въ Петербургѣ невыносимо,—то онъ и сдѣлаетъ мнѣ удовольствіе и пріѣдетъ ко мнѣ въ деревню.

Вася. Чтобы скучать?

Столб.-Десят. Не думаю; онъ говорилъ мнѣ, напротивъ, что желаетъ разсѣяться...

Вася. Для того только, чтобы сказать вамъ что-нибудь пріятное! О, Жанъ очень интересен!

Алексинская. Въ самомъ дѣлѣ, паша, онъ соскучится съ нами.

Вася Конечно. Онъ будетъ скрывать это, потому что вы его звали, но въ глубинѣ души не будетъ знать какъ бы ухъать скорѣе... Вѣдь онъ не то, grand'паша, что я... *(Замѣтивъ недовольный, вопросительный взглядъ генеральши.)* Онъ молодой человѣкъ, а я... я почти ребенокъ, я еще дитя... для меня наслажденіе сидѣть возлѣ васъ, бывать съ вами... Я даже знаете что думаю, grand'паша... что онъ со всѣмъ не пріѣдетъ и готовъ держать пари! Хотите?...

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Жанъ *(показываясь въ дверяхъ столовой).* Я хочу! Bonjour, grand'паша!... *(Подходитъ къ генеральшѣ и цѣлуетъ ея руку.)*

Столб.-Десят. Ты такъ шумишь, Вася, что и не слышно какъ кто входитъ! *(Цѣлуя Жанна въ лобъ.)* Здравствуй, Жанъ, ты не былъ у меня вчера, здоровъ ли ты?

Жанъ. Merci, какъ всегда. *(Дѣлая общий поклонъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и Полинь.)* Входя я слышалъ здѣсь кажется шло

пари... о чемъ? Я вчера проигралъ едва, ты не могла ли отыграться сегодня?

Столб.-Десят. Пари о тебѣ—пріѣдешь и ты ко мнѣ въ деревню.

Жанъ *(садясь).* Разумѣется.

Столб.-Десят. Я была въ этомъ увѣрена. А нынѣшній годъ у меня сосѣдка будетъ. Е-терина Александровна.

Жанъ *(бросивъ взглядъ на Алексинскую).* Въ самомъ дѣлѣ?

Алексинская *(конфузясь).* Да, я предвѣщаю.

Столб.-Десят. Ты видѣла портретъ тети Жанъ. Tante Agrippine? Конечно. *(Вдвываясь къ столбу за руки и ставя между столба.)* Ну, что, Вася, тебя отпустили?

Вася. Да.

Столб.-Десят. Взгляни на мою работу, Жанъ, это для тебя.

Жанъ *(Всклакивая).* Неужели? *(Вздвываясь и шитые.)* Ахъ grand'паша, я этого не стою! *(Цѣлуетъ ея руку.)*

Столб.-Десят. *(пріятно улыбувшись).* Я думаю, что не стоишь... я вѣдь вовсе не мѣшаю тебѣ, шалунъ!

Жанъ. Вы право такъ добры... *(Вторично цѣлуетъ ея руку и, съгъ возлѣ нея, беретъ съ ней тихо оживленный, видимо интересный разговоръ.)*

Вася *(пробравшись въ это время къ Полинь).* А вы для кого вышиваете, m-lle Pauline?

Полина *(наблюдая за разговоромъ Жанъ и бабушки, со смѣхомъ).* Для васъ, бѣдный обиженный юноша.

Вася *(вспыхнувъ).* Вы смѣетесь надо мнѣ, m-lle Pauline... Конечно, я это понимаю, такъ прелестная работа и вдругъ... но мнѣ обидно, мнѣ дѣйствительно обидно... у меня нѣтъ ничего такого отъ grand'паша, чтобы могло бы поставить «souvenir»... а между тѣмъ *(Показывая на бабушку.)* я такъ grand'паша люблю такъ...

Полина. Вы напрасно теряете, молодой человекъ, зарядъ краснорѣчія, grand'паша не слышитъ!

Вася *(торопясь).* Ахъ, m-lle Pauline, ты вы!... Развѣ я для этого?... Однако, m-lle какой у васъ злой языкъ!... я и не предполагалъ, право не предполагалъ этого...

Полина *(смотря насмѣшливо въ уголъ на Васю).* Иванъ Петровичъ кажется единственный наследникъ вашей бабушки.

Вася *(съ азартомъ).* О, нѣтъ, какъ много... нѣбные все родовое, а моя наездница. *(Замѣтивъ, что Жанъ встаетъ, измѣняется тонъ.)* M-lle Pauline, вы кажется не видѣли коллекцію раковинъ, которую я собираю, не-дедите я вамъ покажу.

Полина *(съ саркастической улыбкой).* Не-дедите. *(Оба уходятъ въ столовую.)*

Столб.-Десят. *(замѣтивъ уходы Полинь.)*

тѣмъ когда ты прїѣдешь ко мнѣ въ деревню—тамъ у меня и планы и бумаги, тамъ мы тобой и потолкуемъ. Конечно, если ты же-шь продолжать службу, то я понимаю, что жить въ кавалерїи безъ состоянїя нельзя, чтобы выдѣлать тебѣ одно изъ имѣній необходимо прежде хорошенъко объ этомъ и помять, и посоветоваться кой съ кѣмъ.

Жанъ. Я вполне вѣрю въ ваше доброе ко мнѣ расположенїе, grand'tata...
Аделаида Григорьевна (*раздвигая портъ-правой двери*). Простите, ваше превосходительство, васъ ждутъ... (*Замѣтивъ Жана, манно.*) А, Иванъ Петровичъ!...

Жанъ. (*Щемяя шпорами*). Мое почтенїе, елаида Григорьевна.
Столб.-Десят. (*съ неудовольствїемъ*). Что къ такое? Какъ будто безъ меня нельзя...
Адел. Григор. Это изъ деревни...
Столб.-Десят. Такъ что же? Все равно! (*Встаетъ*). Ахъ, какъ это мнѣ надоѣло!... Я сейчасъ...
revient tout de suite.

(*Уходитъ въ сопровожденїи Адель*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Жанъ (*направляясь, чтобы взять фуражъ*). Ну, а я домой!... (*Беретъ фуражку.*)

Алексинская (*бросая книжку, которую она въ время съ видимымъ вниманїемъ читала, юспынно вставая*). Иванъ Петровичъ (*Оглянувшись.*) Послушайте...

Жанъ (*останавливаясь*). Что прикажете?

Алексинская (*оглянувшись еще разъ*). Мнѣ жно вамъ сказать два слова...

Жанъ. Что такое?

Алексинская (*продолжая оглядываться*). Ыдите мнѣ минуточку времени.

Жанъ. Съ удовольствїемъ. Говорите только рѣе.

Алексинская (*убѣдившись, что никто ее видитъ, торопливо подходитъ къ нему*). мнѣ, знаешь что? Я передумала... Не прїѣзжай же въ деревню.

Жанъ. Ха... ха... ха... Когда просать такія ци, то ужъ не говорятъ «ты»!... Е мѣ стало ты угодно разстаться со мной? Вы отъ меня жите? Да? Прошу не говорить послѣ этого, я васъ бросилъ!

Алексинская. Но, Жанъ, ты не понялъ меня.

Жанъ. Потому что тебя я понять невозможно! Сама себя не понимаешь! То умоляешь прїѣхать въ Бубново, мечтая о томъ какъ мы вмѣстѣ проведемъ лѣто въ деревнѣ, то вдругъ—учше не прїѣзжай!

Алексинская. Видишь ли, Жанъ... (*Беретъ его руку повыше кисти.*) Я мученица... Ты ишь мою любовь къ тебѣ, но я боюсь...

Жанъ. Чего? Огласки? (*Замѣтивъ, что Полина села у стола въ столовой и смотритъ*

на мнѣ.) Такъ будь поосторожнѣе: прими руку, а то вотъ та дѣвченка все видитъ.

Алексинская (*исполняя это*). Я боюсь, милый мой, всего... Если ты прїѣдешь—что скажутъ? Что это для меня!

Жанъ (*улыбался*). Вовсе нѣтъ! Весь свѣтъ знаетъ, что мнѣ необходимо заскивать расположенїе бабушки, такъ какъ она меня выдѣлать собирается, и если ужъ начнутъ говорить, такъ наоборотъ, что ты для меня бросила мужа и отправилась вслѣдъ за мной.

Алексинская (*вскрикнувъ*). Господи!... Но это тѣмъ хуже!

Жанъ. Кричи еще громче, чтобы и слышали, а то только глядятъ. (*Отходитъ отъ нея.*)

Алексинская (*подбывая къ нему*). Жанъ, ты безжалостенъ, не уходи!... Я буду говорить спокойно, тихо...

Жанъ. Чего ты всполошилась, скажи, пожалуйста? Чего? Вѣдь мужъ не догадывается? Въ обществѣ ничего не говорятъ?

Алексинская. Нѣтъ, еще ничего...

Жанъ. Такъ что же это за фантазія?

Алексинская. Я думала...

Жанъ. Перестань чудить!... Вѣдь это смѣшно!... Ты сама наводишь сомнѣнїе...

Алексинская (*впадая въ павось и повышая голосъ*). Жанъ, ты знаешь вѣдь, какъ я тебя люблю, какъ ты мнѣ дорогъ!...

Жанъ. Знаю, знаю, только не кричи, не дѣлай сценъ, ради Бога!... (*Мѣняя тонъ.*) Ну, прощайте (*Кладетъ фуражку подъ локоть лѣвой руки, причеъ изъ нея выпадаютъ перчатки, и подавая ей правую руку.*) Au plaisir de vous revoir, madame! (*Щемяетъ шпорами и направляется въ столовую, встрѣчаясь въ дверяхъ съ Полиной.*)

Полина (*медленно входя въ комнату не переставая вышивать*). Ваши перчатки, Иванъ Петровичъ. (*Указываетъ.*) Вы ихъ потеряли. (*Шьетъ столъ, не поднимая глазъ.*)

Жанъ (*обернувшись*). Ахъ дѣйствительно... merci! (*Идетъ, поднимаетъ. Взглянувъ на Полину, которая продолжаетъ свою работу.*) Какъ вы прилежны, mademoiselle, удивительно прилежны!

(*Алексинская съ досадою начинаетъ разсматривать кисею.*)

Полина (*не поднимая глазъ, спокойно*). Да?

Жанъ (*надѣвая перчатки*). Прїѣбрь для насъ, лѣннцевъ.

Полина (*не измѣняя положенїя*). Въ самомъ дѣлѣ? Кто же вамъ мѣшаетъ слѣдовать ему?

Жанъ. Лѣность... Впрочемъ, прїѣбра одного мало—надо учить. Дайте мнѣ лоскутокъ кисеи, я буду вышивать.

Полина (*разсмѣявшись, но не измѣняя положенїя*). Вотъ идея!

Жанъ. Право. Это должно быть очень весело — шить и только объ этомъ думать.

Полина (*какъ прежде*). Напротивъ; это именно такое занятіе, которое не мѣшаетъ думать о другомъ.

Жанъ. Серьезно? О чемъ же вы думаете?

Полина (*значительно взглянувъ на него, съ улыбкой*). А вамъ очень хочется знать? (*Продолжаетъ шить.*)

Жанъ. Очень. Скажите.

Полина. О тысячи вещахъ, обо всемъ, что попадаетъ на глаза... (*Съ удареніемъ, опять взглянувъ на него и улыбувшись.*) Что я вижу, что слышу...

Жанъ. Слѣдовательно и обо мнѣ?

Полина (*кокетливо*). Да, между прочимъ.

Жанъ. Между прочимъ? — Этого мало.

Полина. Вы находите?

Жанъ. Конечно: я самолюбивъ...

Полина. Дурной порокъ.

Жанъ. Согласенъ... но... все-таки я лучше васъ; — я... откровененъ.

Полина. Какъ это? (*Бросаетъ взглядъ на Алексинскую, потомъ на него. Со смѣхомъ.*) Откровенность большая ошибка!

Жанъ (*оторопѣвъ*). Нѣтъ... (*Улыбувшись.*) Видите-ли я... я... сознаюсь въ моихъ порокахъ, а вы не хотите признаться въ вашихъ нислгахъ.

Полина. Это труднѣе.

Жанъ. Развѣ? Почему?

Полина. Вы любопытны.

Жанъ. Но я и настойчивъ.

Полина. Да?

Жанъ. Увидите. Я добьюсь, я узнаю... теперь мнѣ некогда, я спѣшу; grand'maman можетъ задержать меня, — но помните — при первой нашей встрѣчѣ.

Полина. Что?

Жанъ. Я узнаю.

Полина (*съ наивностью*). Что такое?

Жанъ. О чемъ вы думаете. Au revoir, m-lle Pauline. (*Жметъ ей руку, щелкнувъ шпорами и съглавъ поклонъ Алексинской, поспѣшно уходитъ черезъ столовую.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Столб.-Десят. (*входя*). Ну вотъ и я.

Алексинская (*стоявшая все время продолженіи разговора Жана и Полины въ страшномъ волненіи, дѣлая видъ, что разсматриваетъ кипсекъ*). Ахъ, маман, (*Бросаясь къ ней.*) вы еще не знаете... я еще не все вамъ сказала...

Столб.-Десят. И не нужно... И нечего говорить!.. Мой совѣтъ тебѣ молчать вообще и ни съ кѣмъ не откровенничать... Что въ этомъ проку?

Алексинская. Но, маман...

Столб.-Десят. (*холодно цѣлуя ее въ лобъ*).

Ты очень нервична, моя дорогая, тебѣ необходимо нужно посоветываться съ докторомъ... Обратись вотъ хотя къ Ольгенгейту — прекрасный докторъ, онъ лѣчитъ Агриппину, единственный отъ нервныхъ болѣзней... Онъ дастъ тебѣ что-нибудь на лѣто въ деревню — пиши или порошокъ — и будешь здорова.

Алексинская (*съ слезами*). Ахъ нѣтъ, маман, нѣтъ, будь я покойна душой...

Столб.-Десят. Ну холодныя ванны можетъ быть посоветуетъ — онъ тебя укрѣпляетъ... Ты кажешься хочешь уже проститься со мной?

Алексинская. Да, маман, мнѣ нужно ускориться... (*Цѣлуя Столб.-Десят.*)

Столб.-Десят. (*цѣлуя ее вторично въ лобъ*). Такъ до свиданія, мой ангелъ! (*Провожая ее до двери*). Не забывай меня, старуку...

Алексинская (*бросаясь опять къ ней съ объятіями*). Какъ можно, маман!.. Видѣть васъ единственное мое утѣшеніе... (*Быстро подбѣгая къ Полине*). До свиданія, m-lle Pauline.

заходите ко мнѣ, пожалуйста... всегда катъ только будетъ у васъ свободное время... безъ церемоній... буду очень рада... (*Подавая съ руку*). Au revoir! (*Быстро идетъ къ Столб.-Десят., обнимаетъ и цѣлуя ее.*) Au revoir, chère маман!.. простите за беспокойство.

(*Уходитъ въ правую противъ зрителя дверь, въ сопровожденіи Полины*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

(*Въ столовой слышится шумъ. Вбѣгаетъ Вася, волоча по полу пучки шнурковъ и всеямокъ и таща огромную связку, изъ которой свѣются разныя свертки, коробки съ пуговицами, булавками, иголками и другими принадлежностями работы, клубы вязальной бумаги, мотки цѣпныхъ шерстей, грѣбеньки, шпильки, жестянки съ ямадой и проч. Все это онъ теряетъ и о конецъ концовъ швыряетъ съ шумомъ оставшее посреди комнаты.*)

Столб.-Десят. (*пораженная*). Что это? Вася!

Вася. Ахъ, grand'maman, это Анна Федорова... Я не виноватъ... это тяжело, я не могу удержать, grand'maman... Я хотѣлъ помочь Аннѣ Федоровнѣ.

Анна Федор. (*вбѣгая вслѣдъ за нѣмъ раскрасившаяся, съ спутанными до невозможности волосами, съ огромными, стлужными веревками, узломъ*). Василій Васильевичъ!.. Что вы дѣлаете!?! Василій Васильевичъ!..

Столб.-Десят. Вася!.. Вася, перестань!.. Ахъ какъ это скучно!.. Слышишь — тебѣ говорить!.. Подбери сейчасъ-же все!..

Вася. Слушаю, grand'maman... (*Подъ видомъ прибирания разбрасываетъ еще больше*).

Адел. Григ. (*быстро входя*). А, это вы, Анна Федоровна!.. Ну что—все купили?

Анна Федор. (*съ торжествующимъ лицомъ*). Разуѣтса!

Столб.-Десят. И на платьѣ нѣ?

Анна Федор. И вамъ на платьѣ, ваше прев—во!.. Ахъ, ваше прев—во, съ вапниъ платьемъ цѣлая исторія!..

Столб.-Десят. (*поспѣшию*). Что такое?

Анна Федор. Такого фуляра, какъ вашъ, не наша, перерыла весь магазинъ—нѣтъ!.. Такъ я обѣняла его на другой... настоящей французскій—съ клеймомъ таможи, койманн, въ двѣнадцать съ половиною аршинъ длины, шире вашего и лучше!.. Шелкъ—просто прелесть—ровный, плотный, витка въ витку... посмотри-те! (*Береть изъ узла, который успѣлъ уже развязать Вася, матерію и развертываетъ ее передъ Столб.-Десят.*)

Столб.-Десят. Ахъ какъ это мило!.. (*Разсматриваетъ*). Прелесть!.. Вгляни, Аделъ, какъ порядочно. А что вы много приплатили, Анна Федоровна?

Анна Федор. (*торжественно*). Отгадайте.

Столб.-Десят. (*сообразжал*). Не знаю..

Анна Федор. Восемь рублей.

Столб.-Десят. Не можетъ быть!.. Да это совсѣмъ даромъ!.. И какъ это вамъ такъ удалось?

Анна Федор. (*съ восторгомъ*). Торговалась очень. Немножко потолкали—правда, но за то...

Вася. Что?.. Васъ вытолкали?

Столб.-Десят. (*строго*). Вася!

Вася (*драпируя кусками принесеннаго ситца стулья и кресла*). Виновать, ганд'шатап. Я недослышалъ... я думалъ что полицейскіе...

Столб.-Десят. Что ты дѣлаешь?!

Вася. Ничего, ганд'шатап, это такъ... такъ лучше... теперь ваша гостиная совершенно какъ лавка...

Столб.-Десят. (*повелительно*). Оставь! Ты нѣ просто голову вскружилъ своими шалостями! (*Адел. Григорьевнъ, указывая на ситце*). Это для дѣвокъ?

Адел. Григ. Да, ваше пр—во, для дѣвокъ и другой прислуги.

Столб.-Десят. Раздай нѣ.

Анна Федор. (*садясь, снимая шляпку*). Охъ, присѣсть! (*Передавая деньги и реестръ покупокъ Столб.-Десят.*) Извольте получить, ваше пр—во!

Столб.-Десят. (*передавая Адел. Гр—т*). Сочти, Аделъ. (*Взявъ вновь матерію и собирая ее въ складки*). Прелесть фуляръ! Я такъ рада, такъ рада. . шегсі, Анна Федоровна! (*Передавая ей Адел. Гр—т*). Возьми и это... Пошли за портнихой. (*Садится въ кресло и беретъ работу.*)

Адел. Григ. (*принимая матерію и почти швыряя ее на стулъ*). Все равно не сошьютъ вамъ до отъѣзда. (*Звонитъ.*)

Столб.-Десят. Почему? У тебя страсть спорить.

Адел. Григор. Когда-же успѣть? Всего осталось три дня. (*Вошедшему лакею*). Помогите нѣ убрать все это. (*Собираетъ. Лакей и Вася помогаютъ.*)

Анна Федор. (*съ то же время*). Если позволите, ваше пр—во, я схожу; черезъ два дня все будетъ готово.

Столб.-Десят. Вотъ видишь. Пожалуйста, Анна Федоровна.

Анна Федор. Съ удовольствіемъ, ваше пр—во, (*Вошедшей Полинѣ*). Ты гдѣ это шатаешься? Не видишь что дѣлають?.. Потрудись тоже.

(*Полина молча подходитъ къ Адел. Григорьевнъ, помогаетъ ей уложить вещи и вмѣстѣ съ ней, лакеемъ и Васей уносятъ все направо въ боковую дверь.*)

Столб.-Десят. (*съ это время*). А она хорошо работаетъ? Не испортить?..

Анна Федор. О, будьте покойны, замѣчательно хорошо шьетъ... Притомъ скоро и не дорогая.

Адел. Григ. (*уходя и бросая на Анну Федоровну молніеносный взглядъ*). Такъ вотъ и приведите ее, эту драгоценность, а то разсылать некого—вся прислуга занята.

Анна Федор. (*ей вслѣдъ*). Могли-бы, кажется, и сами услужить Катеринѣ Петровнѣ... (*По уходѣ вслѣдъ, несмыло*). Знаете что, ваше превосходительство... я бы хотѣла васъ попросить кой о чемъ.

Столб.-Десят. (*взглянувъ на нее изъ-подъ очковъ*). Ну?

Анна Федор. (*рѣшительно*). У меня вотъ какой планъ: я имѣю случай на дѣто сдать свою квартиру.

Столб.-Десят. Что-же, прекрасно.

Анна Федор. Нѣ дають по десяти рублей въ мѣсяцъ.

Столб.-Десят. Очень хорошо.

Анна Федор. Такъ вотъ я и не знаю какъ нѣ быть... Куда нѣ съ Полиной дѣваться? Некуда... Мнѣ-бы хотѣлось уѣхать...

Столб.-Десят. Зачѣмъ? Вѣдь вы и безъ того дома не живете.

Анна Федор. Да, дѣйствительно, почти не живемъ, но все-таки иной разъ мочуенъ у себя, обѣдаемъ... такъ вотъ я и хотѣла попросить васъ, ваше пр—во, оказать намъ благодѣяніе и позволить намъ провестъ дѣто у васъ въ деревнѣ.

Столб.-Десят. У меня?

Анна Федор. (*умоляющимъ голосомъ*). Да.

Столб.-Десят. (*опуская работу*). То-есть какъ-же это? Вы прѣдете ко нѣ?

Анна Федор. Нѣтъ, ваше пр—во, ужъ если

вы будете такъ добры, то и довезите насъ какъ-нибудь... вы знаете, мы не прихотливы, а истратить нѣсколько рублей на дорогу это составляетъ кое-что... (*Замѣтивъ, что струги не могутъ вѣтъ кончикъ шерсти въ шолку.*) Позвольте мнѣ, я сейчасъ вдѣну. (*Исполняя и передавая шолку.*) Вотъ и готово.

Столб.-Десят. (*взглянувъ на Анну Федоровну*). Какъ это вы ловко дѣлаете!.. (*Начинаетъ шить.*) Такъ значить вы хотите вѣсть съ нами?

Анна Федор. Если васъ не затруднитъ, ваше пр—во... Мы вамъ столько ужь обязаны... и если наше общество ужь не совсѣмъ вамъ неприятно—доставьте, ради Бога, намъ возможность съэкономничать, при нашей бѣдности, нѣсколько рублей.

Столб.-Десят. (*послѣ минутной паузы*). Пожалуй,—хорошо, я васъ возьму... я скажу Адели. Мы вотъ какъ сдѣлаемъ: когда я приѣду въ деревню, то я пошлю сюда за экипажами и лошадыми; карету и коляску повезутъ подъ покрывалами, а въ бричку, куда положить оставшіяся здѣсь вещи,—вы можете сѣсть съ Полинной.

Анна Федор. Не знаю, право, какъ васъ и благодарить... Вы не имѣете понятія о нашемъ положеніи...

Столб.-Десят. Я всегда рада помочь всякому.—Васъ не стѣснить, что сзади брички будутъ привязаны лошади?

Анна Федор. Нисколько! помилуйте, мы...

Столб.-Десят. Ну и отлично. Человѣка съ вами не будетъ; вы присмотрите, чтобы все было привезено въ цѣлости.

Анна Федор. Конечно, конечно...

Столб.-Десят. И будете наблюдать за кучерами, чтобы они не пропивали овесъ.

Анна Федор. Будьте покойны, ваше пр—во, я и дочь моя... мы постараемся...

Горничная (*входя со сверткомъ кисеи въ рукахъ*). Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство. (*Цѣлуетъ руку и уходитъ*).

Столб.-Десят. (*не обращая на нее вниманія, Анна Федор—тъ*). Ну, а когда приѣдете въ деревню, вѣдь вамъ дѣлать будетъ нечего, такъ я вамъ дамъ другое занятіе: я куплю здѣсь полотно, а вы тамъ скроите его и сошьете мнѣ дюжину сорочекъ...

Анна Федор. Съ удовольствіемъ.

Столб.-Десят. Со строчкой, какъ должно.

Анна Федор. Само собою... Кокетки вышью—родъ манишечки...

(*Входятъ двѣ горничныя, тоже со свертками.*)

1-я Горничная. Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство.

2-я Горничная. Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство!

(*Цѣлуютъ руку и уходятъ.*)

Столб.-Десят. (*въ то же время, не обращая на нихъ вниманія*). А Полина ваша шить умѣетъ?

Анна Федор. Нѣтъ, Катерина Петровна, вы знаете, вѣдь, какъ и чену ихъ учать въ нисіонѣ.

Столб.-Десят. Она и вышиваетъ прескверно—я видѣла; я дамъ ей фонъ зашить вотъ въ этой канвѣ. Это-то она сунѣтъ, не испортить?

Анна Федор. Какъ можно, понятное дѣло... она постарается.

(*Входятъ два лакея съ свертками въ рукахъ.*)

1-й Лакей } Покорнѣйше благодарю...

2-й Лакей } вѣсть Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство.

Адел. Григор. (*входя изъ правыхъ дверей въ сопровожденіи Полины и Васи*). Ахъ, ваше пр—во, вы всѣхъ одѣлили, забыли только одного казачка Митрошку;—но Базиль, этотъ аггелъ Базиль, онъ нашелъ у себя кое-что, даль ему и надо видѣть теперъ какъ счастливъ этотъ мальчикъ!

Столб.-Десят. (*съ достоинствомъ*). Сегодня, кажется, всѣ счастливы, вотъ и Анна Федоровна тоже счастлива,—она приѣдетъ съ дочерью ко мнѣ въ деревню.

Адел. Григор. (*съ удивленіемъ*). Какъ? Вы?..

Анна Федор. (*тоже съ достоинствомъ*). Да, я!

1-й Лакей. Прикажете завтракъ подавать?

Столб.-Десят. Давно пора. Анна Федоровна, я не держу теперъ своего стола, извините.

Анна Федор. (*вставая*). Я знаю, ваше пр—во, я и не рассчитывала оставаться у васъ... (*Надѣваетъ шляпку, дѣлая знакъ Полины.*)

Лакей. Сторожъ и кучера пришли поблагодарить ваше превосходительство.

Анна Федор. (*Завязывая ленту шляпки*). Я еще буду имѣть удовольствіе видѣть васъ передъ отъѣздомъ, Катер. Петр., чтобы узнать какъ намъ можно будетъ уложиться, кому вы поручите...

Столб.-Десят. (*вставая, съ видимымъ удивленіемъ*). Хорошо, хорошо!... изъ-за чего столько толку?

(*Лакеи уходятъ.*)

Анна Федор. (*толкая локтемъ Полину*). Благодарю ея превосходительство... Что-же ты стоишь...

Полина (*почти шепотомъ, опуская глаза*). Вы такъ добры, Катерина Петровна...

Столб.-Десят. Которая это мнѣ благодарность сегодня?... Пойдите завтракать... Вася! Адель!..

(*Столб.-Десят., Адел. Григорьевна и Вася уходятъ въ столовую, Вася, уходя послѣднимъ въ объятія Адел. Григорьевны, дѣлаетъ носъ Аннѣ Федоровнѣ, показывая языкъ.*)

Полина (*оставшись вдвоемъ съ матерью*). Ну, куда-же мы теперь, маменька?

Анна Федор. Куда?.. (*Послѣ небольшой паузы*.) Не знаю! (*Махнувъ рукой*.) Ахъ ты жизнь!.. Дѣлать нечего,—пойдешь дохой!... У меня еще

осталось тридцать копѣекъ,—по дорогѣ купимъ что-нибудь поѣсть!..

(*Уходятъ въ правую дверь противъ зрителя*.)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II-е.

Садъ. Въ глубинѣ, на лѣво, въ $\frac{3}{4}$ оборота къ зрителю, большой, затѣливой архитектурой, барскій домъ, съ боковой террасой и широкимъ, убраннѣмъ цвѣтами и вьющимися растеніями, балкономъ на второмъ этажѣ — во всю длину дома, съ лѣстницей въ садъ и колоннадой, обвитой дикимъ виноградомъ. Передъ домомъ роскошный цвѣтникъ. Направо, на заднемъ планѣ,—родъ бесѣдки изъ вьющихся растеній, на переднемъ—садовая скамья подъ кустами сирени. На лѣво, на переднемъ планѣ, подъ мантокомъ диваномъ, столъ, кресла. Вдали—рѣка, освѣщенная вечерней зарей.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

При поднятіи занавѣсы—на лѣво, подъ деревомъ, сидитъ Алексинская и вышиваетъ въ пальцахъ. Изъ дома, съ террасы, входятъ Неряцкій съ кипюю книжъ, газетъ, журналовъ и писемъ и ланей.

Неряцкій (*смыдовавшему за нимъ лакею*). Скажите г-ну Теженецкому, что у меня для него и господъ Столбнявъ-Десятыхъ нѣтъ ничего въ оранжереи и если они желаютъ нѣтъ цвѣты, то пусть сами разводять.

(*Лакей уходитъ*.)

Неряцкій (*подходя къ Алексинской*) Здравствуйте, Катерина Александровна. Вотъ съ почты привезли. (*Кладетъ примесенное имъ на столъ*.) Вамъ три письма; одно кажется отъ Николая.

Алексинская (*схвативъ письма*). Bon soire, m-g Неряцкій, вѣкъ, какъ я васъ не видѣла.. (*Протягиваетъ ему съ улыбкой руку*.) Жива чуть не въ одномъ домѣ... Право это не хорошо!

Неряцкій. Не хотѣлъ васъ беспокоить... да и рабочему человѣку часто бываетъ некогда: тѣмъ свѣтъ въ полѣ, тамъ на фабрику, вечеромъ—тоже дѣла—счета. Едва успѣваешь что-нибудь прочесть.

Алексинская. Садитесь, пожалуйста (*Разрываетъ одинъ изъ конвертовъ*.) Простите великодушво.

Неряцкій (*сидясь*). Сдѣлайте одолженіе, не перемоньтесь. (*Беретъ журналъ и читаетъ. Затѣмъ, что она, быстро просмотрѣвъ письмо, складываетъ его*). Ну, что онъ пишетъ?

Алексинская. Всего три строчки. (*Читаетъ*.) «Что ты молчишь? Двѣ недѣли какъ уѣхала и хоть-бы слово!... Ужъ не больна-ли, избави Богъ? Увѣдомь скорѣе». Ахъ, въ самокъ дѣлѣ, какая я лѣнивая.... Собираюсь со дня на день и никакъ не могу собраться.

Неряцкій. Вы-бы телеграфировали.

Алексинская. Да? Ну хорошо, я это сдѣлаю...

Непрѣжнно сегодня-же. Вы кажется очень любите Nicolas?

Неряцкій. Да, мы друзья съ дѣтства; вмѣстѣ учились, росли.... только потомъ разошлись по разнымъ дорогамъ. Онъ пошелъ по военной, а по гражданской,—поступилъ въ технологическій институтъ....

Алексинская (*отложивъ письма въ столу и прерывая его*). Взгляните, какъ вамъ понравится? Я начала большую работу, (*Раскрываетъ пальцы*.) вышиваю целену для нашей церкви. У меня много des perles bourguignons, des chefs en or, знаете?

Неряцкій. Никакъ нѣтъ-съ. Это не по коей части.... (*Взглянувъ на работу*.) Должно быть хорошо. Ну что-жъ вы осмотрѣлись у насъ, ознакомились съ паркомъ, съ окрестностями усадьбы? Есть мѣста очень живописныя.

Алексинская. Нѣтъ, я дальше цвѣтника никуда не хожу.

Неряцкій. Напрасво. Вотъ за рѣкой, напротивъ,—отсюда видно,—превосходная сосновая роща,—лучше Сокольниковой, могу васъ увѣрить. Затѣмъ были въ оранжереѣ?

Алексинская. (*смысь*). Нѣтъ, тоже не была!

Неряцкій. Ахъ, грѣховница! Да такой поискать; въ Москвѣ не найдете!

Алексинская (*наивно*). Что вы?

Неряцкій (*шутливо, добродушно*). Совершенно вѣрно. Въ Бубновѣ уже пронюхали о ней и вотъ сейчасъ достопочтенный Василька, желая сдѣлать бабушкѣ сюрпризъ,—обставивъ ея этаблиманъ цвѣтами, — вѣроятно, чтобы ова поскорѣй задохлась,—присылалъ сюда подводу за цвѣтушки магноліями, чайными деревьями и туберозой.

Алексинская. Что-жъ, вы дали?

Неряцкій. Конечно, нѣтъ!

Алексинская. Ахъ, Боже мой, какъ-же это. Катерина Петровна мнѣ крестная мать!

Неряцкій (*весело, шутливо*). Знаю-съ; но что-же изъ этого? Ради Бога, Катерина Але-

ксаидровна, не обирайте себя!—У вашего садовника заготовлены прелести—дивные экзецилары, но только для васъ.... Сжальтесь!

Алексинская (*съ неудовольствіемъ*). Но вѣдь это значить манкировать шапан!

Неряцій. Манкировать? Кому? Катеринѣ Петровнѣ Столбичъ-Десятовой де Вубново? Помните, что вы! Да развѣ это возможно? Вѣдь это все равно, что достать солнце рукою. Развѣ она обыкновенная смертная, чтобы вы могли обратить ея вниманіе на себя, оказавъ ей чѣмъ либо расположеніе или пренебреженіе?..—Ея—этому божку Олимпійскому, застывшему въ своемъ величій сфинксу!

Алексинская. Ахъ, Боже мой, что вы говорите!...

Неряцій (*тѣмъ-же тономъ*). Міры падутъ съ вокругъ нея и не сдвинуть ея съ этаблимана! Провалится въ преисподнюю всѣ окружающія ея приживалки, сломятъ голову Васька, прострѣлятъ лобъ кутила кавалеристъ и она не шевельнется, не спроситъ, почему это случилось?.. Гдѣ-же ей думать о другихъ, о комъ-бы-то ни было? Она не человекъ, она нѣчто безплотное—Юпитеръ-громовержецъ, Перунъ....

Алексинская. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, вы несправедливы къ шапан. Пожалуйста распорядитесь послать ей сейчасъ-же что есть у меня лучшаго.

Неряцій (*со вздохомъ*). Какъ угодно-съ,—ваше добро. Сѣдло тоже прикажете присовокупить?

Алексинская. Сѣдло? Какое сѣдло?

Неряцій. Ваше. Вчера я получилъ,—не знаю какъ назвать,—приказаніе, просьбу или просто повѣстку—доставить его въ Вубново,—такъ какъ, дескать, вы не ѣздите, и потому оно вамъ не нужно.

Алексинская (*съ недоумѣніемъ*). Сѣдло!... Кто присылалъ?

Неряцій. Самъ отставной поручикъ, кавалеристъ Иванъ Петровъ.

Алексинская. Какъ?... Иванъ Петровичъ?... Развѣ онъ пріѣхалъ?

Неряцій. Какже-съ, изволили прибыть; дней пять уже будетъ.... И такъ какъ нѣтъ дѣлать, по обыкновенію, нечего,—то они и желаютъ занять свои часы досуга манежными ученіемъ.

Алексинская (*растерявшись*). Кого же онъ будетъ учить?

Неряцій (*со смѣхомъ*). Не могу знать. Должно быть всѣхъ по очереди, начиная съ бабушки.

Алексинская (*стараясь смѣяться, чтобы скрыть смущеніе*). Ахъ, топ Dieu!

Неряцій. Что-же, это презабавно будетъ... Жаль только лошадей! (*Съ сердцемъ*.) И не легкая-же сила ихъ принесла сюда нынѣшній годъ, чтобы вы и здѣсь отъ нихъ не избави-

лись!... Вѣдь они не дадутъ вамъ дышать, измучать, истерзать.... Знаете что? Позвольте нѣтъ распорядиться, если вы ужъ лично по добротѣ своей не въ силахъ,—я велю заворотъ ворота и какъ только кто двинется изъ нѣтъ—приживалка-ли, почтенный отрокъ, само искусство кавалеристъ—все равно—всѣмъ говорить, что васъ нѣтъ дома.

Алексинская (*испугавшись*). Нѣтъ, не надо... Богъ съ вами, что вы!... Какъ можно!

Неряцій (*засмѣявшись*). Напрасно. А ужъ я бы постарался!... Былъ я вчера у нѣтъ—просто прелестъ: царь Новуходоносоръ во всемъ своемъ величій возсѣдаетъ, приживалка вокругъ...

Алексинская (*перебивая, не слушая*). Вы были въ Вубновѣ?

Неряцій. Такъ точно-съ; нѣтъ счастья. Изволили вызывать меня, въ качествѣ эксперта, по вопросу размежеванія спорныхъ земель съ сосѣдними обывателями—я и поѣхалъ.

Алексинская. И долго пробыли тамъ?

Неряцій. Порядочно. Обѣдали, послѣ обѣда предложили карточку...

Алексинская. И вы остались?

Неряцій. Остался. Выигралъ всѣхъ и уѣхалъ.

Васъ удивляютъ это? Я уѣду вѣдь вести себя прилично и ругаюсь только шути между своими друзьями, когда къ слову придется; а то такъ даже иногда и думаю, что можно и оставить ихъ, этихъ полумертвецовъ, въ покоѣ доживать свой вѣкъ на развалинахъ ихъ прежняго величія...

Алексинская (*со смѣхомъ*). «Самого» видѣли?

Неряцій. Блестящаго кавалериста и кутира барышень и данъ обѣихъ столицъ? Какже-съ. Усиленно улаживать за прибывшей изъ Москвы, съ багажемъ, молодой барышней и видѣть съ тѣмъ въ большомъ прискорбій находятъ,—точно въ воду погруженные.

Алексинская (*стараясь смѣяться*). Почему? Скучаетъ вѣрно?

Неряцій (*весело*). Должно быть; надо такъ полагать, потому что статьи все неподходящія: во-первыхъ, барышня, какъ будто, не очень благоволила, она, кажется, умнѣе всѣхъ тамъ, во-вторыхъ, послѣ петербургскихъ банкетовъ съ разными Сюзеттами и Кляреттами, бубновскіе пискари въ обществѣ ея превосходительства и приживалокъ не должны приходиться по вкусу, а въ третьихъ, бабушка, будь ей пусто, не даетъ вотъ нѣтъ по боку качнуть, ну и грустятъ,—поплатное дѣло!

Алексинская (*насмѣливо разсмѣявшись, скрывая слезы*). Ха... ха... ха... вы меня уморите со смѣху, ш-г Неряцій!... Вы право ужасный человекъ—заставляетъ смѣяться до слезъ!...

Неряцій. Что же если смѣхъ здоровый—такъ и смѣйтесь... (*Говоря все время весело, добродушно, шутливо, — переходя отъ*

ерьезный тонъ.) Только знаете что? Тутъ и вѣяться нельзя—болвно. Свѣяться можно надъ бабушкой, Пехлецовымъ... Она скоро укреть, ислѣветъ и всѣ ея приживалки уплывутъ за ней; не станутъ старыя хоролъ, не будетъ нѣта и крысака; Пехлецовъ, тоже ужъ отживають свой вѣкъ, обратился въ какое-то посмѣшище и не сегодня—завтра незамѣтно отправится червякъ на ужинъ. Пехлецовъ—*(Сбивая галочкой грибокъ у ствола дерева.)* вотъ это!... Никому ненужный грибокъ—поганка; но Иванъ Петровичъ это молодое существо!... Онъ долго еще проживеть, изчаде отошедшихъ въ гѣчность паразитовъ, отжившей свой вѣкъ среды, долго будетъ тяготѣть надъ обществомъ, обременяя землю!... Лѣнь, деморализація, презрѣніе къ честному труду—прихѣръ скверный, паразителный, а тутъ на горе еще красивый, блестящій, ну и конечно!... Васки вѣдь, дозпочтенные эти отроки, у нихъ, у Ивановъ Петровичей учатся... Изъ полка, наприхѣръ, почему онъ вышелъ? Бабушка ничего не дають, состоянія нѣтъ? Вздоръ! Потому что въ наше время господамъ офицерамъ нельзя ничего не дѣлать!... Ну и попросили должно быть...

Алексинская. Но вѣдь онъ опять поступаетъ въ полкъ!

Неряцкій. На словахъ: чтобы бабушка ивѣнне отдѣлила... для увеличенія кредита, съ политико-экономической цѣлью... ради чего онъ и мундира не снимаетъ... *(Слышенъ звонъ бубенчиковъ.)* Однако, кажется пріѣхалъ кто-то... *(Встаетъ и заглядываетъ налево.)* Точно-съ; о волкѣ погудка, а волкъ тутъ—последній изъ рода Столбныхъ - Десятовыхъ! *(Взявъ со стола фуражку.)* Желаю веселиться! *(Раскланиваясь.)* Честь ивѣмъ кланяться!

Алексинская *(постынно).* Нѣтъ, нѣтъ, не уходите, пожалуйста, оставайтесь... Я такъ не люблю этихъ визитовъ... онъ те dérange...

Неряцкій. Ха... ха... ха... ха... Я думаю, удовольствія мало! *(Садясь на свое мѣсто.)* Право Катерина Александровна, согласитесь на мое предложеніе.

Алексинская. Какое?

Неряцкій. Дозволить ивѣ...

Лакей *(входя).* Иванъ Петровичъ!

Алексинская. Просите сюда. *(Лакей уходитъ.)* Дозволить вамъ?

Неряцкій *(со смѣхомъ).* Запереть ворота. *(Алексинская принужденно смѣется.)* У васъ есть въ сосѣдствѣ прекрасные люди: князя Телящевы, Засѣкинны, Кошчевъ-Приснухины... все это образованная молодежь, одна семья лучше другой, а это...

Алексинская *(постынно, тихо).* Тс... молчите, идеть...

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Жанъ *(сходя съ террасы).* Здравствуйте, ш-те Alexinski. *(Подходитъ къ ней.)*

Алексинская. Наконецъ-то! *(Протягиваетъ руку.)* Вы кажется знакомы?

Жанъ *(кланяясь Неряцкому).* Какже; вчера у grand'пашапа... Какъ поживаете?

Алексинская. Merci. Садитесь, пожалуйста. Машапа здорова?

Жанъ *(сидясь).* Какъ всегда. Я привезъ вамъ тысячу упрековъ въ томъ, что вы разлюбили насъ, похоронились вдѣсь, не хотите пріѣхать...

Алексинская. Да, я совсѣмъ сдѣлалась затворницей, нигдѣ не бываю, все дома и дома. Что новаго въ Москвѣ?

Жанъ. Я ужъ давно—цѣлымъ вѣкъ какъ оттуда.

Алексинская. Все же позднѣе невя. Что Хилевскіе? Егіе ивѣ ничего не пишетъ...

Жанъ. Понятное дѣло: уѣхали въ эгу глушь, спрятались отъ людей... вы сами того хотите, чтобы васъ забыли всѣ!

Алексинская. Всѣ? Нѣтъ зачѣмъ же... Я не хочу, чтобы невя друзья забывали.

Жанъ. А, такъ, значать, дѣлаются исключенія?

Алексинская. Конечно.

Жанъ. Для кого наприхѣръ?

Алексинская. Для нѣкоторыхъ,— вотъ для Егіе.

Жанъ. А еще?

Алексинская. Еще?... Не знаю право... очень для ненюгихъ... Ивѣ здѣсь такъ хорошо, такъ покойно, что я не знаю даже жадаю ли я еще чего-нибудь.

Жанъ. Поздравляю васъ. Значить вы внонѣ счастливы.

Алексинская. Вполнѣ.

Жанъ. Рѣдкое явленіе! Что вы дѣлаете? Чѣмъ занимаетесь?

Алексинская. Работаю. М-г Неряцкій такъ добръ, что доставляетъ ивѣ много чтенія. *(Неряцкому.)* Pardou, ш-г Неряцкій, а все еще держу ваши журналы.

Неряцкій. Поторопитесь. *(Указывая.)* Вотъ ужъ и новые пріѣхали.

Алексинская. Ахъ, я такъ запоздала!... У невя нѣтъ привычки читать скоро. Но ивѣ пришла идея... Знаете что? Если у васъ будетъ свободное время—прочтите ивѣ сами.

Неряцкій. Съ удовольствіемъ.

Алексинская. Я такъ люблю работать когда читають...

Неряцкій. Это занимаетъ разговоръ.

Алексинская *(какъ-бы спохватившись).* Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не потому. Можно говорить о прочитанномъ... объяснять свои взгляды... *(Жану.)* Неправда ли? *(Не дожидаясь*

отвѣта, Неряцкому.) Это даже очень интересно.

Неряцкій. Въ смыслѣ обвиня мысли — пожалуй.

Алексинская. Разуѣется. (*Жану.*) Вы какъ — изъ деревни прямо въ Петербургъ?

Жанъ. Непремѣнно.

Алексинская. И Москва васъ больше не увидитъ?

Жанъ. Довольно мнѣ вашей Москвы! Скучно. Да и жизнь въ Москвѣ обходится мнѣ дороже; а въ наши времена, когда деньги становятся все дешевле и дешевле, а добыть ихъ дѣлается, день отъ дня, все труднѣе, надо о сокращеніи расходовъ подумать.

Неряцкій. Это точно-съ; благоразумная экономія необходима, хорошее дѣло; только я не могу съ вами согласиться, чтобы трудъ сталъ меньше оплачиваться — напротивъ. Трудитесь только и...

Жанъ (*смѣривъ его со злобой глазами.*) А, понимаю!... Вы вотъ что!... (*Отвернувшись отъ него и обращаясь къ Алексинской.*) Много вы занимаетесь музыкой?... Ахъ и забылъ: вчера вечеромъ пріѣхали къ намъ Мороновы — Анжъ и Додо, и сегодня всѣ: онѣ, наши и, кажется, даже grand'паша собираются васъ навѣстить.

(*Неряцкій встаетъ.*)

Алексинская. Очень буду рада... (*Неряцкому.*) Куда же вы?... Уже уйдете?

Неряцкій (*протянувъ ей руку.*) Да; къ себѣ и буду до вечера дома. Если что понадобится — пришлите. До свиданія. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Жанъ (*послѣ небольшой паузы, оглянувшись и увидѣвъ, что Неряцкій ушелъ.*) Ну-съ, ш-ше Alexinski? Вамъ угодно было, чтобы я пріѣхалъ?

Алексинская (*вышивая, поднимаетъ съ удивленіемъ глаза.*) Мнѣ?

Жанъ. Ну да, вамъ. Для чего вы меня звали?

Алексинская. Я звала васъ?

Жанъ. Да, что мы въ вопросы играемъ, что ли? Вы велѣли Адели прислать меня, — ну вотъ и я.

Алексинская (*продолжая вышивать.*) Я ничего никому не велѣла.

Жанъ. Какъ же она увѣряетъ?

Алексинская. Не знаю. (*Шьетъ.*)

Жанъ. Странное дѣло!... Она говоритъ, что, пользуясь вашимъ довѣріемъ...

Алексинская (*не поднимая глазъ и продолжая работу.*) У меня нѣтъ повѣренныхъ никого...

Жанъ (*чувствуя себя неловко.*) Съ чего же она взяла?

Алексинская. Спросите ее.

Жанъ. Удивительная вещь!.. Пристала, чтобы

я вѣдалъ — «повѣжайте, да повѣжайте»... (*Внимая портъ-смари.*) Курить возлѣ васъ дозволяется?

Алексинская. Конечно; что за перемена!... Спички у васъ есть?

Жанъ (*вынимая папиросу.*) Вѣтъ, не беспокойтесь. (*Закуривъ и оглянувшись вокругъ.*) Какъ у васъ, однако, здѣсь хорошо!... Очень недурно убрано — со вкусомъ! Кто же это начинается?

Алексинская. Не знаю. Когда я пріѣхала сюда все было уже готово.

Жанъ. Да? Милая внимательность нужна. Ну, а что онъ? Г. Неряцкій, часто бываетъ у васъ?... Что онъ, какъ вы его находите?... Доставляетъ онъ вамъ удовольствіе своимъ обществомъ tête-à-tête?

Алексинская (*съ недоумѣніемъ.*) Вы его видѣли.

Жанъ. Видѣлъ; красивый мужчина!... Ну, а какъ онъ, скажите пожалуйста, очень въ васъ влюбленъ? Ухаживаетъ за вами? Нѣжничаетъ? Мы вѣдь такъ, ш-ше Alexinski, дружны, что вы можете мнѣ смѣло признаться во всемъ... (*Алексинская, не выдержавъ, начинаетъ рыдать, зажимая лице платкомъ.*) Что это? Э, вздоръ какой!... Съ вами говорить нельзя!... (*Алексинская встаетъ поспѣшно съ места и, продолжая сильнѣе рыдать, переходитъ нальто къ скамейкѣ, обернувшись къ Жану спиной.*) Catherine!... Catherine!... Послушайте, воротитесь... Что за комедія! (*Встала и подходитъ къ ней.*) Кто-нибудь пройдетъ по саду — увидитъ...

Алексинская (*зарыдавъ еще сильнѣе.*) Боже мой, какая я несчастная!

Жанъ. Перестайте, пожалуйста!... Что вы дѣлаете!... (*Садясь на скамью.*) Садитесь сюда... (*Указывая ей мѣсто возлѣ себя.*) Дядя же, говорятъ вамъ! Что за невыносимая женщина!... (*Алексинская садится, продолжая плакать.*) Ну вотъ; давно бы такъ... Ну, что это за слезы!... Ну къ чему? Будто забыла, что я угѣшать не мастеръ и не охотникъ. Еще? Что за проливной дождь!... Будетъ, будетъ... нора прояснится!... Вѣдь если вы намѣрены такъ продолжать принимать меня, то я, пожалуй, и самъ прижусь плакать!...

Алексинская (*сквозь слезы.*) Ты меня не любишь!

Жанъ. Чѣмъ же это доказывается?

Алексинская (*рыдая.*) Пять дней уже... пять дней!

Жанъ. И даже шесть. Что же изъ этого? Нельзя же было какъ только пріѣхалъ, такъ и скакать сюда, чтобы всѣ заговорили! Удивительное дѣло, право, ее берегутъ, о ней заботятся, а она съ упреками...

Алексинская (*со слезами, качая головой.*) Что за разговоры, что за вопросы!

Жанъ. Ахъ, Боже мой, и путить нельзя! Вотъ характеръ! Что же я такого, наконецъ, сказалъ? Чѣмъ провинился? Приѣзжаю — она сидитъ богомолкой, въ неприступностяхъ; животное это, управитель, тутъ... я на него не обращаю вниманія, я къ нему спиной верчусь, а она съ нимъ въ разговоры: «куда вы идете, зачѣмъ вы уходите?»

Алексинская (*нервно вскрикивая*). Онъ полчаса, часть, цѣлый вѣкъ, какъ ушелъ, а развѣ я услышала хоть одно слово?

Жанъ. Такъ же какъ и я! Я думалъ быть запросто, какъ у себя дома... Право снѣшно требовать отъ близкаго человѣка любезностей или учтивостей!... Точно я у васъ чужой, точно мы не любимъ другъ друга, только что вчера познакомились случайно. (*Алексинская, поглядывая на него искоса, начинаетъ улыбаться*.) Ну вотъ, видишь, ты и сама теперь надъ собой смѣешься.

Алексинская (*тихо, съ дѣтской наивностью*). Жанъ!

Жанъ. Что такое?

Алексинская. Ты влюбился... угаживаешь! (*Грозитъ пальцемъ*.) Смотри!

Жанъ. Что за вздоръ! За кѣмъ? Откуда эти новости!

Алексинская (*быстро обнимая его и цѣлуя нѣсколько разъ*). Милый мой, какъ я тебя люблю!

Жанъ (*вскакивая и освобождаясь отъ ея объятий*). Madame, vous êtes folle!... Опомнитесь! (*Оглядывается вокругъ*.)

Алексинская. Ну вотъ и опять!

Жанъ. Что вы дѣлаете! Развѣ можно — чуть не на глазахъ у всѣхъ?! Вамъ непременно хочется скомпрометировать себя!..

Алексинская. Ну, ну, довольно, не буду больше!.. Не сердись, прости меня!

(*Слышнъ звонъ бубенчиковъ*.)

Жанъ. Вотъ слышите, нами слышите, нами слышите. Ахъ какъ бы прекрасно было, если бы вдругъ...

Алексинская (*рѣзво зажимая ему ротъ ладонью*). Молчи, молчи.

Жанъ (*интерно отталкивая ее*). Перестаньте!... Взгляните лучше на себя — на кого вы похожи! Глаза распухли отъ слезъ, волосы вьются. Идите скорѣй въ комнату, приведите себя въ порядокъ.

Алексинская. Сейчасъ, сейчасъ, мой милый, сію минуту... Только помирись со мною... улыбнись, скажи мнѣ ласковое слово... хоть одно (*Зажметъ нетерпеливый итвный жестъ Жана*.) Ну, ну, не надо, не надо. . Иду, иду (*Замахавъ руками, какъ бы останавливая его итвъ, бѣжитъ къ дому*.)

Голосъ Столб.-Десят. (*изъ дома*.) Никого нѣтъ!

Алексинская (*остановившись на мимовнне*). Ахъ!... (*Бросается опретью обрат-*

но и, подбывая къ Жану, хватается его со страхомъ за плечи, обнявъ твоею рукой.)

Жанъ (*въ тотъ же моментъ хватая ее правою рукою за талию*). Сумасшедшая! (*Быстро увлекаетъ ее направо въ кухню дѣревянъ*.)

Голосъ Столб.-Десят. Въ саду? Ну такъ и ны въ садъ.

Голосъ Пехлецова. Отправился на розыски...

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Входятъ: Столб.-Десят., Додо, Анжъ, Аделаида Григорьевна, Анна Федоровна, Полина, Вася, Пехлецовъ и Ланей.

Пехлецовъ (*входя*). Изберемъ среди себя главноюжатаго и, проникнувши въ невѣдомыя дѣбри...

Адел. Григ. Да и въ саду никого нѣтъ! (*Осматривается*.)

Анна Федор. Ни души!

Столб.-Десят. Гдѣ же она? (*Осматривается тоже*.)

Ланей. Должно быть въ паркѣ гуляютъ. (*Сходить съ террасы и уходитъ налево*.)

Пехлецовъ. Гдѣ-нибудь подъ тѣнью деревьевъ...

Додо. (*Бѣгая по цвѣтнику вмстѣ съ Анжъ и Полиной и разсматривая цвѣты*.) Ахъ какъ тутъ мило!

Анжъ. Прелестъ!

Полина. Настоящая оранжеря!... Я такъ люблю цвѣточки...

Додо. Просто чудо!

Анжъ. Очарованіе!

Пехлецовъ. Точно въ царствѣ цвѣтовъ, гдѣ-нибудь въ волшебномъ замкѣ...

Столб.-Десят. (*осматривая въ лорнетъ садъ, съ кислой гримасой*). Слишкомъ пестро! Ces fleurs eclairent comme une illumination....

Анна Федор. Вѣрно, вѣрно!

Пехлецовъ. Да, дѣйствительно, свѣсъ колеровъ...

Столб.-Десят. Un kiaking!

Адел. Григ. Ха, ха, ха!... Вы такъ всегда шѣтко, ваше пр—ство, un kiaking! Замѣчательно!

Пехлецовъ. «Kiaking» — C'est admirable!... Неправда ли — m-lle Pauline?

Анна Федор. (*толкая дочь, занявшуюся цвѣтами*). Полина, съ тобой говорить.

Полина. Кто?

Анна Федор. Дмитрій Владиміровичъ.

Пехлецовъ (*подбѣжавъ къ ней*). Я восхищаюсь умнѣеиъ Екатерины Петровны... (*Продолжаютъ тихо разговоръ*.)

Столб.-Десят. (*въ это время*). Однако, что же мы здѣсь стоимъ! Пойдемте куда-нибудь или сядемъ. Мнѣ кажется, я устала.

Вася (*въ красной шелковой рубашкѣ и бархатныхъ штанахъ, заткнувшихъ въ мичные сапоги, бросаясь къ креслу и подвывая*

ею). Voilà, grand'maman, вотъ кресло, вамъ тутъ будетъ удобно.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Алексинская (*быстро входя съ балкона, съжо напудренная*). Pardon, maman (*подбѣгая къ ней и цѣлуя ее*) Я была у пруда и вдругъ мнѣ говорятъ, что вы прѣехали... я бѣгу...

Столб.-Десят. (*цѣлуя ее*). Bonjour, ma petite... Что это у тебя глаза точно заплаканы?

Алексинская. Я плохо ночь спала... у меня нигрень. (*Обращаясь къ Морозовымъ*) Bonjour, mes chères amies! (*Цѣлуясь съ ними*) Ахъ какъ я рада! Bonjour, m-r Пехлецовъ. (*Протягиваетъ ему руку*) Вы всегда вѣрныи сопутникии маман. (*Протягивая руку Аделаидѣ Гр—тѣ*) Здравствуйте, Аделаида Григорьевна, merci что прѣехали. (*Протягивая руку Аннѣ Федоровнѣ*) И вы Анна Федоровна? Вы кажется въ первый разъ у меня въ деревнѣ? (*Протягивая руку Полиинѣ*) Bonjour, chère m-lle Pauline, наконецъ-то вы рѣшились... Недобрая, никогда не заглядеть! (*Цѣлуя Васю*) Здравствуй, Вася, какъ ты хорошъ въ этомъ нарядѣ.

Вася. Неправда ли мило? Нашъ національный русскій костюмъ.

Алексинская. Да, да, (*Столб.-Десятовой, которая уснула уже състь*) Маман, вы кажется утопились; не желаете ли въ комнаты?

Столб.-Десят. Пожалуй. (*Встаетъ; Адел. Григорьевна и Вася помогаютъ ей встать*) Пойдите, здѣсь слишкомъ цвѣты пахнутъ; можетъ разболѣться голова! (*Направляясь къ балкону*) Вотъ и у тебя не оттого ли нигрень? Я бы всѣхъ въ вѣдѣла убрать. (*Уходитъ*)

(*Встъ, исключая Полини и Пехлецова, слѣдуютъ за ней*.)

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Полина (*тихо, задумчивымъ голосомъ, смотря на цвѣтокъ, который она держитъ въ рукахъ, облизывая лепестки*). Нѣтъ, Дмитрій Владимировичъ, я бѣдная, очень бѣдная дѣвушка, у меня ничего нѣтъ,—такъ какъ же я могу рассчитывать ва чье-либо расположение? Пехлецовъ. Но почему же?

Полина (*съ той же кокетливой поддѣльной скромностью*). Я не изъ вашей среды.

Пехлецовъ. Это ничего не значитъ! Владѣтельный герцогъ, встрѣтивши пастушку, плѣнился ею... Ваше образование...

Полина. Ха, ха, ха!... Видите вотъ эту розу?

Пехлецовъ (*въ недоумѣннн*). Вижу.

Полина. Нравится вамъ этотъ вполне культивированный цвѣтокъ?

Пехлецовъ. И даже очень.

Полина. Прекрасно. Полюбуйтесь имъ, а затѣмъ сорвите.

Пехлецовъ. Зачѣмъ?

Полина. Я васъ прошу.

Пехлецовъ. Извольте. (*Идетъ къ розѣ и наклоняется, чтобы сорвать*). Ах!

Полина. Что такое?

Пехлецовъ. Колется!

Полина. Ничего не значить... Тѣмъ лучше: больше удовольствія. П'у а pas des gens sans épines!

Пехлецовъ (*срывая*). Сорвалъ!

Полина. Bravo! (*Подходя къ нему*) И правда ли что за прелесть?! Что за лепестки! Какая свѣжесть, запахъ какой дивный!... Полюбуйте. (*Пехлецовъ нюхаетъ*) Ну, и теперь бросьте! Вотъ вы всѣ таковы: пользоваться сорвать, понюхать и швырнуть!

Пехлецовъ. Ха, ха, ха!... Но это алегорія!

Полина. Все равно. Аркадскія времена прошли!... Владѣтельные герцоги въ ваши дни не влюбляются уже въ пастушекъ, предпочитаютъ отдавать свое сердце дочерямъ банкировъ, бѣдной дѣвушкѣ, какъ я, надо забыть, что у нея есть что то въ груди, есть способность къ леченію, человѣческіе инстинкты... (*Уходитъ направо*.)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

(*На балконѣ второго этажа показывается Алексинская и Вася. Алексинская ищетъ глазами кого-то въ саду*.)

Вася. Ахъ, Катерина Александровна, если бы вы знали, какъ у насъ не дорожатъ фальшивыми древностями!... Вѣдь Столбинъ-Десятый происходятъ прямо отъ Рюрика и вдругъ, представьте себѣ, ихъ вещи,—эти безцѣнные саренившіеся памятники величія нашихъ предковъ, валяются какъ викону неуважная дрянь! Я вышелъ, наприимѣръ, и конечно повѣсилъ надъ мостелью, шкуру волка, котораго собственноручно убилъ мой прапрадѣдъ думный бояринъ Данила Столбинъ-Десятый, она лежала въ кладовѣ; и тѣмъ стопу времени прапрабабушки Стеваланн Юрьевны, вышедшей замужъ за князя Арстарта Волживскаго... Vous savez ce que c'est «стопа»?—Кубокъ, взъ котораго бояре пили медъ, et, figurez vous, c'était dans l'office во вѣдѣннн лакеевъ и кучеровъ... (*Замѣтивъ, что Алексинская всматривается въ даль*) Но вы не слушаете меня, Катерина Александровна, pardon, я кажется отвлекаю ваше вниманіе!

Алексинская (*столхватившись*). Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ. Это такъ все интересно, но пойдемъ внизъ къ маман. (*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Полина (*выходя съ Пехлецовымъ съ правой стороны*). Да, дѣйствительно, предназначеніе женщины составлять чье-нибудь счастье, украсить жизнь... Но все же я рада, что имъ

ухватить... И хотя обязанности гувернантки тяжёлы—я съ восторгомъ принимаю должность, сознавая, что буду на своемъ мѣстѣ, буду самостоятельная...

Пехлецовъ. Вы право совсѣмъ дѣтя!

Полина. Можетъ быть! Мнѣ это всѣ говорить; но что же мнѣ дѣлать? Мнѣ такъ бы хотѣлось заняться чѣмъ-нибудь, заботиться о комъ-нибудь, жить мирно, тихо. (*Задумчиво.*) Я не принадлежу къ вашему обществу, не требую отъ него никакихъ правъ и охотно бы не знала его, предпочитая жить въ вѣчномъ трудѣ, въ уединеніи, — только бы у жизни была цѣль...

Пехлецовъ. Вы пессимистъ, смотрите на насъ сквозь призму предубѣжденія и видите все въ черномъ цвѣтѣ...

Полина. Нѣтъ, вѣтъ, Дмитрій Владиміровичъ, вѣтъ, я не ошибаюсь; только вы напрасно сопричисляете себя, говоря: «насъ». (*Продолжаютъ разговоръ тихо.*)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Алексинская (*входя на террасу въ сопровожденіи всей компаніи*). Здѣсь будетъ безподобно... сюда и чай подадутъ... Вы согласны, шашап?

Столб.-Десят. Отчего же. Кто будетъ играть?

(*Лакеи ставятъ карточный столъ.*)

Алексинская. Вы, шашап, Аделаида Григорьевна, Анна Федоровна и Мг. Пехлецовъ.

Столб.-Десят. (*сидя у стола*). А ты?

Алексинская. Я бы съ удовольствіемъ, но мнѣ нельзя; я такъ давно не видѣлась съ Додо и Анжъ.

(*Додо и Анжъ сходятъ съ террасы и уходятъ направо въ глубину сада.*)

Полина (*слезка указывая головой на террасу*). А эти прекрасныя дамы, эти представительницы beau monde? Меня положительно пугаетъ ихъ васишливость, ихъ голодное, рассчитанное кокетство... Онѣ вичѣмъ не дорожатъ—безжалостны, безпощадны!.. Дружбы у нихъ нѣтъ, искренности тоже—отойдите только, онѣ ужъ сѣются... а о благодарности... (*махнувъ рукой.*) о благодарности и говорить нечего!

Пехлецовъ. Благодарности? Ну, это еще вопросъ!.. Что такое благодарность?

Полина. Да вотъ я васъ для примѣра возьму. Вотъ вы такой добрый, умный, хорошій, — а цѣвятъ они васъ? Постарайся понять, какъ я это сдѣлала? Благодарны вамъ за ваше къ нимъ расположеніе, вниманіе, за безпримѣрную любовь и доброту вашу? Нѣтъ!

Пехлецовъ (*сконфуженный и даже растерявшийся отъ удовольствія*). Ну, вы уже совсѣмъ не то... вы ужъ слишкомъ захвалили меня...

Полина (*не давая ему отомниться*). Нисколько!.. И знаете, что меня и смѣшать еще и приводитъ въ негодованіе: это ловля ими жениховъ!..

Пехлецовъ (*съ полною удовольствіемъ*). Ха... ха... ха... я этого не замѣтилъ!..

Полина. Ахъ, какъ они это ловко дѣлаютъ!.. (*Смѣется тоже.*)

Пехлецовъ (*продолжая хохотать*). Ахъ вы васишлиница!..

(*Продолжаютъ тихо разговоръ.*)

Столб.-Десят. (*разговаривавшая все время съ Анной Федоровной*). Ну, что-же, мы будемъ играть?

Алексинская (*разговаривавшая тоже съ Адел. Григорьевной и Васей*). Сію секунду, шашап! Messieurs et mesdames, садитесь пожалуйста!.. Мг. Пехлецовъ!

Пехлецовъ (*спохватившись*). Здѣсь!.. Къ вашимъ услугамъ!.. (*Топчется, собираясь идти.*)

Полина (*поспѣшно*). Я сѣюсь только потому, что мнѣ такъ весело, такъ хорошо съ вами!..

Пехлецовъ. Право я не сѣю вѣрить...

Полина (*кокетливо*). Не вѣрте!.. Впрочемъ, можетъ—быть моя откровенность не кстати... можетъ—быть то, что говорить, правда и ш-ле Додо...

Пехлецовъ (*испугавшись*). О, нѣтъ, я васъ увѣраю вѣтъ!.. Между ш-ле Морозовой и мною одни только отношенія глубокаго уваженія...

Полина (*быстро отвернувшись, скрывая улыбку и разрывая, какъ-бы нечаянно, бусы*). Ахъ, какая неосторожность!.. (*Пехлецовъ бросается собирать ихъ.*) Не беспокойтесь, пожалуйста, не нужно!..

Пехлецовъ. Почему?

Полина. C'est fini!.. Я не хочу собирать ихъ...

Адел. Григ. (*съ террасы*). Дмитрій Владиміровичъ, будетъ вамъ любезничать; пожалуйста, мы васъ ждемъ!..

Пехлецовъ (*не зная, что ему дѣлать*). Вѣгу, лечу!..

Полина (*насмѣшливо*). Идите, идите, имъ нуженъ партнеръ!

Пехлецовъ. Но ваши бусы...

Полина. Богъ съ ними! Дайте мнѣ вотъ лучшую розу... (*Выхватываетъ ее изъ его рукъ.*) Прелестный цвѣтокъ!.. Я его сохранию на память о сегодняшнемъ днѣ!.. Идите! (*Со смѣхомъ, граціозно поворачиваетъ его, чуть-чуть толкая въ спину, убѣгаетъ направо, напѣвая арію Орсино изъ Лукреціи: „Собирайтесь, друзья, вы со мною“.*)

(*Пехлецовъ, потоптавшись и оглянувшись раза два, идетъ къ террасѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Адел. Григ. Что съ вами?.. Ужъ не въ любви-ли вы объяснились?

Пехлецовъ. Я? Поищу, что вы!

Адел. Григ. Вы со мной играете, ея превосходительство съ Анной Федоровной.

(Садятся. Вася садится тоже — возмъ бабушки, Алексинская становится возмъ ея кресла. Изъ сада направо входят Додо и Анжъ.)

Додо (входя и взявъ на террасу). И здѣсь его нѣтъ!

Анжъ. Но гдѣ же онъ? Въ передней я хорошо замѣтила его пальто.

Додо. «Красавица» здѣсь — значитъ не съ ней.

Анжъ. Съ Полюной можетъ-быть — ея нѣтъ.

Додо. Пожалуй. (Взявъ подъ руку сестру.) Пойдемъ поищемъ еще... Я не хочу съ этой душой разговаривать.. если-бы не генеральша ны на что-бы не поѣхала сюда.

(Уходятъ направо.)

Столб.-Десят. (Алексинской, собирая карты и отодвигая ихъ отъ себя). У тебя прекрасный управляющій, очень старательный. Онъ былъ у меня на дняхъ, по одному моему дѣлу и такъ хорошо все понялъ...

Анна Федоровна (замѣтивъ, что въ это время Пехлецовъ, сдавая карты, показалъ свои Аделаидѣ Григорьевнѣ). Ну, это ужъ изъ рукъ вонъ!

Столб.-Десят. Что такъ такое?

Анна Федоровна. Поищу, они показываютъ другъ другу карты. Вѣдь мы не въ щепки играемъ! Это безсовѣстно!

Адел. Григ. Какъ вы сѣдете такъ говорить!

Анна Федор. Что-же съ вами пережониться, когда вы плутуете! Такъ вѣдь все до нитки проиграть можно... У меня деньги не краденныя!...

Вася. Adieu les économies, Анна Федоровна!...

Анна Федор. А вы не вѣшивайтесь!.. Пятому за столомъ не мѣсто...

Столб.-Десят. Вася!.. Сколько я разъ тебѣ говорила!.. Да и въ самомъ дѣлѣ, чего ты тутъ торчишь?

Вася. Я, grand' татап...

Столб.-Десят. Ты мнѣ, дорогой мой, надо-ѣлъ!.. Уйди, Христа ради!..

Вася. Хорошо, grand' татап, я уйду, но вы...

Алексинская (обнявъ его за плечи). Пойдемъ. Вася. (Сводя съ террасы.) Ты хотѣлъ мнѣ что-то интересное рассказать.

Пехлецовъ (въ это время). Успокойтесь, успокойтесь, я пошутилъ и пересдаю. (Сдастъ.)

Вася (послѣ маленькой паузы, сойдя съ террасы). Я право не понимаю, Катерина Александровна, почему grand' татап такъ несправедлива ко мнѣ?

Алексинская. Что ты, милый мой! Ты ошибаешься...

Вася. Вы думаете? Она меня просто ненавидитъ! Ну, за что, напримѣръ, она меня сейчасъ прогнала?

Алексинская. Потому что ты шалишь, недождаешь ей...

Вася. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Она видѣтъ меня не можетъ... Ова всю любовь обратила на Жана!.. Жану все можно, а между тѣмъ какая разница — я и Иванъ Петровичъ?! Я откровенный, добрый мальчикъ, преданный ей теломъ и душою, а онъ — безсердечный хитрецъ! Вы думаете, что онъ любитъ grand' татап? Что изъ любви прѣехалъ къ ней? Совсѣмъ нѣтъ. Я собственными ушами слышалъ, какъ онъ говорилъ Адели въ Москвѣ, — спросите ее, что ѣхать ему сюда — «каторга», и что если онъ прѣдетъ, то только затѣмъ, чтобы grand' татап отдала ему при жизни Бубново! И она ему отдастъ, непременно отдастъ!.. Между тѣмъ какъ Бубново — это имѣнiе, которое изъ рода въ родъ всегда отдавалось дочерямъ до самаго прадѣдушки Эслера Столбинъ-Десятова, закладѣвшаго мнѣ у сестры, за что онъ былъ убитъ громомъ! Что-же grand' татап — чего хочетъ? Чтобы и Жана постигла та же участь, чтобы и его громомъ убило? Вѣдь семейныя преданьями не шутятъ, Катерина Александровна! Grand' татап должна отдать Бубново моему матери, а вы тогда прибавите къ нашей фамили «Бубновы»... Василій Васильевичъ Теженецкiй-Бубновъ! де Бубново... понимаете? Какъ иностранцы аристократы владѣльцы...

Алексинская. Ты не замѣтилъ, куда ушли Додо и Анжъ?

Вася. Нѣтъ... Въ садъ должно быть. Во я утопилъ васъ, Катерина Александровна?.. Простите въ такомъ случаѣ мою откровенность...

Алексинская (слушавшая все время крайне разсѣянно, какъ-бы высматривая коготъ въ саду). Ахъ, что ты, что ты... Полюво, милый мой!.. Мы будемъ продолжать нашъ разговоръ, только пойдемъ отсюда... Я бы хотѣла видѣтъ Мороновыхъ... (Уходитъ.)

(Темнѣтъ. Заря гаснетъ совершенно. Лакей на террасѣ подаетъ чай.)

Пехлецовъ (взявъ стаканъ чаю). Вы неосторожны, Анна Федоровна, потому и проигрываете... Это надо оставить шности! Спокойствiя, побольше спокойствiя!

Адел. Григ. Вамъ воды не подать-ли?

Анна Федор. (отодвигая отъ себя карты). Ахъ ты, Господи, такъ играть нельзя! (Хочетъ мѣльз и записываетъ проигрышъ.)

Столб.-Десят. (прихлебывая чай). Никто не принуждаетъ васъ.

Анна Федор. (бросая мѣльз въ сторону Адел. Григ — ны, съ такой силой, что онъ ломается. сбывая осколками ея платье.) Вѣдь это впрочемъ, сговорившись такъ играютъ!

Адел. Григ. (вскочивъ, отряхивается). А вы рукамъ воли не давайте!

Пехлецовъ. Да, да, будемъ воевать позволеннымъ оружіемъ — словомъ!

Анна Федор. Не всякаго словомъ проймешь. (*Аделаидъ Григорьевнѣ.*) Чисто, чисто... будетъ вамъ отряхиваться!

Адел. Григ. (*поднося ей свое платье чуть не подъ носъ*). Не угодно-ли посмотрѣть!

Анна Федор. Давно-ли вы стали мѣлу бо- яться?

Адел. Григ. Что-съ? Что такое?

Анна Федор. Ничего-съ.

Адел. Григ. Вамъ ничего!.. Васъ хотъ съ головы засыпъ—черное бѣлымъ не сдѣлаешь!

Анна Федор. Ваше пр—во!.. Катерина Пет- ровна!.. Какъ это вы позволяете въ вашемъ присутствіи...

Столб.-Десят. Довольно! Надѣля, будетъ!.. Это скучно наконецъ! Играемъ мы или нѣтъ, Аделъ?

Адел. Григ. Сію минуту, ваше пр—во. (*Сда- етъ карты.*) Какая щепетильность, скажите пожалуйста.. еще обижаться изволять!..

Анна Федор. Цики!

Пехлецовъ. Пась!

(*Продолжаютъ игру.*)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

(*Изъ сада направо входятъ: Жанъ, Додо, Анжъ и Полина.*)

Жанъ. У Хивлевскихъ будетъ спектакль на дачѣ лѣтомъ—вотъ вамъ и занятіе.

Додо (*высокомерно*). Мнѣ? Ха... ха... ха... Чтобы я играла? Да за кого вы меня принима- ете?

Жанъ. Вотъ такъ сюрпризъ! А васъ хотѣли просить участвовать. Я даже навелъ ш-ше Хив- левскую на эту мысль.

Додо. Это она распоряжается?

Жанъ. Она.

Додо. Поздравляю! Во-первыхъ она ничего не устроитъ.

Анжъ. Ровно ничего!

Додо. А во-вторыхъ—я откажусь!

Полина. Ахъ, для чего-же, сѣге аміе? Вы должны быть такъ хороши на сценѣ!..

Додо. Я никогда не играю комедій. Живыя картины, праздники въ честь кого-нибудь, съ благотворительною цѣлью,—это другое дѣло,— но водевильчики, французскіе фарсы...

Полина. А я наоборотъ... я была-бы такъ счастлива...

Жанъ. Вы-бы хотѣли играть?

Полина. Ужасно!

Жанъ. А играли уже когда-нибудь?

Полина (*кокетливо бросивъ лукавый взглядъ на Жана*). Комедіи? Очень часто.

Додо (*съ изумленіемъ*). Гдѣ-же и когда, ма сѣге? Я вѣдь знаю...

Полина (*улыбаясь*). Всюду, вездѣ и во вся- кое время!

Жанъ (*разсмѣявшись*). А, вотъ оно что!.. Понимаю... Съ кѣмъ-же это?

Полина. Съ кѣмъ случится.

Жанъ. И удачно?

Полина. Какъ случится.

Додо (*въ ужасѣ*). Ah, топ аміе, что вы говорите!

Анжъ (*держая ее за платье*). Finissez!

Жанъ. Такъ у васъ, значить, талантъ?

Полина. Большой!

Жанъ (*съ разстановкой*). И давно?

Полина. Нѣтъ, очень недавно! (*Разражает- ся нервнымъ смѣхомъ.*)

Додо. Mais, m-lle Pauline, конечно вы шу- тите, но во всякомъ случаѣ...

Анжъ. Il faut être raisonnable! Вы вѣдь кле- вешете на себя!..

Полина. Нисколько!

Жанъ. И говорите серьезно, такъ легко признаваясь?..

Полина (*перебивая постынно, бросая въ то же время на него кокетливо-проница- тельный взглядъ*). Въ своихъ недостаткахъ, т.-е. «порокахъ»? Я этому отъ васъ выучи- лась!.. Примеры заразительны... Да и кого нынче, дѣйствительно, обмануть можно? (*Додо и Анжъ въ ужасѣ пожимаютъ плечами.*) Никто—ничему и никому не вѣрять!.. Я и го- ворю, заранѣе предупреждая: «не вѣрйте мнѣ»!.. Это оригинальнѣе.

(*Додо и Анжъ окончателно поражены.*)

Жанъ. Славно! (*посмотрѣвъ на нее при- стально.*) Знаете-ли, я получилъ передъ ва- шимъ выѣздомъ изъ Москвы (*Съ удареніемъ, не сводя съ нея глазъ.*) письмецо.

Полина (*съ дѣтской наивностью*). Отъ ба- бушки?

Жанъ. Да.

Полина. Что-жъ она вамъ пишетъ?

Жанъ (*протяжно*). Что пишетъ?

Додо (*съ возмущеніемъ*). Вотъ наивный во- просъ!.. Конечно, Иванъ Петровичъ выдумаетъ что-нибудь.

Жанъ. Зачѣмъ-же! (*Полинѣ.*) Наставленія!

Полина (*тѣмъ-же тономъ*). Ахъ, выгова- риваетъ вамъ за ваши шалости!

Жанъ. Ну, не совсѣмъ!

Полина. Такъ за добродѣтели?

Додо. Но, Боже мой, вы даже не послѣдо- вательны!..

Полина (*постынно, съ радостью, не обра- щая на нее вниманія*). Я отгадала?

Жанъ. Отгадали!

Полина. Что-же вы ей скажете теперь на это?

Жанъ. Что-же я могу сказать?.. Не знаю... Какъ по вашему?

Полина. Что вы не виноваты, если добродѣ- тель сама васъ преслѣдуетъ, когда вы отъ нее бѣжите! (*Увидавъ выходящую изъ сада Алек- сандровну, бросается къ ней навстрѣчу.*) А, Катерина Александровна, вы не играете?.. А

мы думали... Какое счастье для нашей маленькой компании!.. Не угодно-ли къ намъ? Иванъ Петровичъ морить насъ со снѣгу...

Алексинская. Чѣмъ? (*Подходить вмѣстѣ съ Полиной.*)

Полина. Такъ бездѣлцами. Есть люди, которые нѣвѣтъ даръ для этого; нужно только хорошее расположение духа.

Алексинская. А онъ веселъ?

Полина. Да, по крайней мѣрѣ былъ сейчасъ.

Алексинская (Додо). О чѣмъ же шло дѣло?

Додо. Не знаю. Мы не виѣшивались въ ихъ разговоръ.

Жанъ. Я говорилъ, что получилъ недавно письмо.

Полина (поясняя). Отъ бабушки.

Жанъ. Да. (*Доставая изъ кармана бумажникъ и изъ него письмо.*) Вотъ оно. При мѣѣ постоянно вся моя канцелярія. Не угодно-ли послушать? (*Читаетъ.*) «Вы такъ охотно признаетесь въ вашихъ порокахъ»...

Полина. Видите, я говорила.

Жанъ. Вѣрно. (*Читаетъ.*) «...что другимъ невольны приходится охота отыскивать ихъ въ свободныя минуты»...

Полина. Т.-е. «снѣжду прочимъ?»

Жанъ (утвердительно кивая головой). Совершенно справедливо, — (*Читаетъ.*) «...когда думать больше не о чѣмъ. Знайте, что ихъ найдено уже довольно и особу, которая занята вами — затрудняетъ только одно постоянство»...

Алексинская. Ah, mon Dieu!

Жанъ (читаетъ). «Постоянны вы или нѣтъ? Если постоянны — то какая жалость!.. Тогда, несмотря на все остальное, вы становитесь стары и — увь, скучны какъ неподвижность!..»

Алексинская. Не можетъ быть, чтобы это писала папаша!

Жанъ (съ улыбкой). Вы думаете?

Додо. Конечно. Станетъ Катерина Петровна запоминаться такимъ вздоромъ!

Анжъ. Смѣшно даже подувать!.. Какая-то нистификація!.. Покажите чья подпись? (*Протягиваетъ руку.*)

Додо (тоже). Да, да, самое лучшее.

Алексинская (тоже). Позвольте, я знаю почеркъ папаша.

Жанъ (поднявъ руку съ письмомъ). Ахъ нѣтъ, извините... зачѣмъ-же? Не хотите вѣрить — не надо!

Додо. Значитъ, неправда!

Жанъ. Можетъ быть. (*Пряча письмо въ карманъ.*) Притомъ теперь такъ темно, что вы ничего даже не увидите...

Полина (быстро отводя Додо). Сочиняетъ! Ничего тамъ нѣтъ того, что онъ намъ прочелъ!

Додо (съ торжествующимъ видомъ). Разумѣется! (*Объясняетъ подошедшей Алексинской.*) Та видимо соглашается и обтѣмъются, довольная что не дались въ обманъ.)

Полина обнявъ за талию Анжъ и подбѣжавъ къ Жану. И мы вамъ, потому, несмотря на вашу откровенность, — ничего не вѣримъ!.. Ничего!

Жанъ. Мерси.

Полина. И взявъ во вниманіе вашу настойчивость и умѣніе узнавать: кто, что думаетъ...

Жанъ. Я уже и узналъ.

Полина. Да? Наши мысли? Ха... ха... ха... Въ такомъ случаѣ... (*Замѣтивъ, что на террасѣ поднялись съ мѣстъ.*) Господа, игра кончена!.. Пойдите на террасу.

(*Въ саду темнѣетъ... Далеко выносятся на балконъ свѣчи. Въ окнахъ дома показывается оми.*)

Столб.-Десят. Пойдемъ въ кинматы... здѣсь ужъ начинаетъ быть сыро!

Полина. Пойдите въ гостиную... Mesdemoiselles сдѣлаютъ намъ одолженіе сыграть à quatre mains; (*Увидавъ сходящую съ террасы Аделаиду Григорьевну.*) Аделаида Григорьевна споетъ что-нибудь... и мы, такимъ образомъ, устроимъ премиленькій soirée musicale... Не правдѣ-ли?

Алексинская. Да, да, дѣйствительно... (*Мороновымъ и Адел. Григорьевнѣ.*) Пожалуйста.

Додо. Отчего-же...

Анжъ. Съ удовольствіемъ!

(*Адел. Григорьевна величественнымъ наклоненіемъ головы выражаетъ тоже согласие.*)

Полина. А я покуда сбѣгаю на берегъ пруда, въ бесѣдку... я тамъ забыла свой вѣтикъ... (*Бѣжитъ направо.*) Ахъ!.. (*Жанъ бросается къ ней.*) Не безпокойтесь, пожалуйста!.. я чуть не раздавила лягушку. Бѣдненькая! (*Подталкивая ее носкомъ ботинка.*) Прыгай, прыгай!.. (*Жану — указывая на Алексинскую.*) Предложите руку madame! (*Убѣгаетъ направо.*)

(*Всѣ поднимаются на террасу, а тамъ постепенно уходятъ въ домъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

(*Изъ глубины сада направо выходятъ Неряцій и Вася, направляясь къ террасѣ.*)

Неряцій (насмѣшливо). Да-съ, Василій Васильевичъ, да-съ, это точно; вамъ предстоитъ большія хлопоты!

Вася (заступая ему дорогу). Нѣтъ, мы представьте себѣ, Михаилъ Никаноричъ... мы человекъ разсудительный и вы легко поймете меня: grand папаша забываетъ, что мой прапрадѣдушка, бояринъ, — стольникъ Варнава Столбинъ-Десятовъ получилъ Бубново въ даръ отъ государя — и мы должны хранить царскій подарокъ, дорожить имъ; а если она отдастъ его Ивану Петровичу, (*Жанъ въ это время проходитъ сцену, направляясь съ террасы —*

право—въ садъ)—вотъ ему, моему дорогому ку-
ену,—то онъ и до Петербурга не доѣдетъ, какъ
проиграетъ все въ карты!

Неряцкій. Такъ вотъ вы и сообщите свои
редположенія бабушкѣ. (*Идетъ къ террасѣ.*)
на васъ навѣрное послушаетъ.

Вася. О нѣтъ, нѣтъ... вы ее не знаете; она
трашно упряма и несправедлива! Она души
съ Жанъ не чааетъ!..

Неряцкій. Ахъ, дѣйствительно, ваше поло-
женіе ужасное! (*Уходятъ въ домъ.*)
*Въ гостиной раздаются звуки исполняе-
маго на рояль въ 4 руки попури изъ оп.
„Севильскій Цирюльникъ“—выходъ Фигаро.*

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

*Изъ сада, съ правой стороны, быстро вхо-
дитъ Полина, Жанъ слѣдуетъ за ней).*

Жанъ (*загораживая ей дорогу*). Пойдите,
еще одно слово: вы дѣйствительно увѣжаете?

Полина. Куда?

Жанъ. Въ провинцію, что-ли... не знаю...
говорятъ, вамъ предлагаютъ мѣсто наставницы
или гувернантки.

Полина. Мнѣ? Ха... ха... ха...

Жанъ. Ну да, вамъ. Чему вы смѣетесь?

Полина. Мнѣ? Гувернантки? Въ провинцію?
Что-же я тамъ буду дѣлать?

Жанъ. Какъ что? Учить дѣтей.

Полина. Я ихъ выучу добру!

Жанъ. Вы премилло откровенны.

Полина. Для чего-же лицезрѣть?

Жанъ. Положимъ!.. Но...

Полина. Что такое?

Жанъ. Это не отвѣтъ. (*Схвативъ ее за ру-
ку.*) Послушайте...

Полина (*быстро выдернувъ ее, строго*). Ос-
тавьте, пожалуйста!.. (*Пауза.*) Вы забываетесь!..
Пауза.) Будьте любезны, позвольте мнѣ... (*Дѣ-
лаетъ движеніе впередъ.*)

Жанъ (*не двигаясь съ мѣста*). Одну, одну
только минуточку... Послушайте—къ чему все это?
къ чему вы напускаете на себя притворную
кромшность жеманницы, строгость недоτροги?
Вы только что сказали: «для чего лицезрѣть?»
Будьте-же послѣдовательны! Будьте той—какой
вы есть; будьте собой—очаровательной рѣз-
ышкой, живымъ существомъ, увлекательной
вонь веселіемъ и искренностью женщиной!..

Полина (*испугавшись*). Оставьте вы меня!
Что вамъ нужно?.. Вы ошибаетесь!

Жанъ. Нѣтъ, — извините!.. (*Взнувъ изъ кар-
мана письмо.*) Это вы писали!

Полина. Да я, дѣйствительно... но что-же
зъ этого?

Жанъ. Какъ что?

Полина. Что вы нашли такого въ немъ, что
бы вамъ давало право на подобный поступокъ?
Неужели вы не увидите различать серьезнаго
отъ шутки?

Жанъ. Шутки? Ха... ха... ха... Покорнѣй-
ше благодарю! А все остальное—всѣ наши раз-
говоры въ теченіе пяти дней—что это? Тоже
шуточки? Хороши шутки—вскружить чело-
вѣку голову, довести его до потери самообла-
данія и потомъ вдругъ: «ахъ оставьте!», «что
вы?», «вы ошибаетесь!» Почему-же это вамъ
можно шутить, а мнѣ—нельзя серьезно увлечься?

Полина. Вы увлеклись? Вы? Мною? Пере-
ставьте! За кого-же вы меня принимаете, во-
ображая, что я вамъ это повѣрю? Вы спра-
шивали меня—увѣжаю-ли я? Я вамъ шута
отвѣчала, а теперь отвѣчу серьезно: да, ѣду;
поступаю въ гувернантки, не имѣя къ этому ни
налѣйшаго призванія... ѣду потому, чтобы выр-
ваться изъ вашей среды, освободиться отъ ва-
шихъ благодѣяній, вашихъ милостей, не ви-
дѣть того, какъ вы утопаете въ довольствѣ и
роскоши! Развѣ вы считаете насъ, —бѣдняковъ,
за людей, за равныхъ себѣ? Мы вѣдь, по ва-
шему,—вещь, предіетъ, «un sujet»!.. Намъ
только пользоваться можно! Такъ какъ же
хотите, послѣ этого, чтобы я васъ понимала?

Жанъ (*горячо*). Павла Егоровна!.. Даю вамъ
честное слово, что въ жизни своей я еще ни-
когда и никого такъ не любилъ!.. Вы просто
околдовали меня!.. Вотъ уже третій день, какъ
я хожу точно потерянный!.. Съ кѣмъ-бы я ни
говорилъ, чтобы я ни дѣлалъ—только *вы* и
вы—одна *вы* передо мною!..

Полина. Не вѣрю.

Жанъ. Божусь!..

Полина. (*указывая на балконъ на вто-
ромъ этажѣ*). Станьте вотъ передъ этими
балконами, возьмите гитару и знаете какъ въ
«Севильскомъ цирюльникѣ»... Розина!

Жанъ. Ахъ, что мнѣ до Розины!.. Одна,
одна только Полина...

Полина. Полива?

Жанъ (*бросаясь къ ней и схватывая ее
за обѣ руки*). Чортъ!.. дьяволъ!.. Хочешь
быть Столбинъ-Десятовой. Клянусь тебѣ жизнью,
всѣмъ, что есть для меня святаго, дорогаго...
(*Полина тихо освобождаетъ руки и бро-
саетъ на него съ насмѣшливой улыбкой
взглядъ.*)

Жанъ (*схватывая ее въ объятія*). Чаро-
дѣйка!.. демонъ!.. (*Она вся съеживается,
прижимая къ лицу кулаки стиснутыхъ рукъ
и закрывая глаза,—онъ покрываетъ ее ли-
цо поцѣлуями. Въ гостиной продолжаютъ
играть.*)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ III-е.

Садъ. Направо—большой барскій дождь съ балкономъ по серединѣ и боковымъ фасадомъ обращеннымъ къ зрителю. Передняя часть балкона, находящаяся противъ дверей, ведущихъ въ комнаты, закрыта сплошной стѣной вьющаяся винограда; по бокамъ—лѣстницы. Передъ балкономъ большой сервированный столъ и десять стульевъ вокругъ. Направо, возмъ дома, садовая скамья. Налѣво, подъ деревомъ, среди кустовъ, большое, упышанное подушками, качающееся кресло; рядомъ столъ и нѣсколько садовыхъ стульевъ. Вокругъ зелень, кое-гдѣ цвѣты. Вдали, противъ зрителей, видна рѣшетка, куда ведетъ широкая мѣловая аллея; за рѣшеткой открывается видъ деревни.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Полина, лежа въ качающемся креслѣ, читаетъ книгу.

Анна Федор (сходя съ балкона). Ты что же это, вмѣсто того чтобы пойти со всѣми въ церковь—лежишь какъ барыня?

Полина (взявъ на нее). А вы почему сами не въ церкви? (Читаетъ.)

Анна Федор. Я-то? Мнѣ и поволился не когда! Твой-же платья да юбки гладила... Сама не сдѣлаю—никто не догадается. А вотъ ты-то такъ напрасно, матушка, отъ компаній отстаешь!... Вѣдь Пецлецовъ въ церкви?

Полина (не отрываясь отъ книги). Въ церкви.

Анна Федор. И Аделька такъ?

Полина. Не знаю... должно быть. А что такое?

Анна Федор. А то, что жепить она его, старая чертовка, на себѣ... вотъ что!

Полина. Вы кажется пошѣшались ва этою.

Анна Федор. Пошѣшаешься, матушка! Она спори какія штуки откалываетъ: то косой выкладной къ нему повернется, то ножку ему покажетъ...

Полина (равнодушно, читая). У нея не ножки, а слововыя копыта.

Анна Федор. Все равно; онъ, дуракъ, этого не понимаетъ. Видитъ въ первый разъ, что ему стараются понравиться, и таесть! Аделькѣ во всеи счастье... везетъ ей, подлой кочергѣ... того гляди изъ-подъ носа уведетъ жениха!

Полина (опустивъ книгу). У кого?

Анна Федор. У кого?... У тебя!... А то у кого-же еще?

Полина (съ изумленіемъ). У меня?

Анна Федор. Да что ты, матушка! Понятное дѣло. Почему-бы ему на тебѣ не жениться?

Полина. На мнѣ?

Анна Федор. Ну да, на тебѣ! Чѣмъ-же ты хуже кого? Молоденькая, красавица...

Полина. На мнѣ?... Этому старикашкѣ?

Анна Федор. Тьфу!.. прости Господи!.. Какого-же тебѣ еще рожна нужно? И получишь тебя и тѣ ему обрадуются! (Полина, покачавъ медленно отрицательно головой, продолжаетъ опять читать.) Богатъ, чиновенъ, упретъ скоро.... Жила-бы барыней! А то что

такъ-то?—слоняться изъ дома въ домъ покуда состарьешься, да къ какой нибудь, въ родѣ Катерины Петровны, въ компаньонки, какъ эта Аделька, попадешь?

Полина. Ну тогда и можно повышлять о Пецлецовыхъ!.. Время не уйдетъ....

Анна Федор. Не уйдетъ!.. А до тѣхъ поръ!

Полина. До тѣхъ поръ?... До тѣхъ поръ вотъ слушайте: Мы въ Петербургѣ... квартира наша на Англійской набережной... (Анна Федор, махнувъ рукой, хочетъ встать, она удерживаетъ ее.) Сидите, сидите.... Вокругъ штофы, бархаты, позолота, ираморъ, бронза, кружевы... Мой будуаръ весь въ зелени, заставленъ трипическими растеніями... зеркальными окнами... картины... во всю комнату персидскій коверъ... objet de lux, vieux - saze.... каминъ топится...

Анна Федор. (желая встать). Полно вздоръ молоть!..

Полина (удерживая ее). Слушайте!... Я жду его.

Анна Федор. Кого это?

Полина. Идите терпѣвнѣе!... «Его»... Онъ не пріѣхалъ еще съ парада. Но вотъ звонокъ—это онъ! Я сижу передъ каминомъ и читаю книгу.... слышу какъ онъ вошелъ въ залъ, прошелъ гостиную и приподнял драпри будуара... Въ комнатѣ запахло Violette de Parthe—это его любимыя духи.... «Ахъ, здравствуй, мой милый, что ты такъ поздно?» — «Бѣдиль съ визитами» — «Да? а я тебя жду не дожжусь!» — «Pardou, ma blouette, забылъ тебя предупредить». (Анна Федор, грустно качаетъ головой.) Онъ цѣлуетъ меня въ лобъ и садится возлѣ меня.... — «Къ обѣду будетъ кто-нибудь?» — «Я никого не звалъ.» — «Ахъ, какъ я рада! Я ужасно люблю, когда мы вдвоемъ и нѣтъ третьяго лица передъ глазами!» Но вотъ и шесть часовъ—день пролетѣлъ незамѣтно.—пора и обѣдать... Потомъ опера. У меня абонированный бенуаръ, платье bleu du soir... на меня навѣдаютъ бинокли, лорнеты.... «Жанъ, мы ѣдемъ сегодня на балъ»...

Анна Федор. (какъ-бы очнувшись). Да ты съ ума сошла!

Полина (съ удивленіемъ). А что?

Анна Федор. (вскрикивая). Да ты что—серьезно что-ли?... смерти моей хочешь?... Я не въ

то тебя выростила, воспитала!... переносила униженія, насмѣшки, оскорбленія... Да лучше мнѣ въ гробу тебя видѣть, чѣмъ...

Полина. Да что вы, маленька!... Онъ жевит-ся на мнѣ.

Анна Федор. Кто? Иванъ Петровичъ?

Полина. Ну да; что это васъ такъ удивля-етъ? Вопросъ рѣшенный...

Анна Федор. Не знаешь ты, видно, лю-дей!...

Полина (съ неудовольствіемъ). Ну такъ оста-вьте меня въ покоѣ!... (Достаетъ изъ кар-мана маленькій, дорогой портъ-сигаръ и вы-нимаетъ папиросу.) Дайте мнѣ вотъ спички — на столѣ лежать, и сдѣлайте милость не нѣ-шайте читать.

Анна Федор. И это напрасно приучаться къ глупости—курить! (Бросая ей спички.) На!... (Увидавъ портъ-сигаръ.) Покажи, покажи!.. Откуда онъ у тебя взялся?!

Полина (спрятавъ его быстро въ кар-манъ). Нашла! Какое вамъ дѣло?!

Анна Федор. (строго). Поля!... Послушай! Поля!... Давеча я у тебя колечко съ изумру-дами и брильянтами замѣтила, теперь этотъ портъ-сигаръ... папиросы... Поля!... Ты знаешь, Поля, ты бѣдвая дѣвушка!... ты...

Полина (вспыхнувъ). Ахъ, Боже мой, какъ вы мнѣ надоѣли!... (Вскакиваетъ.)

Анна Федор. (не спускавшая съ нея ис-пытующаго взгляда). Да?! (Полина поту-пляетъ глаза, опустивъ голову). А, вотъ оно что?... Да?!.. Значитъ поздно уже!... (Пада-етъ со стономъ на стулъ.) Господи!... да что Ты не прибралъ, не разразилъ меня!... Что Ты ее громомъ не убилъ!... Что ты....

Полина (съ искаженнымъ отъ ужаса ми-цомъ). Тише!... что вы голосите, точно сумас-шедшая!..

Анна Федор. (задыхаясь отъ душевной бо-ли и ломая руки). Господи!... Ей всего восен-надцать лѣтъ!... Ребенокъ, ребенокъ!... Вся жизнь была впереди!... Да лучше бы она не родилась на свѣтъ Божій!...

Полина (помертвѣвъ вся и сверкая гла-зами). Да не кричите, Бога ради!... Замолчи-те!... Что вы дѣлаете?!.. Что вы, кого вы кля-нете? Развѣ этимъ воротишь что? Развѣ вы не знали?... Вѣдь на вашихъ глазахъ все происхо-дило... Что-же вы молчали тогда? Отчего не увезли меня отсюда?... Не спасли?...

Анна Федор. (въ иступленіи). Господи, Владыко мой!...

Полина. Уйдите поскорѣе отсюда!... (Оглы-нувшись.) Идутъ!... Ступайте!... (Не своимъ голосомъ.) Ступайте, говорю вамъ!... (Бросаетъ ся опростетью въ домъ.)

Анна Федор. (поднимаясь съ мѣста). Иду, иду!... (Съ рыданіемъ уходитъ, шатаясь, въ аллею. Скрывается.)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Неряцкій (входя съ твоей стороны въ со-провожденіи Гусева, у котораго въ рукахъ большой свертокъ). Чѣмъ-же это вы зани-маетесь?

Гусевъ (подымая свертокъ). Это Василій Васильевичъ приказали. У васъ въ заведеніи чистописанію обучались, такъ они мнѣ изволи-ли приказать.... Родословное древо.

Неряцкій. Родословное древо? Чье?

Гусевъ. Столбнѣ-Десятовыхъ. (Разверты-вая.) Это на верку напишется.

Неряцкій (заливаясь). Прекрасно. Ну, а не знаете, какія это дѣла у Катерины Петровны, что она за мною прислала? По разверстанію земель все кончено.

Гусевъ (таинственно). Нѣтъ-съ, тутъ со-всѣмъ другое;—только это вѣкъ превосходитель-ство, сколько я замѣтилъ, держать въ секрѣ-тѣ,—они желаютъ итѣнне отдѣлить Ивану Пет-ровичу.

Неряцкій. Такъ на что-же я ей, въ такомъ случаѣ, понадобился?

Гусевъ. Посовѣтоваться должно быть.

Неряцкій. Да я тутъ ровно не причѣмъ.... Я ничего и сказать не могу.

Гусевъ. Скупость, Михаилъ Никаноричъ, одна скупость всему причиной. Вотъ оно, изволяте видѣть, и итѣнне, и домъ... миліоны—одно сло-во... а всего жалѣютъ-съ... куска хлѣба, об-глоданной кости! Такъ какъ-же это, деревню отдѣлить. Вѣдь отдѣлить — значить отдать! Вотъ она и не выберетъ никакъ—рука не под-нимается.... И того жалко, и другаго.... все равно, какъ знаете, пальцы на рукѣ — какой ни укуси—все больно!...

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Вася (входя съ твоей стороны). Ахъ, поспі-егъ Гусевъ разговариваетъ!.. (Гусевъ сокра-щается, дѣлая шагъ назадъ.) Воцѣмъ, м-г Неряцкій!... (Подаетъ ему развязно руку.) Извините, grand'шатап еще въ церкви и по-слала меня за платкомъ... брата тоже нѣтъ.... Васъ заставляютъ ждать....

Неряцкій (холодно). И кажется совершенно напрасно. Ваша бабушка навѣрена отдѣлять итѣнне....

Вася. Что-о-о?!

Гусевъ (дергая Неряцкаго за фалду — тихо). Не говорите!... Ахъ!... (Мажнувъ ру-кой, отходитъ въ сторону.)

Вася (съ тревогой). Итѣнне? Ужъ не Ивану ли Петровичу?... Надѣюсь не Бубново?...

Неряцкій. Не знаю, ничего не знаю!

Вася. Но гдѣ-же справедливость послѣ это-го?... М-г Неряцкій, послушайте, разсудите са-ми... Я итѣю къ вамъ полную довѣренность....

Покойный дѣдъ, Иванъ Данилычъ, ничего не далъ дѣтямъ,—все предоставилъ grand'тамапъ какъ она хочетъ, передавъ ей свои нѣжныя покупки крѣпостякъ. Она очень бѣдно, только деньгами, одѣлила дочерей,—покойныхъ по нѣхъ тетокъ Лидію и Евдокію; послѣ нѣхъ смерти, зятя все возвратили по радной. Дядя мой, Петръ Иванычъ,—отецъ Ивана Петровича — умеръ тоже неотдѣленный. Вотъ взгляните сюда — на родословную... (*Выхватывая свертокъ у Гусева и развернувъ его.*) Два брата: столбники—Пантелей и Варлаамъ Столбни-Десятовы. Они были враги. Отъ Варлаама идетъ нашъ родъ: бояре—Василій, Іеронимъ, Эсперъ, Евлашій, Никита...

Неряцкій (*показывая на родословную*). Это какъ распшется, золотишь?

Вася (*взявную на Неряцкаго удивленнымъ взглядомъ, послѣ долгой паузы*). Да, золотишь. До свиданья, м-г Неряцкій, извините, что я васъ побеспокоилъ своимъ вздоромъ... Мнѣ некогда... меня ждетъ grand'тамапъ!... (*Разсерженный, съ чувствомъ достоинства быстро уходитъ въ домъ.*)

Неряцкій (*разсмѣявшись*). Ха... ха... ха... Не любить!...

Гусевъ. Ну зачѣмъ вы, Михаилъ Никанорычъ?.. Зачѣмъ вы сказали?!.. Вотъ они теперь пойдутъ да и поднимутъ дѣлю исторію!

Неряцкій. Не беспокойтесь,—ничего онъ не подниметъ... знаю я ихъ храбрецовъ!... (*Увидавъ въ глубинѣ Анну Федоровну. Взглянувъ на нее пристально.*) Ого... го... го... го... Однако что съ ней?... Точно сумасшедшая, еле ползетъ!... Видно жизнь не сахарная!...

Гусевъ (*махнувъ рукой*). Скоро тутъ всѣ одурѣютъ!... Съ ума сойдутъ! (*На цыпочкахъ уходитъ въ домъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Неряцкій (*направляясь къ Аннѣ Федоровнѣ*). Одурѣешь! (*Кланяясь ей.*) Добраго утра!... (*Подходя.*) Здравствуйте, Анна Федоровна... что это вы, невдоровы?

Анна Федор. (*отрывисто*). Голова болитъ; рано встала.

Неряцкій (*пожимая ей руку, съ сочувствіемъ*). Вы бы отдохнули... здѣсь на солнцѣ хуже.

Анна Федор. Гдѣ-же отдыхать-то? Прилечь негдѣ. Наверху тамъ, на чердакѣ, въ каморкѣ нашей, дышать нечѣмъ, внизу—все занято...

Неряцкій. А Павла Егоровна какъ поживаетъ? Я встрѣтилъ ее какъ-то на дняхъ, гуляла съ Иваномъ Петровичемъ...

Анна Федор. Гуляла? Что вы хотите этимъ сказать? Странное дѣло... молодая дѣвушка...

Неряцкій. Господь съ вами, я и не думалъ...

Анна Федор. (*перебивая его*). Гуляла!... Удивительно право... Почему же ей и не по-

гулять? По цѣлымъ днямъ торчатъ вслѣдъ струги, такъ хоть какое-нибудь развлеченіе. Она молодая... Здоровье у нея тоже не Богъ сътъ какое... Худа какъ щепка...

Неряцкій. Вы напрасно не условились съ Катериной Александровной... вы бы у васъ провели лѣто покойнѣе...

Анна Федор. (*съ дикимъ смѣхомъ*). Покойнѣе благодарю!

Неряцкій (*съ удивленіемъ*). Почему?

Анна Федор. Потому, что всѣ вы корони!.. Богъ вѣсть, кто кого лучше... Надоело одажаться цѣлому міру!

Неряцкій. Нельзя ли вамъ иначе, какъ-нибудь, устроиться... Дочь ваша получила образованіе и воспитаніе — это можетъ ей средствомъ къ жизни служить... она можетъ трудиться...

Анна Федор. И чахнуть изъ-за гроша? Знакомы намъ эти заработки!... Спасибо!... Видите-ли какъ мы дешево! Всякая дрань можетъ и въ деревнѣ своей, на свободѣ жить да житьвать и за границей въ пріятной компаніи кататься и съ гвардейскимъ офицеромъ съ утра до ночи съ глазу на глазъ смѣять; а дочь моя потому только, что родилась въ бѣдности,—такъ должна корить за работой, по цѣлымъ суткамъ шею гнуть и не позволять себѣ никакихъ удовольствій,—даже прогулокъ съ молодыми человѣкомъ!... Вотъ они сужденія-то какія!... Богатая—все прощено, замужая—все можно: нужнино ния все прикроетъ!...

Неряцкій (*вспыхнувъ*). Опомнитесь!... Чѣмъ вы говорите!

Анна Федор. Суцую правду, батюшка!.. Сатый—голоднаго не раздѣетъ! Вамъ—нужнинамъ хорошо, свободнымъ, обеспеченнымъ... по вашей — женщина работай да трудись, а вздумаете жениться,—все-таки возьмете бѣлоручку: бѣлоручка красивѣе, ве мнучена, да и взять за нею что-нибудь можно... все-таки годится безкорыстному человѣку, который о трудѣ проповѣдуетъ!

Неряцкій (*махнувъ рукой*). Вы большая женщина, съ вами говорить нельзя! (*Идетъ къ балкону.*)

Анна Федор. (*вслѣдъ ему*). И чего? Чѣмъ показывать-то удалъ надъ бѣдняками; совѣтите тѣмъ, кто поважнѣе,—вотъ погнѣщитъ ее!... Или не погнѣщете?

Неряцкій (*у ступени балкона*). Я бы совѣтовалъ перевѣщать слетницъ!

Анна Федор. И еще кого? Рукъ жалъ только парать! (*Удаляется въ глубину.*)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Полина (*сбѣгая со ступени балкона*). Bonjour, м-г Неряцкій! (*Протягивая ему руку*). Неужели Катерина Александровна не придетъ?

Неряцкій. Не знаю.

Полина. Это будетъ очень жаль. Уже двѣнадцать часовъ... Ахъ, какъ Катерина Петровна запоздала отъ обѣда!... Вы ждете Катерину Петровну?

Неряцкій. Да, ее.

Полина. И вѣроятно останетесь весь день? Сегодня именины Ивана Петровича. Онъ будетъ васъ просить.

Неряцкій. Нѣтъ-съ, не останусь.

Полина. Поляноте, м-г Неряцкій, вы недолжны! Какъ не стыдно вамъ, — недобрый!... Васъ надо переучить.

Неряцкій. Для этого я ненного устарѣлъ.

Полина. О нѣтъ, еще время не ушло!... Особенно если не терять его, — начать, напротивъ, съ нынѣшняго дня.

Неряцкій. Напрасный будетъ трудъ.

Полина. Вы думаете?

Неряцкій. Убѣжденъ.

Полина. Можете ошибиться. (*Кокетливо улыбаясь и поднимая на него взглядъ.*) Если я, напротивъ, попрошу васъ провести сегодня съ нами?

Неряцкій. Я не останусь.

Полина. Отчего?

Неряцкій. Сѣнокось, некогда.

Полина. Только поэтому?

Неряцкій. И потому еще, что не хочу никого изъ вашихъ видѣть!

Полина. Ахъ, вы въ отшельники собираетесь!... вотъ что!... Ну хорошо, подождите, я вамъ сдѣлаю сюрпризъ... честное слово сдѣлаю — и завтра же, чуть свѣтъ прискачу къ вамъ на сѣнокось.

Неряцкій. Это далеко.

Полина. О, я ничего не боюсь!

Неряцкій (*съ ядовитой насмѣшкой и презрѣнцемъ*). Въ самомъ дѣлѣ?

Полина (*смутясь*). Въ самомъ дѣлѣ... чего мнѣ бояться — собакъ что-ли?... *Parдон*, такъ мама кажется... (*Убѣгаетъ напивая:*)

«Гондольеръ молодой,
Взоръ твой полонъ огня.
Я влада, хороша...»

(*Подбѣжавъ къ матери.*) А вы еще не причесаны? Что это?... Подите, одѣньтесь!... (*Увидавъ Ивана Петровича, бросается къ нему.*)

«Ночной зефиръ,
Струить зѣврѣ,
Шумитъ, бѣжитъ
Гвадалкивиеръ!...»

(*Анна Федоровна уходитъ въ глубину направо.*)

Неряцкій (*смотря встѣдъ Полину*). Тоже горошкомъ отскочила! (*Уходитъ направо воль дома.*)

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Жанъ. Боги, какой бабочкой! Кто тебѣ подарилъ это платье? (*Хватаетъ ее за руку.*)

Полина (*съ досадой*). Сама!... (*Вырывая руку.*) Сама себя подарила!

Жанъ. А не Пехлецовъ?

Полина. Вотъ вздоръ какой! Съ какой стати Пехлецовъ будетъ мнѣ подарки дѣлать?

Жанъ. Съ какой стати?

Полина (*строго*). Ну да. По какому праву? Боже, что за несносный человѣкъ!... Его ждутъ цѣлый часъ, бѣгутъ къ нему навстрѣчу, а онъ пристаётъ съ глупостями... На! (*Подноситъ къ губамъ Жана руку.*) Проси прощенья!

Жанъ (*безцеремонно оттолкнувъ руку*). Я хочу знать чье платье.

Полина. Мало-ли чего ты хочешь!.. (*Послѣ небольшой паузы, кокетливо пристѣлая, глядя на него изъ-подлобья.*) Катерини Александровны!.. М-ше Алексинской!

Жанъ (*сморщивъ брови*). А!.. миленькое...

Полина (*съ укоромъ*). «Миленькое»? Теперь оно для васъ «миленькое»? (*Протыкая къ его губамъ объ руки.*) Да поздоровайтесь-же!.. Говорю вамъ — я васъ цѣлый часъ ждала.

Жанъ (*взявъ ее за кисти рукъ и опускающъ*). И въ ожиданіи... любезничала съ управляющимъ? Я видѣлъ.

Полина (*съ досадой*). Жаль, что не слышалъ.

Жанъ. Жаль. Это для чего-же дѣлается? Чтобы не потерять привычки? Для экзерциціи?

Полина. Право ты пресивѣшной!

Жанъ. Очень можетъ быть... Впрочемъ, что же, я нисколько не противъ этого, даже хвалю — предусмотрительность рѣдкое качество...

Полина (*насилъно смѣясь*). Ха... ха... ха... Не жори меня со смѣху, Ваня... такъ серьезно! А лучше вотъ что: ты-бы, милый, пошелъ къ нему... вѣдь бабушка позвала его посоветоваться о твоёмъ-же дѣлѣ.

Жанъ. Да онъ тутъ что-же? Имѣнье отдастъ мнѣ бабушка, а не онъ.

Полина. Но, душка, все-же лучше; ты-бы разспросилъ его какъ это сдѣлать, какъ скорѣе...

Жанъ (*взявнувъ на нее съ саркастической улыбкой*). Какъ она о моихъ интересахъ хлопочетъ!

Полина (*удивленная*). Потому что они и мои тоже...

Жанъ (*продолжая пытливо смотрѣть на нее. Въ глазахъ его блеснула злоба*). Что? что такое?

Полина (*недоумѣвая*). Твой дѣла, Ваня, мнѣ также близки, какъ и мои собственныя.

Жанъ. Какъ такъ?

Полина (*положивъ ему объ руки на плечи и пытливо заглядывая въ лицо*). Очень

просто... я вѣдь твоя... je serai donc ta petite femme... буду женщиной твоей...

Жанъ (мало разсмѣявшись). Ха... ха... ха... Какъ проворно!.. (Сбрасывая ея руки съ своихъ плечъ.) Прини, жарко!

Полина (пораженная). Да?.. Значить...

Жанъ. Значить, что ты такая-же, какъ и всѣ тѣ барышни, которыя только и думаютъ какъ-бы выйти за богатаго человѣка замужъ!.. Значить, что тебѣ не я, а мое состояніе нужно!

Полина (оскорбленно). Я любила васъ! васъ!

Жанъ (со злобой). Должно быть!

Полина (задыхаясь, сквозь слезы). Я васъ и теперь люблю... но... только... что-же это будетъ?

Жанъ. Видишь-ли вотъ твой характеръ: не въ томъ главное, что «я васъ люблю», а въ томъ «что-же будетъ?» Обрадовалась, что поимала, схватила за слово...

Полина (встѣхнувъ). Что? Что вы сказали? (Съ недоуваніемъ.) Вы двѣ недѣли приставали ко мнѣ, не давали мнѣ прохода.. Какъ тынь сновали за мной, увѣряя въ своихъ чувствахъ и страданіяхъ; клялись вѣчной любовью, обѣщали всю жизнь свою посвятить мнѣ, сулили чуть не всѣ блага земныя—и когда я, подъ обаяніемъ словъ вашихъ, нашла въ своихъ сердцахъ откликъ взаимной любви, повѣрила вамъ и, ослѣпленная счастьемъ, сама не знаю какъ это случилось—увлеклась,—вы вотъ что заговорили!

Жанъ. Послушай,—я думалъ, что ты умнѣе! Если ты дѣйствительно повѣряла мнѣ, то вѣроятно не спроста, а основывая на чемъ-нибудь эту вѣру,—и такъ какъ, до настоящаго времени, еще ничего такого не произошло, что бы могло ее въ тебѣ поколебать,—то и подымать подобный вопросъ глупо; если-же ты дѣйствовала зря,—не думая, какъ дура,—то откуда у тебя взялся теперь вдругъ этотъ ужъ? Снявши голову, по волосамъ не плачутъ!

Полина (заломивъ руки и поникнувъ головой). Вѣдная мана!

Жанъ. Ай какія пансіонскія уловки! «Dieu, ma mēge!» Полно, милая! Въ тебѣ, именно, то и было хорошо, что ты не сантиментальничала,—и не начинай... со мной по крайній мѣрѣ! Ничего такого не случилось, чтобы могло измѣнить сколько-нибудь наши отношенія,—все идетъ благополучно, только не вѣшивайся въ мои дѣла, не считай мое состояніе своимъ,—что мое—то не твое!.. А недѣли черезъ двѣ, три—бабушка развяжетъ мнѣ руки...

Полина. И ты увѣдешь?

Жанъ. Да, въ Петербургъ. Ты пріѣдешь тоже туда...

Полина. Нѣтъ!.. Послѣ нашего настоящаго разговора,—не обѣщавшись,—зачѣмъ-же? У меня голова еще на плечахъ, да и по волосамъ я плакать не желаю.

Жанъ. Отлично! Въ такомъ случаѣ—какъ знаешь! Ты свободна въ своихъ дѣйствіяхъ.

Полина. Да? Хорошо... Я выйду замужъ.

Жанъ. Съ Богомъ!.. За кого?

Полина. А вамъ какое дѣло... За Пехлецова.

Жанъ. Брависсимо! Вы рѣшительны! (Помявъ руки.) Благословляю васъ!

Полина (съ упрекомъ). Ваяя, Ваия!.. Нервая себя!..

Жанъ. Безъ глупостей! (Оглянувшись.) Таше... Придите въ себя—бабушка идетъ!

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Съ лѣвой стороны, изъ глубины, выходитъ тереда—Вася, почтительно неся шляпку бабушки, за нимъ Столб.-Десят., Адел. Григ. и Пехлецовъ, у котораго на головѣ толстый изъ васильковъ вѣнокъ, въ рукахъ цилиндръ, а за ними—Горничная и Лакей въ мурѣ и цилиндрѣ съ кокардой, неся на рукахъ матилью Катер. Петр. Съ правой стороны, съ балкона, спускается Анна Федоровна, за нею Гусевъ, изъ-за угла, возмъ дома, выходитъ Неряцкій.

Анна Федор. (подбѣгая къ Столб.-Десят.). Съ праздникомъ, ваше превосходительство!.. съ дорогими именниникомъ!.. (Цѣлуетъ руку.)

Полина (подходя тоже и дѣлая реверансъ). Съ праздникомъ!..

(Неряцкій и Гусевъ кланяются издали.)

Жанъ (подходя къ рукамъ). Съ праздникомъ, grand'maman!

Столб.-Десят. (цѣлуя Жану въ лобъ). Тебя также... Дай Богъ тебѣ всего хорошаго, а главное—остепениться! (Всѣмъ остальнымъ.) Mercil! (Проходитъ сцену. Горничная и лакей салютуютъ за нею и затѣмъ уходятъ въ домъ.)

Жанъ Здравствуйте, Дмитрій Владиміровичъ. (Протягивая ему руку и глядя на него). Это что?

Адел. Григ. Ахъ, это я...

Пехлецовъ. Это они—Аделаида Григорьевна...

Адел. Григ. Увидала, на паперти, у дѣвочки вѣнокъ, взяла его и...

Пехлецовъ. И короновали меня!.. те... те... те...

Жанъ. Возложивъ вамъ на голову корону Флоры?

Пехлецовъ. Да... которую я, въ своемъ окредѣ, низлагаю къ ногамъ богини красоты! (Снимаетъ вѣнокъ и хочетъ нагнуть, чтобы положить его къ ногамъ Полины.)

Полина (не допуская его это сдѣлать и принимая вѣнокъ). Mercil! (Она цѣлуетъ ея руку, она его въ лобъ.)

Адел. Григ. (мѣтливо, въ сторону). Старый дуракъ! (Отходитъ въ глубину.)

Столб.-Десят. (въ это время, ведя разговоръ съ Неряцкимъ). Всѣ эти дни жаръ ужасная!..

Неряцкій. И слава Богу; дождь могъ-бы поѣшать сѣнокосу. Вы прислали намъ, Катерина Петровна, своихъ больныхъ коровъ...

(Продолжаютъ вести разговоръ тихо.)

Пехлецовъ *(восторжась Полиной, которая, получивъ вѣнокъ, надѣла его на голову).* Mais vous êtes charmante!.. Вы восхитительны, какъ майское утро... какъ улыбка Авроры.

Жанъ *(со злобой).* И даже болѣе того!

Полина *(небрежно Жану).* Вы находите? *(Пехлецову.)* Эти цвѣты мои любимыя; простенькіе, но какъ хороши!

Адел. Григ. *(со злобой).* Смотрите, чтобы отъ нихъ у васъ коса не свалилась! *(Идетъ къ столу и хозяйничаетъ возлѣ самовара.)*

Полина *(холодно).* Я не ношу чужихъ волосъ.

Анна Федор. *(Столб.-Десят.).* Молебенъ съ водосвятіемъ былъ?

Столб.-Десят. Да, очень торжественный! *(Вася, вертлявшагося все время возлѣ нея.)* Что тебѣ нужно, Вася? Ты меня просто преслѣдуешь, мой милый!..

Вася *(бросившись цѣловать ея руки).* Агъ, grand'papa, это такъ, grand'papa... Это потому, grand'papa, что мнѣ большое удовольствіе быть при васъ...

Столб.-Десят. Я устала, mon cher, оставь меня, иди гулять... Скажи Адели, чтобы она чай дѣлала, а я повдну на минуту къ себѣ...

(Вася убѣгаетъ.)

Неряцкій. Вамъ было угодно, Катерина Петровна, видѣть неясно по какому-то дѣлу?

Столб.-Десят. Да, но я теперь очень устала... Позднѣе немного... послѣ завтрака... Адель, займись чаемъ. *(Уходитъ въ домъ, Анна Федоровна слѣдуетъ за ней.)*

Адел. Григор. *(ей вслѣдъ).* Сю минуту, ваше пр—во. *(Намывая чай.)* Basil!.. Вася!.. Гдѣ вы? М-г Неряцкій. *(Отставляя стаканъ чаю.)* Не угодно-ли? *(Неряцкій беретъ чай.)* Дмитрій Владиміровичъ, пожалуйста кушать!.. Будетъ вамъ любезничать?

Пехлецовъ. Сейчасъ, сейчасъ, несусь!..

Жанъ *(смѣясь).* Пойдите одну минуту... полюбуйтесь еще разочекъ на прическу m-lle Полины; ова намѣрена ее уничтожить!

Полина. Съ чего вы это взяли? И не дунаю. Я останусь такъ до вечера.

Пехлецовъ *(переминаясь съ нош на ногу).* И прекрасно сдѣлаетъ!.. Une parruce charmante! Полина. Мнѣ это нравится.

Жанъ *(съ досадою).* Но онъ завянетъ вашъ вѣнокъ. Это будетъ сѣно.

Полина. Васильки не скоро вянутъ; но хотя-бы и завяли?..

Пехлецовъ. Хотя-бы и завяли?..

Полина *(съ нѣжностью).* Хотя-бы и завяли—я ношу ихъ цѣлый день!.. А потомъ.. *(Смотритъ на Жана.)*

Жанъ. Потомъ?

Полина *(со вздохомъ).* Потомъ повѣшу на память надъ моимъ изголовьемъ!

Пехлецовъ *(въ упоеніи).* Oh, c'est trop!.. Это слишкомъ!..

Полина *(взявъ его подъ руку и направляясь къ столу).* Это сегодня *(смотря на Жана, съ удивленіемъ.)* мое первое, единственное удовольствіе!.. *(Освобождая руку.)* Идите, васъ зовутъ. *(Отходитъ къ качающемуся креслу.)*

(Пехлецовъ, расшаркавшись, подходитъ къ Аделаидѣ Григорьевнѣ и, стоя затылкомъ къ Полине, закрывая ее такимъ образомъ отъ глазъ Аделаиды Григорьевны, ведетъ тихо разговоръ.)

Жанъ *(быстро подойдя къ Полине, сердитымъ шепотомъ).* Что-же это такое? Что ты себѣ позволяешь?

Полина *(холодно, тоже тихо).* А вы что мнѣ можете не позволить? Что вы только-что сказали мнѣ? Я—свободна! Ну и что-же вамъ нужно еще? *(Взявнувъ на окна дома.)* Вотъ пріѣхала ваша Алексинская—ступайте къ ней!.. *(Дѣлаетъ шагъ впередъ на авансцену.)*

Жанъ *(схвативъ ее за руку и привлекая къ себѣ страстно, шепотомъ на ухо).* Никого мнѣ кромѣ тебя... тебя одной не надо!..

Полина *(дѣлая усиліе вырваться).* Докажите это...

Жанъ. Докажу, дамъ тебѣ слово!..

Полина *(вырываясь).* Посмотривъ! *(Бросается навстрѣчу сходящей со ступеней балкона Алексинской.)* Ah, madame! Какъ я рада, какъ счастлива!.. это вы... *(Обнимаетъ ее.)*

(Изъ-за кустовъ, возлѣ кресла, выскакиваетъ Вася и, подбѣжавъ къ Аделаидѣ Григорьевнѣ, отводитъ ее въ глубину и что-то ей сообщаетъ; она цѣлуетъ его въ голову.)

Алексинская *(цѣлуя Полину).* Bonjour, ma belle!

Полина. Агъ, какъ вы хороши сегодня!

Алексинская *(нѣсколько смущась).* Вы приходите? А гдѣ-же papa?

Полина. Она васъ ждетъ... Она у себя!.. Я сбѣгаю ее предупредить... *(Бросается къ балкону, но со ступеней лѣстницы спускается уже Столб.-Десятъ въ сопровожденіи Анны Федоровны.)*

Алексинская *(въ это время, замѣтивъ, въ нѣсколькихъ шагахъ передъ собою, Жана, подходитъ къ нему).* Здравствуйте, Иванъ Петровичъ. *(Протягивая ему руку.)* Вотъ уже двѣ недѣли какъ вы не были у меня...

Жанъ *(тихо, направляясь въ глубину—куда отошла Полина).* Поздоровайтесь прежде со всѣми и съ grand'papa.

Алексинская *(окончательно растерявшись) Grand'papa?.. (Омльнувшись.)* Ah, chère papa... *(Бросаясь къ ней.)* Bonjour, chère ma-

шап... Поздравляю васъ... (*Цѣлуетъ съ ней.*)
Какъ ваше здорье?... Bonjour messieurs et
mesdames!.. (*Здоровается со всеми.*)

Столб.-Десят. Буденъ завтракать. (*Идетъ къ столу. Въсь, кромъ Неряцкаго и Жана съ Полиной, ведущицъ въ сторону оживлен- ный разговоръ, стѣшатъ подать ей кресло, а затѣмъ всѣ садятся вокругъ стола въ слѣдующемъ порядкѣ: Столб.-Десятъ съ пра- вой стороны, возлъ нея, по лѣвую руку Пехлецовъ, по правую Неряцкій; между Неряцкимъ и Аделаидой Григорьевной—Алек- синская, а рядомъ съ Пехлецовымъ Анна Федоровна. Возлъ Аделаиды Григорьевны остаются два мѣста свободныхъ—Жана и Полина, все еще продолжающихъ разгова- ривать, затѣмъ садится Гусевъ и возлъ нею Вася, поставивъ двумя ножками свой стулъ на платье Анны Федоровны. Вася и Анна Федоровна сидятъ затылками къ пуб- ликѣ. Возлъ Аделаиды Григорьевны, по лѣ- вую руку, стоитъ самоваръ на отдельной тумбочкѣ.*)

Столб.-Десят. (*послъ того какъ всѣ, кромъ Жана и Полины, успѣли, обращаясь къ Алексинской.*) Ты очень кстати, ma chere, вотъ шг. Неряцкій недоволенъ, что я отосла- ла къ тебѣ нѣсколько своихъ больныхъ ко- ровъ; онъ находить, что это затрудняетъ тво- его ветеринара или тебя... не знаю кого...

Алексинская (*разсыпано, сосредоточивъ свое вниманіе на Жанѣ и Полине*). Не знаю, шапаш.

Неряцкій (*Алексинской*). Я говорилъ вамъ сегодня поутру.

Алексинская. Очень можетъ быть... Я не обратила вниманія... это бездѣлица!

Столб.-Десят. Я полагаю, что бездѣлица! Для меня непонятно только, какъ это какой- то ветеринаръ и позволяетъ себѣ разсуждать!

Алексинская (*продолжая свои наблюденія*). Конечно, шапаш.

Столб.-Десят. (*приклебывая чай*). Развѣ можетъ быть тебѣ неприятно, оказать мнѣ услугу? Наконецъ, если бы потребовались на лѣченіе расходы, то я могу всегда заплатить.

Алексинская. Ахъ, шапаш, что вы?

Жанъ (*устышился возлъ Адел. Григ. По- лину, наливая себѣ сливокъ въ чай*). Вашему вѣнку не дожить до вечера.

Полина. Онъ безсмертенъ!

Пехлецовъ. Какъ идея! ха, ха, ха!...

Столб.-Десят. (*поможивъ себѣ что-то на тарелку*). Я всегда была увѣрена, что ты для меня не пожалѣешь ничего.

Алексинская. Конечно, шапаш.

Неряцкій. Дѣло вовсе не въ томъ, Катери- на Александровна, я вамъ толковалъ сегодня, что присланныя коровы больны повальной мо- ровой болѣзью, что въ Бубновѣ падежъ ско-

та, а у васъ рѣдкой породы превосходное ста- до чистокровныхъ тирольскихъ коровъ... Не- жалѣйте его!... Елеонскій находить...

Алексинская (*прислушиваясь къ разговору Жана съ Полиной, раздраженно, съ нетер- пѣніемъ*). Ахъ, Боже мой, это скучно, нако- нецъ! Кажется я могу приказывать ему!

Столб.-Десят. Я полагаю! Елеонскій... Что такое Елеонскій?

Неряцкій. Ветеринарный врачъ.

Столб.-Десят. Такъ что же изъ этого? Ска- жите какая важная птица! Коновалъ!

Неряцкій. Но если онъ...

Столб.-Десят. Какое ему дѣло? Мы правъ обойдемся и безъ его предостереженій. (*Вѣсть.*)
Неряцкій. Онъ очень будетъ радъ, если вы безъ него обойдетесь.

Полина (*Жану*). Ни за что на свѣтѣ! Ни за что!

Жанъ. Но во всякомъ случаѣ согласитесь, что вы не правы.

Полина. Съ какой стати?

Алексинская (*не выдержавъ, Полинѣ и Жану*). О чѣмъ вы спорите, господа?

Жанъ. Это секретъ!

Неряцкій. Если онъ... (*дрожащимъ отъ волненія голосомъ*) этотъ коновалъ... эта не высокаго полета птица и позволяетъ себѣ раз- суждать, то дѣлаетъ это потому, что печет- ся о вѣрномъ ему добрѣ! (*Алексинской*) Мнѣ кажется, Катерина Александровна...

Алексинская (*вставая, Жану*). На два сло- ва, Иванъ Петровичъ... будьте любезны...

Жанъ (*смутившись, вставая тоже*). Вамъ угодно пройтись? Жарко.

Алексинская. Нѣтъ, пойдите. (*Взявъ пред- юженную Жаномъ руку.*) Pardon, chère ша- паш... Анна Федоровна, потрудитесь, мой зон- тикъ.

(*Анна Федоровна встаетъ и беретъ при- щемленное Васей платье.*)

Вася (*вскакивая тоже*). Ахъ, Анна Федо- ровна... виновать! (*Хочетъ.*)

(*Аделаида Григорьевна тоже смѣется.*)

Анна Фед. (*выразительнымъ шепотомъ*). Скверный мальчишка!

Вася. Но я у васъ прошу прощенія. (*Схва- тивъ зонтикъ и подавая его Алексинской.*) Катерина Александровна, вашъ зонтикъ. (*Жанъ и Алексинская уходятъ въ паркъ.*) Pardon, Анна Федоровна, я не думалъ, а даже не ожи- далъ отъ васъ...

Анна Федор. (*бросая малѣнький взглядъ на хохотавшую Аделаиду Григорьевну.*) Вы бы рвали платья у кого ихъ побольше!

Адел. Григ. А вы бы еще шире распустили вашъ хвостъ! —

Анна Федор. Не съ вами разговаривать!... Кукла размазанная! (*Съ зѣвкомъ уходитъ на балконъ.*)

Столб.-Десят. Господа, кто желаетъ, можетъ встать и уходить.

Полина (*разговаривая въ это время съ конфузистимся Гусевымъ, какъ бы не замѣчая ничего*). Вы допили вашъ чай? (*Вставая*.) Пойдите на берегъ рѣки.

Гусевъ (*конфузился еще больше*). Съ наслажденіемъ-съ.

Пехлецовъ (*вставая тоже*). Не позволите ли вы и мнѣ?

Адел. Григ. Нѣтъ, Дмитрій Владиміровичъ, останьтесь.

Пехлецовъ (*расшаркивался*). Если вы прикажете...

Адел. Григ. Мнѣ нужно съ вами переговорить.

Полина. Вы остаетесь?

Пехлецовъ. Да.

(*Полина, взявъ подъ руку Гусева, уходитъ налево.*)

Пехлецовъ (*сидя на мѣсто Жана*). Скучныя дѣла заставляютъ бѣжать нашихъ дамъ. **Неряцкій** (*вставая*). Вижу.

Столб.-Десят. Потому что они совсѣмъ не женскія... (*Вставая, Неряцкому.*) Извините, я васъ такъ долго задержала. Я пригласила васъ, чтобы переговорить о дѣлѣ. Пойдите. (*Идетъ на балконъ въ сопровожденіи Неряцкаго.*)

Адел. Григ. (*въ то же время, вставая, Пехлецову*). Пойдемъ и ны погулять немного. Чего тутъ сидѣть.

Пехлецовъ. Mais, avec le plus grand plaisir, mademoiselle. (*Подавая ей руку.*) Съ трепетомъ и замираніемъ сердца позволяю себѣ предложить вамъ... хе, хе, хе...

Столб.-Десят. (*войдя на балконъ*). Или нѣтъ, лучше подождите здѣсь, я сейчасъ возвращусь. (*Уходитъ. Неряцкій остается на балконѣ.*)

Пехлецовъ (*взявъ подъ руку Аделаиду Григорьевну*). Обвороженный Тиціанъ ищетъ снисхожденія у всепрощающей Атталы!... Я какъ-то прочелъ одно стихотвореніе, въ немъ сказано:

«Вся суть раскаянья—вины своей сознанье
И не сила въ наказанья...»

Такъ вотъ и въ настоящемъ случаѣ. Хе, хе, хе... (*Уходятъ налево.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Неряцкій (*оставшись одинъ, отираясь о колонну*). Боже мой, что же это такое? Я убѣждаюсь со всякой минутой!.. Да неужели? Неужели всѣ эти наемни сущая правда? Неужели она такъ низко пала? Впрочемъ, почему же и нѣтъ? Избалованная, извѣженная, своенравная!... Развѣ могла она полюбить простаго, честнаго человѣка—своего мужа? Развѣ ей нужно что-нибудь другое, кромѣ пары завитыхъ усовъ, да

ловкой дерзости? Развѣ у нея есть сердце, разумъ?... ха, ха, ха!... И я тоже хорошъ!... Ну что я нашолъ въ ней — идеальст!... Вообразилъ... Въ такомъ случаѣ надо вызвать его... при немъ она постыдится... Однако, что же я?... я можетъ-быть и ошибаюсь... Слишкомъ быстрый приговоръ! Увлелась и больше ничего... Къ чему такъ думать!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Алексинская (*показываясь съ тѣвой стороны, въ клубинѣ сада, въ сопровожденіи Жана*). Если ты разлюбилъ меня, если ты не помнишь, что для тебя я извѣнила мужу, забыла совѣсть, забыла Бога...

Жанъ. Не кричи, Христа ради!... Что ты дѣлаешь? (*Схвативъ ее подъ руку и быстро удаляясь.*) Ты забываешь, что насъ могутъ услышать...

Неряцкій (*прислушиваясь съ ужасомъ*). Что?!... Она?!... (*Сбѣжавъ съ балкона и увидавъ удаляющихся, поникаетъ головой.*) (*Пауза. Жанъ и Алексинская исчезаютъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Столб.-Десят. (*сойдя съ балкона со сверткомъ бумагъ и подойдя къ Неряцкому*). Вотъ я вамъ принесла бумагу...

Неряцкій (*поднимая голову и глядя на нее какъ бы съ просонью*). Что-съ?

Столб.-Десят. (*окинувъ его взглядомъ удивленія и негодованія, повиснувъ голою*). Я говорю, что я вамъ принесла бумагу... Я имѣю намѣреніе отдѣлить мою деревню въ Саратовской губерніи вуюку моему Ивану...

Неряцкій. Извините, ваше превосходительство, это нѣтъ рѣшительно все равно... это меня совершенно не касается и такъ какъ я не имѣю ни намѣренія, ни врененія, ни охоты заниматься вашими дѣлами, то и прошу васъ оставить меня въ покоѣ! Будьте здоровы! (*Быстро уходитъ направо возмъ дома.*)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

(*Столб.-Десят. остается пораженная, какъ бы ослепенная, держа бумагу въ рукахъ*)

Пехлецовъ (*быстро выходя съ тѣвой стороны съ Адел. Григ.*). Иванъ Петровичъ!... Иванъ Петровичъ! (*Увидавъ одну Столб.-Десят.*) Кончили ваши переговоры?

Столб.-Десят. Даже я не начинала!

Пехлецовъ. Какъ такъ?

Адел. Григ. Почему?

Столб.-Десят. (*съ раздраженіемъ*). Это животное!... Съ нимъ и говорить не стоитъ!

Жанъ (*подходя*). Что такое?

Адел. Григ. Что случилось?

Пехлецовъ. Неужели онъ осмѣлился?

Столб.-Десят. Catherine!... Гдѣ Catherine?

Жанъ. Она тутъ. Катерина Александровна!

Алексинская. Иду! *(Выходит из глубины, глаза у ней заплаканы.)*

(Съ левой стороны вбѣгаетъ Полина, съ правой Анна Федор. и Вася.)

Столб.-Десят. Catherine, прогони своего управляющаго. Это скотина, какъ рѣдко!... Нотесанный мужланъ!...

Жанъ. Котораго за окошко надо вышвырнуть! Я говорилъ.

Адел. Григ. И я тоже!

Алексинская. Но что же онъ сдѣлалъ, шатап?

Столб.-Десят. Чего сдѣлалъ? Ничего та сдѣлал! Конечно ничего!... Что же онъ ногъ сдѣлать?... Говорить только много—вотъ что!...

Пехлецовъ *(поясля жестами)*. Даетъ волю языку!

Столб.-Десят. Именно! Чего же еще... *(Нюхая спиртъ.)* Ну довольно объ этомъ... Чтобы его у тебя не было. Все это грязь!... Не сыграть ли намъ лучше? А?

Пехлецовъ. Вотъ это дѣло! Съ удовольствіемъ.

Адел. Григор. Я даже распорядилась уже столь раскрыть въ угольной.

Столб.-Десят. Такъ сыиграемъ... я, ты, Аделъ, Дмитрій Владиміровичъ и Анна Федоровна.

Жанъ *(Аннѣ Федоровнѣ)*. Дайте мнѣ поиграть за васъ. *(Столб.-Десят.)* Вы позволите, grand'tатап?

Столб.-Десят. Отлично!.. Спасибо, mon cher, я съ тобой играть люблю.

Всѣ исключая Анны Федор., Алексинской и Полины уходятъ.

Полина *(отходя въ глубину нальво, всесо)*. Иванъ Петровичъ!

Жанъ *(подбѣгая къ ней)*. Къ вашимъ услугамъ, mademoiselle.

Полина *(насмѣшившо)*. Помирлись?

Жанъ. Вплоть! Больше ничего?

Полина. Ничего. Честъ мнѣю поздравить.

Жанъ *(щелкая шпорами)*. Много благодаренъ! *(Идетъ къ балкону.)*

Алексинская *(заступая ему у ступеней дорогу)*. Что же это такое, Жанъ, ны не увидишься цѣлое утро? Ты будешь играть до обѣда?

Жанъ *(весело)*. И даже послѣ.

Алексинская. Весь день?

Жанъ. Вплоть до вечера!

Алексинская. Послушай, это наконецъ неучтиво: я гостья, нѣтъ ко мнѣ, по крайней мѣрѣ, вниманіе какъ къ посторонней.

Жанъ. Вы не у меня въ гостяхъ, Катерина Александровна, вы гостья—grand'tатап.

Алексинская. Да? Въ такомъ случаѣ я уѣзжаю доной. Велите заложить мою карету.

Жанъ *(щелкая шпорами)*. Слушаю-съ! *(Уходитъ на балконъ, а затѣмъ въ комнату. Съ другой стороны балкона сбѣгаетъ Вася*

и проскальзываетъ въ паркъ. Алексинская направляется въ глубину.)

Полина *(подходя къ Алексинской)*. Вы здоровы?

Алексинская. Да, неинного... голова болитъ; жарко. Пойдемъ куда-нибудь, хоть въ садъ.

Полина. Всего лучше если вы пойдете въ комнаты; тамъ солнца нѣтъ... вы отдохнете, положите неинного...

Алексинская. Merci, chère enfant; меня разстроило сообщенное шатап... это такъ неприятно... Нѣтъ, я лучше здѣсь останусь.

Полина *(взявъ ее за талию и подводя къ креслу-качалкѣ)*. Такъ въ такомъ случаѣ садитесь въ кресло... Оно очень удобно. *(Усаживается.)* Подложите себѣ подушку за спину... *(Подкладываетъ.)* Вотъ такъ... *(Беретъ маленькую подушечку.)* А эту сядъ подъ голову положите... *(Подкладываетъ подъ затылокъ.)* Это моя подушечка... я ее называю «думкой». Воже, Воже, чего я только не передумала, уткнувшись въ нее!... Ну что—хорошо?

Алексинская. Превосходно, chère amie... merci infiniment.

Полина. Ну и слава Богу!... Полежите такъ, успокойтесь... А чтобы вамъ скучно не было, съ вами маленька посидитъ. Мама!... мамуленка!.. Побудьте здѣсь съ Катериной Александровной...

Алексинская. А вы куда же?

Полина *(умбляясь ириво и показывая на домъ)*. А я бѣгу туда!... Катерина Петровна можетъ спросить что-нибудь... Если ны обѣ уйдемъ—она пожалуй подумаетъ, что маленька разсердилась за неосторожность Васи или что Иванъ Петровичъ сдѣлалъ играть за нее въ карты... Это не хорошо будетъ. Au revoir, madame, au revoir! *(Кланувъ граціозно юлоской, убѣгаетъ въ припрыжку на балконъ. Всю эту сцену она ведетъ торопливо, быстро.)*

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Алексинская *(подошедшей къ ней въ это время Аннѣ Федоровнѣ)*. Какая она ниня! *(Анна Федоровна вздыхая садится.)* Что вы вздыхаете?

Анна Федор. Такъ, ничего—духъ перевелъ.

Алексинская. Вы стянуты?

Анна Федор. Что вы? Вотъ еще!

Алексинская. У Полины прехорошенькая талія!

Анна Федор. Да, недурна.

Алексинская. Вѣрно прекрасный корсетъ?

Анна Федор. Передъ отъѣздомъ сюда вышала изъ Петербурга.

Алексинская. Ахъ, они тамъ странно дороти!

Анна Федор. *(съ раздраженіемъ)*. Что же

дѣлать? Нельзя же ей въ 18-ть лѣтъ не одѣваться порядочно. Последнее, что Богъ далъ, что на человѣка похожа, и тутъ себя уродовать!.. Да я лучше ужъ ни пить, ни ѣсть не стану!

Алексинская. Вы должно-быть ее очень любите...

Анна Федор. Дочь-то? Я думаю.

Алексинская. Вамъ бы ее слѣдовало поскорѣй устроить.

Анна Федор. (злбно). Ха, ха, ха!... Благодарю за совѣтъ! «Поскорѣй устроить» — легко сказать! Она можетъ-быть и иногнѣ нравится, но этого еще мало для того, чтобы выйти замужъ!... Тутъ деньги нужны!

Алексинская (вздринувъ). Многнѣ нравится? Деньги нужны?... Ну, а если бы выйти человѣка съ состояніемъ?

Анна Федор. Да, «если бы»!.. Найдите.

Алексинская. Что же здѣсь, въ провинціи — пожалуй... въ провинціи всегда много жениховъ. Я знала такихъ дѣвушекъ, что уѣзжали изъ Москвы въ деревню и тамъ выходили замужъ... (Анна Федор. грустно смѣется, покачивая головой.) Да, да, да! могу васъ увѣрить!.. вы не шутите этигъ, ша снѣге, это совершенная правда!.. и если заняться этигъ дѣломъ...

Анна Федор. Такъ вотъ вы и займитесь!.. Кто же вамъ иѣшаетъ? Вы богаты, у васъ громадный кругъ знакомства... если вамъ точно жалъ васъ, — похлопочите о ней. (Дрогнувшимъ голосомъ.) Спасите ее!..

Алексинская (съ испугомъ). Спасите?

Анна Федор. Да, спасите!.. Вырвите ее отъ сюда, пока она совсѣмъ не погибла!

Алексинская. Что вы говорите?!

Анна Федор. Помогите ей, протяните руку, дайте ей мужа, возьмите къ себѣ... что хотнѣ дѣлать — только спасите, спасите ее!.. Она холода, глупа, — въ ея годы всѣ глупы... лѣдью, другую выдержала, а тамъ силъ не ватило!... Не устояла, повѣрила вздору!... Ее вѣдь обмануть легко, — она еще ребенокъ, и этотъ человѣкъ и не ее обманетъ..

Алексинская (въ экстазѣ). Жанъ?

Анна Федор. Вы вѣдь его знаете хорошо, Катерина Александровна; вѣдь онъ не остановится ни передъ чѣмъ — ради прихоти, разврата!.. А она сирота... она не богата — ей денего на вѣвѣцъ надѣяться.

Алексинская. Конечно, разумѣется, (высокомъ тономъ.) Ей слѣдуетъ понять, что она не въ обществѣ...

Анна Федор. (почти истерически). Ха, а, ха!... Вотъ вы всѣ таковы! Вотъ какова оборота ваша! (Вскакивая.) Смотрю я на васъ, а и думаю: что если бы эта добрая аристократка знала вину нилой дѣвочки — также, какъ дѣвочка знаетъ ее вину, — она бы не сжа-

лилась надъ нею въ затруднительную минуту, не стала бы уаживать, ободрять ее, подкладывать ей подушки подъ голову, — а первая бы выдала ее головой!... Вотъ вы обѣ виноваты одинаково — вы даже больше: вы замужемъ; а призови свѣтъ разсудить вину вашу — онъ васъ оправдаетъ, а ее обвинитъ! Онъ скажетъ — мужъ виноватъ, мужъ допустилъ, мужъ скученъ, не поналя... (У Алексинской начинается дѣлаться истерика.) Да, да, да, это вѣрно... это такъ! А почему? Потому что вы богаты, «высшаго общества», — а она нищая! Вѣдь ее Христа ради выростили, выучили, бросая ей обвоски, какіе совѣстно ужъ было отдать горничной, и швыряли куски со стола, которые все равно бы поваръ укралъ! — Такъ чего же еще? Какъ же она снѣтетъ?... Вѣдь никому изъ васъ, благодѣтелей, не извѣстно гнетущее чувство униженія... вѣдь никому изъ васъ и въ голову не придетъ, что она тоже холода — можетъ захотѣть полюбить, пожить!... Господи!.. Искушевіе велико! — Вся ваша роскошь передъ глазами, всѣ ваши обиды и оскорбленія, которыхъ вы и сами не понимаете, вотъ здѣсь: (указываетъ) въ глоткѣ, въ горлѣ!... Ну и конечно!.. далеко ли до бѣды? А тутъ красота, неопытность, почти дѣтскій возрастъ — глядь и погибла!..

Алексинская (съ истерическимъ воплемъ). Mais de grâces, Анна Федоровна... Ради Бога!..

Анна Федор. (въ изступленіи). Нѣтъ, тогда и «ради Бога» не поможеть!.. Тогда и «ради Бога» никто изъ васъ не пожелаетъ ее держать! На улицу выгоните, куска хлѣба не дадите!.. Захочетъ работать, — работы не возьмете изъ рукъ!.. Грѣхъ въ лохмотьяхъ — не грѣхъ въ кружевахъ...

(Съ Алексинской дѣлается страшная истерика. Изъ-за кузовъ выскакиваетъ Вася и убѣгаетъ въ домъ.)

Жанъ (сходя съ балкона). Карета ваша готова, Катерина Александровна... (Увидѣвъ ее въ истерикѣ.) Что такое?

Анна Федор. (злбно). Такъ, ничего... une attaque de nerfs... по васъ соскучилась... Посидите съ нею, полюбезничайте — такъ пройдетъ! (Уходитъ въ глубинѣ направо.)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Алексинская (увидавъ Жана). Жанъ!

Жанъ. Что вамъ угодно?

Алексинская. Жанъ, возможно ли?..

Жанъ. Что съ вами?

Алексинская. Возможно ли?.. Я несчастная... умру!.. (Истерически рыдаетъ.)

Жанъ. Пожалуйста безъ криковъ и глупостей! Если вы больны, такъ уѣзжайте домой.

Алексинская (желая встать). Я уѣду, Жанъ, уѣду сейчасъ, сію минуту, только не сердись!.. Ради Бога, ради всего святаго, не сердись и

прѣзжай ко мнѣ... сегодня же, вечеромъ, нѣтъ скорѣе... послѣ обѣда... равьше...

Жанъ (*помогая ей встать*) Вы заговариваетесь!

ЯВЛЕНИЕ 14-е.

Столб.-Десят. (*выходя на балконъ въ сопровожденіи Аделаиды Григорьевны, Пехлецова, Васи и Полины*). Что здѣсь случилось?

Жанъ Ничего особеннаго, маленькая истерика...

Вася (*съ азартомъ*). Я прохожу по саду и вижу М-ше Alexinsku se sheurt... Анна Федоровва растерялась, я испугался...

(Адел. Григ. *ласкаетъ* ея. Полина *идетъ къ Алексинской*.)

Столб.-Десят. Это отъ жары... горячка въ воздухѣ...

Пехлецовъ. Должно быть инфлюэнца...

Алексинская (*увидавъ подходящую къ ней Полину, взвизгиваетъ и бросается въ сторону*). Ай!... Не подходите, не подходите ко мнѣ! (*Начинаетъ вновь истерически рыдать*.)

Жанъ (*поддерживая ее*). Господи, Воже

мой, да успокойтесь наконецъ! (*Полинтъ*.) Принесите стаканъ воды!

(Полина *убѣгаетъ*.)

Алексинская. Не надо... Проводите меня въ карету. (*Длая шагъ впередъ*.) Au revoir, papa!

Столб.-Десят. До свиданья, ma chère, не нужно прощаться, иди прямо, а то ты пойдешь насъ всѣхъ заразишь... Жанъ, проводи ее, но только прежде чѣмъ возвращаться въ комнаты, прогуляйся по саду и пусть тебя окурятъ чѣмъ-нибудь. Адель, займись этичъ. (*Уходитъ въ комнаты, нюхая стиртъ, въ сопровожденіи всѣхъ находящихся на балконѣ*.)

Алексинская (*проходитъ направо возмъ дома, поддерживаемая Жаномъ. Львая ея рука лежитъ вдоль спины на лѣвомъ его плечѣ, голова на правомъ. Онъ держитъ ее за талию*). Такъ ты прѣдешь, да?... Прѣдешь?

Жанъ. Хорошо, хорошо, вечеромъ.

Алексинская. Поклянись!.. Я не буду жива... я умру, убью себя, если ты меня обманешь!.. (*Уходитъ*.)

Занавѣсь.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КАРТИНА 1-я.

Комната—юстинная-будуаръ. Противъ зрителей стеклянная балконная дверь и двѣ окна. Направо: рояль, ближе къ авансценѣ—этажерка съ нотами, еще ближе входная дверь. У лѣваго окна—уголокъ дамскій письменный столикъ. Налѣво: въ глубинѣ, дверь въ спальню, ближе—изящный диванчикъ, столъ, тумба, на которой горитъ, подъ розовымъ абажуромъ, лампа, шезъ-лонгъ, нѣсколько стульевъ, кресель, табуретокъ. Посреди комнаты—столъ съ газетами, кипсеками, книгами; вокругъ стола—легкіе золоченные стулья. У дверей и оконъ тяжелыя портьеры. Дверь на балконъ открыта. Луна на небе.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

На балконѣ у перилъ стоитъ Алексинская. Большая пауза. Затѣмъ она медленно входитъ въ комнату.

Алексинская (*входя и останавливаясь въ глубинѣ*). Все нѣтъ и нѣтъ! (*Убитымъ, полнымъ отчаянія голосомъ*.) Что же это такое?... Неужели все кончено?... (*Послѣ маленькой паузы*.) Все, все!... (*Заломилъ руки*.) Воже мой!... Но вѣдь это жестоко!... Безчеловѣчно!... вѣдь... (*Прислушиваясь*.) Прѣдатель!.. идетъ!.. (*Бросается къ правой двери, оттираетъ и слушаетъ. Затѣмъ опираясь въ изнеможении о косякъ*.) Нѣтъ... никого! (*Послѣ небольшой паузы*.) Нѣтъ, я не выдержу этого!... у меня силъ не хватаетъ! (*Идетъ быстро къ столу, хватается колокольчикъ и звонитъ*.) Настя! Настя!...

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

(*Изъ лѣвыхъ дверей входитъ Настя*.)

Алексинская. Давно поѣхалъ посланный въ Бубново?

Настя. Какъ только позволили приказать. Ужъ онъ долженъ скоро и возвратиться.

Алексинская. Пойди узнай.

Настя. Слушаю-съ. (*Уходитъ*.)

Алексинская. Развѣдется бы чѣмъ-нибудь... (*Послѣ небольшой паузы*.) Или вотъ что... (*Звонитъ*.) Я лучше сама поѣду... Я не могу не въ состояніи...

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

(*Входитъ Настя*.)

Алексинская. Вели заложить мнѣ карету!
Настя. Что вы, барыня!... Гроза сейчасъ бу-

доть. Отъ Черношны страсть что за туча идетъ! Молніи такъ и сверкають!

Алексинская. Что ты толкуешь! Лунная тихая ночь...

Настя. Извольте посмотрѣть — съ балкона видно.

Алексинская (*идетъ на балконъ и взглянуть на небо*). Да, дѣйствительно!... (*Возвращаясь*.) Верховой вернулся?

Настя. Не знаю-съ... Не успѣла узнать — вы изволили позвать меня...

Алексинская (*нетерпливо*). Такъ иди же, иди!... Кого такъ послали? Пожалуй почевать еще будетъ!...

(Настя уходитъ.)

Алексинская. Все противъ меня, все!.. даже природа! (*Садится и рыдаетъ*.) Боже, Боже, что я за несчастная!... Господи, подкрѣпи меня, дай силы!... (*Вскрываетъ, бѣжитъ къ письменному столу, зажигаетъ свѣчу, садится и пишетъ, то и дѣло разрывая написанное. Написавъ наконецъ письмо, складываетъ его вдвое, звонитъ, бѣжитъ къ столу, находящемуся среди комнаты, хватается первую попавшуюся книгу, кладетъ въ нее письмо и заворачиваетъ все какъ попало въ листъ бумаги.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Настя (*входя*). Васька форрейторъ ѣздилъ. Онъ уже давно возвратился.

Алексинская. Ну и что же?

Настя. Отдалъ письмо.

Алексинская. А отвѣта нѣтъ?

Настя. Нѣтъ никакого.

Алексинская. На, вотъ. (*Отдавая ей книгу*.) Завяжи шуркомъ и чтобы сейчасъ кто-нибудь отвѣзъ Ивану Петровичу... Очень нужно, — я вчера забыла!... Звешь, какая я забывчивая? Совсѣмъ безпамятная! Чтобы скакалъ поскорѣе и отдалъ...

Настя. Я скажу Дѣньяну кучеру, онъ расторопнѣе.

Алексинская. Хорошо. Пусть спѣшитъ!... Скажи что я приказала!...

(Настя уходитъ.)

Алексинская. Неужели онъ и послѣ этого не пріѣдетъ?... Что же тогда?... Тогда... Нѣтъ, не хочу думать, не хочу... Буду ждать, терпѣливо ждать!... Не можетъ быть... Не извергъ же онъ!... (*Хватается первую попавшуюся книгу*.) Буду читать... (*Взглянувъ въ садъ*.) Мелькнуло что-то въ саду... (*Бѣжитъ къ балкону*.) Никого нѣтъ!... Птица, должно быть... (*Возвращаясь, выглядываетъ направо отъ себя*.) А туча приближается... (*Садится за рояль и начинаетъ играть: сначала тихо, впечатлительно, потомъ быстро, нервно; переходя въ allegro съ увлеченіемъ. Игра ея соответствуетъ настро-*

нію духа. Ускоряя темпы, она нетерпливо колотитъ пальцами по клавишамъ и, закончивъ блестящимъ аккордомъ, въ изнеможении опускаетъ руки, а затѣмъ вскакиваетъ.) Нѣтъ, это невыносимо! Я просто съ ума сойду!... (*Идетъ на середину комнаты*.)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

На порогъ правыхъ дверей, изъ-за портьеры, появляется Жанъ.

Алексинская (*увидавъ его, съ крикомъ бросается къ нему*). Жанъ!... Ты ли это?!.. Я была увѣрена, что ты пріѣдешь!

Жанъ (*освобождаясь отъ ея рукъ и идя впередъ*). Еще бы!... Какъ же не пріѣхать?... Поневоля пріѣдешь, когда вы прямо объявляете, что надѣваете глупостей! (*Швыряетъ фуражку на столъ, опрокидывая флаконъ*.) Ну, спиртъ, лекарства!... Что съ вами приключилось?

Алексинская. Это духи, chère amie, просто духи: Violette de Parme. (*Вьтираетъ платкомъ и поднося его къ лицу Жана*.) Твои любимые.

Жанъ (*отдавая ея руку*). На что я вамъ нуженъ?

Алексинская (*растерянно*). Да такъ, Жанъ, такъ...

Жанъ. «Такъ»? Ну, въ такомъ случаѣ, я вамъ объявляю, что вы съ ума сошли! Вчера сцены, сегодня глупости!... Вамъ непремѣнно хочется скомпрометироваться? За этия дѣла не станеть!... Что вы вчера вытворяли у grand' шаманъ?

Алексинская (*оправдываясь*). Но, Жанъ, мнѣ дурно было...

Жанъ. Отчего? (*Алексинская смотритъ на него растерянно*.) Что за характеръ! Не удивлюсь ни на минуту, если мужъ васъ броситъ: съ вами жить наказанье! (*Схватываетъ фуражку и направляясь къ двери*.) Прощайте!

Алексинская (*догоняя его и удерживая*). Послушай, Жанъ!... (*Падаетъ на колѣни*.) Я у ногъ твоихъ... Ради Бога... выслушай меня! Такъ оставь меня нельзя... это жестоко! Вспомни все... вспомни мою жизнь, — я тебѣ ее отдала!

Жанъ (*поднимая ее*). Ради Бога, не кричите!...

Алексинская (*противясь ему*). Нѣтъ, я останусь такъ... я должна упрекать тебя... я... я на колѣняхъ, въ каждой словъ буду просить у тебя прощенія!... Прости меня, милый, жизнь моя!... Что ты дѣлаешь со мной?...

Жанъ (*возвышая голосъ*). Да что же я дѣлаю наконецъ? (*Вырываясь отъ нея*.) Пустите меня, сдѣлайте милость... Эти вздоры заходить ужъ очень далеко! (*Идетъ къ двери*.)

Алексинская (*вскакивая*). Въ такомъ слу-

чай... (Жанъ оборачивается, она бѣжитъ къ балкону и останавливается въ дверяхъ.) Если ты увидишь—я брошусь!

Жанъ (быстро направляясь къ ней). А чортъ возьми, съ вами потеряешь всякое терпѣніе!... (Схватываетъ ее за руку и, оттащивъ отъ балкона—швыряетъ на шезлонгъ. Отдаленный раскатъ грома.) Ивольте сидѣть спокойно!... Перестаньте дурить!... Иначе я (хватаетъ колокольчикъ съ письменнаго стола.) повову людей, чтобы они васъ связали какъ сумасшедшую!... или данъ знать вашему управляющему—можетъ онъ съумѣетъ привести васъ въ порядокъ!... (Молнія.)

Алексинская (сложивъ умоляющимъ образомъ руки). Нѣтъ, Жанъ, нѣтъ, не надо... Ради Бога, что ты!... Я буду тиха, я успокоюсь... (Жанъ ставитъ колокольчикъ на столъ, устремляя на нее сверкающій злобный взглядъ, она поджимаетъ ноги, обхватываетъ обѣими руками колѣны и продолжаетъ тихо, покачивая головой.) Боже мой, Боже мой!... Что жъ это такое? Такъ ли все проходитъ?... Неужели все прошло?... Я тебя полюбила... Богъ свидѣтель, мнѣ была не легка моя жертва; я вѣдь знала, что поступаю нехорошо... Неужели это не цѣнится? Послушай... (Молнія и сильный ударъ грома. Она вздрагиваетъ, забывшись въ кресло.)

Жанъ (хладнокровно, опустивъ драпировки у оконъ и балконной двери). Я слушаю.

Алексинская (вскакивая). Видишь ли,—ты меня не любишь!... Ты бы такъ меня не мучилъ, если бы любилъ! Есть чувства, Жанъ, которыми не шутить... которыми шутить преступно! Я тебѣ наскучила; да, это ясно!... О, Боже, Боже мой, что закрывать глаза, — все для меня прошло!... все, все!... Если я тебѣ, быть-можетъ, и мила еще, то только по привычкѣ! (Бросаясь къ нему и хватая его за руку.) Жанъ, милый, дорогой... хоть изъ жалости, обмани меня, скажи, что ты все тотъ же!

Жанъ (вырывая у ней свою руку). Нѣтъ, я не «тотъ же»! Я не могу «тѣмъ же» быть!... Ты сама до этого доводишь!

Алексинская Я? (Отходитъ къ столу, у шез-лонга.) Когда хотятъ обвинить человѣка всегда находятъ вину.

Жанъ. «Хотятъ»? Ты хочешь выставить меня какимъ-то извергомъ! И въ который это разъ,—вмѣсто удовольствія у насъ выходятъ только одиѣ сцены? То зависть, то подозрѣнія, то упреки, то чортъ знаетъ что такое!... И все «жертва»!... «Жертва» да «жертва»!... Ну, если эта жертва вамъ такъ тяжела, — такъ о чемъ толковать послѣ этого? Тогда прощайте!... Я не негодяй какой-нибудь, хватать не буду, — будьте покойны...

(Слышны сильный порывъ вѣтра и отдаленные раскаты грома.)

Алексинская (опираясь рукой о столъ). Ты радъ предлогу потому, что любишь дружю!

Жанъ. Ну конечно... теперь ревность!

Алексинская (оборачиваясь къ нему). А развѣ я не въ правѣ ревновать? Вчера, ты успонаиваешь меня, увѣряешь, что все будетъ по прежнему, а мать этой дѣвочки прямо говорить, что я должна спасти ее отъ тебя!... Спаси—повинаешь ли? О, Боже!... ему мало моихъ слезъ, моей любви, ему нужна глувость, развлеченіе, кто-нибудь, что-нибудь, — лишь бы не я! И не ревновать послѣ этого?... Не выходить изъ себя? У тебя нѣтъ сердца!... Ни сердца, ни совѣсти!... Несчастная нищая, чуть не ребенокъ, мать-сплетница, злая интриганка, готовая все переносить изъ дома въ домъ... Что такое она для тебя? Что? Говори... я хочу знать!... Я спрашиваю потому, что нѣтъ право!

Жанъ (хладнокровно). Что она для нева? (Вынимая изъ кармана портсмаръ и доставая изъ него папиросу.) То же что и вы!

Алексинская. Что?!...

Жанъ (прячетъ портсмаръ, зажимаетъ спичку и закуривъ папиросу). Вы слышали.

Алексинская (дѣлая къ нему шагъ). Жанъ!

Жанъ (пряча спичечницу). Что еще?

Алексинская. Такъ вотъ на кого ты прогнѣвалъ меня!... Ну, этому вѣтъ и названія!... Это пошло, это безчестно!

Жанъ (иронически улыбаясь). Почему безчестно?

Алексинская. Почему? Онъ еще спрашиваетъ! Потому, Жанъ, что тебѣ ничего не стоило бросить меня, для Бога знаетъ кого!

Жанъ. Ха, ха, ха, ха!... Вы скѣщите меня, Катерина Александровна...

Алексинская (дрожащимъ отъ волненія и слезъ голосомъ). У тебя хватаетъ дерзости скѣяться?

Жанъ. Еще бы, когда вы вздоръ говорите! Полно, перестаньте, бросьте этотъ тонъ, онъ вамъ ве къ лицу!... Повѣрите мнѣ, что эта «Богъ знаетъ кто», эта «несчастная нищая», «чуть не ребенокъ», эта «дѣвочка», которую вы собираетесь спасти отъ меня — гораздо умнѣе и опытнѣе васъ! Спасайте себя лучше... не дѣлайте скандаловъ... опомнитесь! Что это вы такое затѣваете? Какія такія права распространяете на меня? Вы забыли о своемъ положеніи, о томъ, что вы и дѣствуете, какъ главный ребенокъ.

Алексинская (рыдая, заложивъ руки). Богъ накажетъ тебя, Жанъ... накажетъ ее!... Онъ видитъ мои страданія... Онъ справедливъ!

Жанъ. Перестаньте, говорю вамъ!... перестаньте глупить!

Алексинская (бросаясь къ нему и хватая его за руки). Нѣтъ это невозможно... Этого

Быть не может! Она тебя никогда такъ не любила и не полюбитъ какъ я... Ты очнешься, ты бросишь ее, возвратишься ко мнѣ!.. Взгляни на меня... Неужели...

Жанъ (*отталкивая ее такъ, что она падаетъ на шез-лонгъ*). Очнитесь вы сами!.. Идетъ кто-то!..

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

(*Изъ лѣвыхъ дверей (спальни) быстро входитъ Неряцкій, еле переводя духъ.*)

Неряцкій (*не останавливаясь и швыряя фуражку на столъ, ходя по комнатѣ, какъ бы продолжаетъ разговоръ*). Но вы не можете не согласиться со мной, что вліяніе воздуха на организмъ человѣка представляетъ собой одно изъ условий жизни. Во время грозы воздухъ насыщенъ элентричествомъ, а потому...

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

(*Изъ правыхъ дверей входитъ Пехлецовъ.*)

Пехлецовъ (*входя*). Являюсь на крыльяхъ бури. (*Подбѣгая къ Алексинской и протягивая ей руку*). Лѣтъль узнать о вашемъ здоровьѣ... (*Пожимая машинально протянутую ему руку*). Вчера случилась такая неожиданность... (*Взглянувъ на нее*). Но Воже мой, что съ вами?

Алексинская (*тихимъ голосомъ, едва живая*). Я испугалась.

Пехлецовъ. Грозы? Да, нервныя природы...

Неряцкій. Я только что объ этомъ говорилъ. Мы вотъ вдвоемъ успокаиваемъ Катерину Александровну, хотя не совсѣмъ сходится во взглядахъ.

Пехлецовъ (*протягивая ему руку*). Мое почтеніе, мр. Неряцкій. (*Протягивая руку Жану*). Bon soir, cher ami!.. Я прямо изъ Бубнова. Тамъ ничего не знаютъ о здоровьѣ очаровательной сосѣдки. Катерина Петровна у себя, въ своей комнатѣ, Аделаида Григорьевна что-то не въ духѣ; Иванъ Петровичъ, говоритъ, у ш-ше Alexinsku, поѣзжайте и вы туда, можетъ-быть, узнаете что-нибудь интересное... М-ше Pauline не выдалъ, она не выходила — испугалась грозы и спряталась... Что же это вы, господа, не позаботились, чтобы мадамъ не замѣтила ужасовъ природы? Хе, хе, хе!..

Жанъ (*смущенный*). Можетъ-быть вамъ удастся это сдѣлать.

Пехлецовъ. О, я готовъ... Знаете, господа, что? Мы въ этомъ замкѣ путники застигнутые непогодой и обязаны стараться сократить вечеръ для прелестной хозяйки. Я подаю совѣтъ: прикажите поставить столъ и мы всѣ вчетве-

ромъ, наперекоръ стихіи, не винная ничему — ни бури, ни грому, храбро сразимся на зеленомъ полѣ!

Неряцкій. Прекрасно придумано.

Жанъ. Я отказываюсь.

Пехлецовъ (*съ удивленіемъ*). Почему?

Жанъ. По моему, отъ грозы лучше всего бѣжать доной; да и Катеринѣ Александровнѣ давно пора успокоиться.

Алексинская (*вставая*). Да, дѣйствительно, мнѣ дурно... я пойду къ себѣ...

Пехлецовъ (*смущенный*). Въ такомъ случаѣ .. конечно...

Жанъ (*хватая фуражку*). До свиданья, Катерина Александровна. (*Подаетъ ей руку.*)

Алексинская (*судорожно сжимая ее*). До завтра... а demain (*Подаетъ руку Пехлецову*). Благодарю васъ, мр. Пехлецовъ, за вниманіе. (*Подаетъ руку Неряцкому*). Спокойной ночи, мр. Неряцкій.

(*Всѣ трое раскланиваются между собой и уходятъ: Жанъ и Пехлецовъ въ правую дверь, Неряцкій — на балконъ. Но едва успѣла опуститься за Жаномъ и Пехлецовымъ портьера, онъ тотчасъ же опять входитъ въ комнату.*)

Неряцкій (*подойдя къ Алексинской, твердымъ голосомъ*). Я спасъ васъ, Катерина Александровна, отъ скандала и поворота на всю губернію; но чтобы это было въ послѣдній разъ! Вашъ мужъ — честиѣйшій и прекраснѣйшій человѣкъ, онъ вамъ не затѣмъ далъ свое имя, чтобы вы его топтали въ грязь! Предупреждаю васъ: завтра въ пять часовъ утра онъ пріѣзжаетъ сюда!.. Будьте осторожны, бросьте всѣ эти ваши продѣлки съ этимъ... послѣднимъ изъ рода Столбичъ-Десатовыхъ!.. Они къ добру не приведутъ! Въ порывѣ увлеченія вы потеряли стыдъ, забыли кто вы и что вы. Опомнитесь... Очнитесь, оглянитесь вокругъ!.. Что вы дѣлаете!.. Вотъ вы набожная женщина, — обратитесь къ Богу, зажгите передъ образомъ лампаду, станьте на колѣни, да помолитесь поусердѣе, попросите Творца, чтобы Онъ помогъ вамъ образумиться, отрѣшиться отъ пошлости... Вы сравните себя! До свиданья, простите за горькую истину, если я позволилъ себѣ ее вамъ высказать, то только изъ дружбы къ вашему мужу, въ надеждѣ на ваше доброе сердце! Заприте за мною дверь. (*Уходитъ на балконъ.*)

(*Алексинская стоитъ точно полуживая, опустивъ голову, выдвинувъ ее немного впередъ и устремивъ взглядъ въ одну точку.*)

Занавѣсь.

КАРТИНА 2-я.

Гостинная. Прямо дверь. Налѣво: въ углу кафельная печь, возлѣ нея маленькая, краснаго дерева одностворчатая дверь, ближе большой старинный краснаго дерева съ бронзой диванъ, передъ нимъ такой же покрытый скатертью столъ и по обѣимъ сторонамъ полукругомъ кресла. Направо: ютическая стеклянная дверь и два такія же окна, изъ которыхъ у первую стоитъ большое вольтеровское кресло, возлѣ него, со стороны окна, столъ, ближе стулъ, а сзади ширма. На полу подъ всеми этими предметами разосланъ коверъ; передъ кресломъ—большая, въ видѣ подушки, скамейка; на столѣ—сундучекъ съ шерстью у начатой работы—вышиванія, лампа подъ абажуромъ и книга. На столѣ, передъ диваномъ, тоже лампа; обѣ зажжены. Вообще вся обстановка богатая, старинная: коверы, лампы, канделябры, картины. По обѣимъ сторонамъ двери противъ зрителя шкафчики съ серебромъ и чашками; на одномъ изъ нихъ часы подъ колпакомъ, на другомъ китайская слоновой кости группа, тоже подъ стекломъ. Готическія окна и двери съ большими нишами. Всюду, кромѣ двери краснаго дерева, желтая драпировка подъ цвѣтъ мебели.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

При поднятіи занавѣсы изъ среднихъ дверей выбѣгаетъ Вася съ посланной Алексинской Жану книгой и подбѣгаетъ къ боковымъ дверямъ.

Вася (отворивъ двери, тихо). Адель, chère Adèle! На минуточку.

Адел. Григор. (входя). Что такое, Вазиль?

Вася. Подите сюда... (Таинственно отводитъ ее отъ двери). Вотъ... (показываетъ ей завернутую, но развязанную книгу.) Я не знаю, что мнѣ дѣлать?... Я только что былъ на крыльцѣ и смотрѣлъ на удаляющуюся грозу... «Вѣднй Пехлецовъ, думалъ я, какъ-то онъ доберется...» вдругъ вижу быстро вѣзжаешь во дворъ кучеръ ш-ше Alexinsky, — весь мокрый, лошадь еле дышетъ... подлетаетъ къ крыльцу, подаетъ мнѣ что-то завернутое въ бумагу и говоритъ: «барыня прислали Ивану Петровичу, приказали спѣшить, потому что очень нужно». Меня это очень удивило: — что такое?... въ такую погоду...

Адел. Григор. (перебивая его). Тѣмъ болѣе, что часа два тому назадъ пріѣзжалъ уже одинъ посланный отъ нея съ запиской...

Вася. Ну да... да и Жанъ давно уже уѣхалъ къ ней... вѣроятно по ея-же вызову.

Адел. Григор. Конечно.

Вася. Вотъ я и рѣшился развернуть бумагу. — «Хорошо, говорю кучеру, — я передамъ...» а самъ къ себѣ на верхъ...

Адел. Григор. (заинтересовавшись). Ну, ну, ну?

Вася. Развязываю снурокъ...

Адел. Григор. Ну?... и что-же?

Вася. Книга. Раскрываю—письмо!

Адел. Григор. Отъ нея?

Вася. Да.

Адел. Григор. Гдѣ-же оно?

Вася (доставая изъ книги). Вотъ! Я его

прочелъ... Мнѣ просто страшно, Адель... Я пораженъ... Я возмущаюсь...

Адел. Григор. (выхватившая съ это имя письмо, поднося его къ лампѣ, держитъ далеко отъ мазъ). Ахъ я забыла мое певство...

Вася. Дайте я вамъ прочту. (Беретъ письмо и читаетъ:) «Ты меня погубишь, ты хочешь моей смерти! Ради всего, что тебѣ свято, ради вашей любви, Жанъ, заклинаю тебя, пріѣзжай сейчасъ. Ты не имѣешь понятія о моемъ страданіи, повѣрь ему, какъ я все еще хочу вѣрить, что ты меня любишь, что не измѣнилъ мнѣ для этой... У меня нѣтъ ужества назвать ее. Пріѣзжай. Твоя Catherine.» Что-же это такое, Адель? Вѣдь это ужасно!

Адел. Григор. Вѣднй ребенокъ!... Вы такъ невинны еще, такъ невинны, мой милый Базиль! Это не женщина, а само преступленіе! Но и вашъ братецъ тоже хорошъ!... Спрячь записку, и все тутъ. Она вамъ пригодится: при случаѣ вы и предъявите ее grand'papa, какъ аргументъ.

Вася. А книгу?

Адел. Григор. А книгу мы завернемъ опять. (Дѣлаетъ это.) завяжемъ какъ была (заключаетъ.) и положимъ Ивану Петровичу въ столъ въ его комнату.

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Полина (входя). Что-же это вы сказали Пехлецову, что будто я испугалась грозы, заперталась къ себѣ и не выхожу къ нему?

Адел. Григор. Когда?

Полина. Вечеромъ... (сидя на правой стороне на стулѣ возлѣ рабочаго столика и играючи). Сегодня вечеромъ, часъ тому назадъ: я сама слышала.. была въ сосѣдней комнатѣ!

Адел. Григор. Подслушивали?

Полина. Къ этому не нужно было прибѣгать—вы говорили такъ громко, что чуть не кричали! Меня удивляетъ только, что вы такъ оберегаете старика отъ встрѣчи со мной!... Я

для васъ неопасный конкурентъ, повѣрьте мнѣ, — Неизяловъ немя несколько не интересуютъ...

Адел. Григор. (*злобно*). Очень вѣрю... Васъ интересуютъ другой — молодой, красивый...

Вася (*съ видомъ наивности*). Братъ Иванъ... Не правда-ли?

Полина (*Вася, сдержавъ себя*). А вы много приготовили изъ алгебры? Аделаида Григорьевна только что сказала бабушкѣ, что вы заняты уроками.

Вася (*вспыхнувъ*). Это васъ не касается, mademoiselle Pauline! Конечно, я дитя... и...

Адел. Григор. И вагать ротъ ребенку не трудно; — во вы не важете другинь! (*Вася, отдавая завернутую книгу*). Идите, Вазиль, отнесите куда слѣдуетъ. (*Вася уходитъ въ среднюю дверь*.) Мнѣ кажется, Павла Егоровна, что вамъ не мѣшаетъ...

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Столб.-Десят. (*выходя изъ боковыхъ дверей*). Ну что, — гроза унялась?

Адел. Григор. Да, совершенно...

Полина (*поднимая штору у окна*). Какъ-бы ничего не было: вебо прояснилось, мѣсяцъ свѣтитъ...

Столб.-Десят. Все-таки опустите штору и чтобы все въ домѣ было заперто... воздухъ еще не очистился, — полонъ этого... какъ его... ну, изъ чего гроза бываетъ?..

Полина. Электричества.

Столб.-Десят. Ну да. (*Садясь въ кресло*.) Я бы послушала. На чемъ вы остановились?

Полина (*взявъ книгу*). На томъ, какъ Сафо... (*Входитъ Вася и приближается къ Аделаидѣ Григорьевнѣ*).

Столб.-Десят. Или, можетъ быть, вы составимъ партію?... Я, (*Аделаидѣ Григорьевнѣ*) ты, Жанъ (*Адел. Григор. дѣлаетъ знакъ Вася, указывая глазами на бабушку*) и Анна Федоровна... (*Замѣтивъ, что Вася шепчетъ что-то Адел. Григорьевнѣ*). Что такое?

Вася (*съ замѣшательствомъ*). Ничего, grand'papa.

Столб.-Десят. (*Аделаидѣ Григорьевнѣ*). Такъ вели приготовить столъ. Гдѣ Жанъ?

Вася (*тихо, съ еще большомъ замѣшательствомъ*). Онъ уѣхалъ, grand'papa.

Столб.-Десят. Уѣхалъ? Въ такую погоду... не сказавъ мнѣ ни слова!... Куда? (*Вася опять шепчетъ что-то Аделаидѣ Григорьевнѣ, дѣлая видъ, что онъ растерянъ*.) Что ты все шепчешь? что съ тобою? (*Пауза*.) Я тебя спрашиваю!... (*Вася молчитъ*.) Онъ, пра-

во, глупъ, этотъ мальчикъ!... Если ты не знаешь, — такъ все-таки отвѣчать можешь!

Адел. Григор. (*тихо и несмѣло*). Онъ знаетъ...

Столб.-Десят. Знаетъ?... Такъ отчего же молчать?

Вася (*съ испуганнымъ и съ высшей степени растеряннымъ видомъ*). Я... я не сиѣю, grand'papa, не сиѣю сказать вамъ...

Столб.-Десят. (*холодно и твердо*). Не сиѣешь сказать? Почему?

(*Полина, предчувствуя бѣду — оставляетъ книгу, которую просматривала, и, взявъ нугъ на Васю и Аделаиду Григорьевну, приходитъ въ ужасъ*.)

Вася (*подавая бабушкѣ записку, присланную Алексинской*). Вотъ... Жанъ, grand'papa, поѣхалъ къ м-ше Алексинской... Ему прислали, grand'papa, эту записку... онъ, должно быть, потерялъ ее... я поднялъ... Я, конечно, виноватъ, grand'papa, что осмѣлился прочесть ее, grand'papa... я, разумеется, еще такъ молодъ, что не долженъ понимать этого; но, grand'papa, если, къ моему несчастью, я узналъ... я просто не могу опомниться... вѣдь это преступленіе, grand'papa!...

Столб.-Десят. (*читая въ это время, смотря въ лорнетъ на записку*). Что это? (*Показываетъ на слова*.) нечетко написано: «у немя нѣтъ ну... мужа...» что-ли? Не разберу.

Вася (*не глядя на записку*). «У немя нѣтъ мужества назвать ее», grand'papa.

Столб.-Десят. Да, дѣйствительно такъ! (*Опуская записку*.) Ты, кажется, навзвустъ выучилъ!... (*Переводитъ взглядъ, смотря тоже въ лорнетъ, на Полину*.)

Вася (*съ то же время*). Вы сердитесь на немя, grand'papa... я не понимаю, чѣмъ я заслужилъ вашъ гнѣвъ? Если я не тотчасъ-же отвѣтилъ вамъ, то только потому, что не смѣлъ сказать на брата... Я былъ такъ пораженъ, grand'papa... Я давно знаю эту исторію — ее всѣ знаютъ... Вамъ одной, grand'papa, было угодно ничего не замѣчать, потому что вы такъ исключительно любите брата Ивана, grand'papa, что для него дѣлаете несправедливости въ отношеніи къ вашему остальному семейству. Я вамъ это долженъ сказать, grand'papa... Вы отдѣляете ему ивнѣе, онъ ужъ объявляетъ свои претензіи на Бубново, а Бубново, grand'papa, изъ рода въ родъ часть дочерей и должно быть передано моей матери... (*Встрѣтивъ взглядъ бабушки, которая послѣ наблюденій надъ Полиной опять прочитала записку и, позвонивъ, обратила свой взоръ на нею*.) Конечно, grand'papa, на это все ваша воля; но, grand'papa, вы

закрываете глаза на пороки вашего любимца и изъ-за него оскорбляете других!... Вы сейчас сказали, grand'паша, что я глупъ... Я этого никакъ не могъ ожидать!... Братъ Иванъ въ правѣ дѣлать все, что хочеть въ вашемъ домѣ, даже преступленія, grand'паша, которыя не терпятся ни въ какомъ обществѣ, а я...

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

(Входитъ Ланей).

Столб.-Десят. Какъ только Иванъ Петровичъ возвратится домой, позвать его ко мнѣ.

Ланей. Слушаю-съ. Они уже приѣхали. (Уходитъ).

Столб.-Десят. (отстраняя Васю рукой). Уйди! (Неподвижно смотритъ на записку, соображая что-то.)

Вася. Я уйду, grand'паша, я уйду... Я знаю, что вамъ ничего не стоитъ прогнать меня!.. Вы безсердечны ко мнѣ, grand'паша... Иванъ Петровичъ будетъ этикъ очень доволенъ: онъ избавится отъ свидѣтеля своихъ недостойныхъ поступковъ... потому что я видѣлъ своими глазами, слышалъ своими ушами... (Столб.-Десят. взмываетъ на него.) Хорошо, grand'паша, хорошо, отдайте ему Вубново—вы увидите тогда...

Столб.-Десят. (повышая голосъ). Я тебѣ сказала—уйди!

Вася (впадая въ азартъ и не обращая вниманія на дѣлаемая ему знаки Аделаидой Григорьевной). Извольте, grand'паша, извольте... я уйду... уйду совсѣмъ, но... вамъ стало-быть не оскорбительно, вамъ приятно, что вашъ любимецъ не только компрометируетъ особу изъ высшаго общества, замужнюю женщину,—готовить скандалъ, дуэль, но... и позволяетъ себѣ, кромѣ того, заводить въ вашемъ домѣ любовную интрижку съ дѣвушкой, стоящей гораздо ниже нашего достоинства?... Или вы ужь такъ ослѣплены имъ, grand'паша, что по вашей безпредѣльной къ нему любви,—вы позволите ему жениться на ней? Это будетъ замѣчательное украшеніе для вашего герба, grand'паша!

Столб.-Десят. (выпрямившись). Что?! (Схвативъ его за руку и притянувъ къ себѣ.) Что ты осмѣлился сказать?!

Вася (разразившись рыданьями). Вы доведете меня до отчаянія, grand'паша,—я не виноватъ, если я и вчера, и сегодня, и прежде десять разъ видѣлъ и слышалъ, какъ Иванъ Петровичъ и mademoiselle Pauline...

Столб.-Десят. Ты лжешь!

Вася. Спросите кого хотите—людей вашихъ, если мнѣ не вѣрите.

Столб.-Десят. (спокойно). Посмотришь; я увижу, правду-ли ты говоришь. (Обращаясь на застывшую Полину.) Позовите вашу мать. (Полина дѣлаетъ пополуноженіе встать, но не можетъ.)

Адел. Григ. Ахъ, ваше превосходительство, поберегите себя!

Столб.-Десят. Mademoiselle Pauline, я вамъ кажется, говорю! Что это всё нынче оглохло!

Адел. Григ. (бросаясь къ боковой двери, отворяетъ ее и кричитъ). Позвать Анну Федоровну.

(Изъ среднихъ дверей входитъ Жанъ).

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Жанъ (входя). Bon soir, grand'паша. (Подходитъ къ ней и цѣлуетъ ея руку.) Вы желали меня видѣть. Какъ ваше здоровье?

Столб.-Десят. (холодно). Я здорова. Ты, говорятъ, женишься!?. Правда-ли это?

Жанъ (послѣ небольшой паузы, слегка улыбаясь). Можетъ быть.

Столб.-Десят. (Гнѣвно) Sortez!

Жанъ (спохватившись). Но я... я пошутилъ, grand'паша...

Столб.-Десят. 'Я, милый мой, для шутокъ могу держать въ косяхъ дождь кого-нибудь другого. Ступай вонъ и чтобы нога твоя здѣсь больше не была! Я тебя не знаю. Ты для меня теперь—ничто!

Жанъ (теряясь). За что-же, grand'паша?

Столб.-Десят. Ты получилъ мнѣніе своей матери и можешь жить имъ какъ тебѣ угодно. Твой дѣдъ,—мой мужъ, не нашелъ нужнымъ отдѣлать своего глупаго сына—отца твоего, я могу сдѣлать тоже съ непочтительнымъ внукомъ. Поди вонъ!

Жанъ. Но это....

Столб.-Десят. Что «это»? Ты манкируешь мнѣ въ косяхъ собственномъ дождѣ, позволяешь себѣ такія вещи, о которыхъ я и говорить не хочу,—и смѣешь думать, что я потерплю это?

Жанъ (вспыхнувъ, но сдерживая себя, дрожащимъ голосомъ). Я постараюсь поправить свою ошибку....

Столб.-Десят. Ты? (Смотритъ на него въ лорнетъ недоотричиво-вопросительно.)

Жанъ. И, конечно, для этого не осмѣлюсь никогда прибѣгнуть къ вашей помощи.... (Теряется.)

Столб.-Десят. Я полагаю! Посмотришь.... Теперь можешь идти... Я уже сказала! (Жанъ дѣлаетъ шагъ къ двери.) Да, вотъ еще.... (Подавая ему записку Алексинской.) Возьми...

ь другой разъ будь осторожнѣе в не теряй!... го безчестно—такія вещи сжигаются!

(Жанъ въ замѣшательствѣ сжимаетъ записку въ руки и уходитъ. Полина порывисто встаетъ, дѣлаетъ нервно нѣсколько шаговъ, проходя мимо Столб.-Десят., затѣмъ шатается и падаетъ на кресло въ бѣшенствѣ.)

Вася (въ то же время). Ну вотъ, grand'апап, вы видите... я говорилъ... вы мнѣ не вѣрили... а между тѣмъ...

Столб.-Десят. (отстраняя его). Отойти въ сторону! (Смотритъ въ лорнетъ на Полину, потомъ звонитъ.)

Адел. Григ. (принявъ Васю въ свои объятія). Ради Бога, ваше превосходительство, не расстраивайте своего здоровья... Не стойте здѣсь...

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

(Входитъ Лакей.)

Столб.-Десят. Кто тамъ? Это ты, Иванъ? Лакей. Такъ точно, ваше превосходительство.

Столб.-Десят. Поди проводи Василія Васильевича въ его комнату, запри ее за нимъ и ключъ ринеси мнѣ.

Вася. Маиз, grand'апап...

Столб.-Десят. Ты уже довольно наговорилъ мнѣ дерзостей. (Продолжая вышивать.) Не оставляй меня....

Вася (сквозь слезы). Извольте, grand'апап, извольте... я повинюсь, я долженъ, приужденъ повиноваться вамъ,—моя мать, мой тецъ далеко, я здѣсь сврота.... Я могъ-бы еребить вашихъ лакеевъ, но я уважаю вашъ умъ....

Столб.-Десят. (спокойно.) Иванъ!...

Адел. Григор. (тихо и осторожно). Поди, Базиль....

Вася (бросивъ презрительный взглядъ на Адел. Григ., а затѣмъ на бабушку). Извольте... (Решительнымъ тономъ). Хорошо, уйду! (Уходитъ въ среднюю дверь, лакей идетъ за нимъ.)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

(Изъ боковыхъ дверей вбѣгаютъ въ комнату Анна Федоровна, поправляя засученные рукава.)

Столб.-Десят. (при ея появленіи). А васъ боить чтобы къ утру въ моемъ домѣ не было.

Анна Федор. (окаменѣвъ). Ваше превосходительство!

Столб.-Десят. Ступайте къ себѣ.

Анна Федор. Творецъ мой!... Господи!... Куда-же вы денетесь?

Адел. Григ. (съ хохотомъ). У вашей дочери найдутся покровители!

Анна Федор. (падая на колѣни). Ваше превосходительство, Катерина Петровна!...

(Столб.-Десят. сидитъ, молча разсматривая вышиваемую ею работу.)

Адел. Григор. Да что вы кричите? Вы свою дочь Столбинъ-Десятыхъ въ родню что-ли прочли? Господи, дерзость такая, неблагодарность, срамъ!...

Анна Федор. (поднимаясь на колѣнахъ впередъ, сложивъ молитвенно руки). Ваше превосходительство, не дайте погибнуть намъ. Не доводите меня.... Это хоть руки наложить на себя, жизнь свою проклясть....

Столб.-Десят. (надѣвъ наперстокъ и взявъ иголку). Кляните вотъ кого. (Указываетъ на Полину.)

Анна Федор. (вскочивъ на ноги и оцѣпившись на дочь). Ее?... ее?... А вашъ внучъ правъ? Онъ правъ? Вы не правы? Вотъ эта собака (указываетъ на Адел. Григ.), что лаетъ на меня—она права?... Такъ и гнать насъ? Да гдѣ-же правда-то у Бога? Ее погубили, ее и гонять! Онъ позабавился, а ей пропадать!... Ваше превосходительство, ради самого Христа... ради вашего смертнаго часа!... Вѣдь умрете вы... хоть это припомните! Тяжело вамъ тогда будетъ, какъ вотъ это лицо вы передъ собой увидите!... (Бросаясь къ дочери). Поля, Поля моя, Поля!... Встань, поди, проси сама.... сжалится! Ваше превосходительство, вѣдь кто виноватъ? Весь свѣтъ виноватъ! Развѣ въ немъ безъ грѣха проживешь? Развѣ вы сами безгрѣшны? Вѣдь и вамъ покаянiе, милость Господа нужны! Куда-же вы пойдете?... Что-же вы ее на весь свѣтъ.... дѣвочку!... Дѣвки, лакеи ваши... Ради самого Господа! Каково взглянуть въ глаза....

Адел. Григор. Ха... ха... ха... Вы до сихъ поръ всѣмъ снотрѣли!... Ничего!

Анна Федор. (падая вновь на колѣни передъ Столб.-Десят., потрясающимъ голосомъ). Ваше превосходительство, ради страшнаго суда Божьяго!... (Хватаетъ ее платье и шлестъ.) Ради памяти вашей матери, отца...

Столб.-Десят. (вытянувъ платье изъ ея рукъ и продолжая шить). Да пойдите-же... я вамъ сказала!...

Адел. Григор. Я позову человѣка....

Полина (поднявшись съ мѣста). Не надо, не безпокойтесь. (Тихо подойдя къ матери и тронувъ ее за плечо.) Пойдите, маленька... Здѣсь нилосердья нѣтъ!

(Анна Федоровна, олянувшись, вскакивает и рыдая виснет на шею дочери. Полина, шатаясь, выводит ее въ боковую дверь).

Столб.-Десят. (послѣ небольшой паузы, опуская работу). Мнѣ-бы хотѣлось чаш. Адель.

Занавѣсь.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Обстановка сцены та-же, что въ 3-мъ дѣйствіи. Столъ сервированъ къ чаю.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Въ глубинѣ ходитъ Полина. Жанъ быстро спускается съ балкона, осматривается и, замѣтивъ Полину—направляется къ ней.

Она идетъ къ нему на встрѣчу.

Жанъ (подходя къ ней). Что тебѣ нужно? Говори скорѣй... Тебѣ велѣно уѣхать отсюда? да?

Полина. Сегодня-же утромъ.

Жанъ. А, вотъ какъ! Это Вася все разсказалъ про насъ бабушкѣ?

Полина. Да, Вася.

Жанъ. И письмо Аленинской ей передалъ?

Полина. Все ош!

Жанъ. Я такъ и зналъ!... (Ходитъ по сценѣ.) Этого и нужно было ожидать!...

Полина. Вотъ до чего довели твои ухаживанья за этой дурой!...

Жанъ (продолжая ходить). Скверно!... И нелегкая-же понесла его въ старуги!... (Останавливается въ размышленіи у стола.)

Полина (робко). Какъ-же мнѣ быть, Ваня?... Что мнѣ дѣлать?...

Жанъ (ударяя кулакомъ по столу). А, чортъ побори мальчишку!... Теперь она мнѣнъя не отдастъ!

Полина (съ ужасомъ). Ваня,.... Ваня!...

Жанъ (не замѣтивъ тона ея восклицанія). Да, конечно!... Развѣ ты не слышала что она вчера сказала?... Теперь все конечно!... Теперь она запоетъ такую пѣсню, что хоть вонъ бѣги изъ дома!...

Полина. Ахъ какой ты негодай!

Жанъ. Что такое?

Полина (тѣмъ же тономъ). Что такое? Ты еще спрашиваешь? Ты меня погубилъ и тебѣ нѣтъ дѣла, что меня гонять, что меня

поворять на весь свѣтъ!... Ты о себѣ только думаешь!... Лакей твой хотѣлъ сейчасъ, когда я послала за тобой... я у матери nahm изъ рукъ огня, а тебѣ нѣтъ дѣла!...) тебѣ расчеты въ головѣ.

Жанъ (подходя къ ней и взявъ ее за руку). Ну, полно, полно....

Полина (дрожащимъ отъ слезъ голосомъ). Грѣхъ тебѣ, Ваня!... Вспомни, что ты говорилъ мнѣ, обѣщалъ.... какъ клялся, увѣряя, что никогда не оставишь, не бросишь меня, что я буду твоею женою, что никогда никто не разлучитъ! Вспомни, какъ еще недавно—три дня тому назадъ, здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, ты мнѣ сказалъ, что никого тебѣ, кромѣ меня одной не надо, что ты мнѣ это докажешь.... что я должна вѣрить!... Дѣкажалъ!... нечего сказать!... Спасибо!

Жанъ. Ахъ, Боже мой, какая ты страшная....

Полина. Вѣдь я люблю тебя, Ваня!

Жанъ. Знаю, вѣрю,.... но что-же дѣлать? Я самъ тебя люблю.... Ты дѣвочка добрая, умная....

Полина. Что дѣлать мнѣ? Мнѣ, понимаешь-ли ты,—мнѣ?

Жанъ (оторопѣвъ). Тебѣ? Да.... въ самомъ дѣлѣ.... какъ-же быть.... дай подумать.... (Смотритъ на нее. Пауза.) Тебѣ нужно уѣхать отсюда.

Полина. Да?

Жанъ. Разумѣется. И даже какъ можно скорѣе.

Полина (злобно). Ха.... ха.... ха ... Да дѣйствительно; теперь я это вижу; нужно было такъ и сдѣлать.... нужно было уѣхать,—хотя бы въ грозу, со страхомъ и стыдомъ.... уприсивши когонибудь на деревнѣ отвести насъ въ городъ....

Жанъ (*нетерпливо*). Пстой!... Все это ты не то говоришь! Вѣдь все равно, такъ или иначе, а убраться отсюда надо будетъ.... Тутъ ничего не подѣлаешь!..

Полина (*рѣзко*). Ничего!

Жанъ. Конечно. Садись вотъ сюда.... (*указываетъ на стулъ у стола*.) и потолкуемъ спокойно, какъ слѣдуетъ.... что проку неистовствовать!... (*Она садится*.) Видишь-ли, другъ мой.... (*Беретъ стулъ и садится тоже возлѣ нея*.) Я дѣйствительно увѣрялъ тебя въ своей любви, обѣщалъ жениться на тебѣ.... дѣйствительно клялся быть вѣчно твоимъ.... Да, все это было.... все это такъ! Ты права, я съ этимъ не спорю и отъ словъ своихъ не отказываюсь! Но, видишь-ли,.... я не предвидѣлъ того, что произошло.... Я полагаю, что бабушка выдѣлится меня, отдастъ мнѣ ниѣне, я уѣду въ Петербургъ, ты прѣдешь туда-же и дѣло уладится. Узнавши о нашей свадьбѣ—она, конечно, разсердилась-бы, вспылала бы благороднымъ гнѣвомъ, не признала-бы тебя своей внучкой,—но тогда, въ то время,—гнѣвъ ея былъ-бы для меня—все равно, что ничего. «Сердита Матрена, да не сильна,—та жь ворона», говорить русская поговорка; ну а теперь, теперь дѣло иное... теперь она моя повелительница; теперь я ее послушаться не могу!..

Полина (*съ гордой ироніей*). И рада-бы душа въ рай, да грѣхи не пускаютъ?

Жанъ. Совершенно справедливо. Слѣдовательно о свадьбѣ перестань и думать. Нечего о вздорѣ толковать: съ Столбинъ-Десятовыми и всей ихъ родней не сладить какъ нибудъ и кому нибудъ!.. Такъ будь умна и смотри на вещи какъ должно....

Полина. Какъ же это? Научите пожалуйста... Научите что дѣлать? Отправится-ли въ Москву и тамъ шататься, по прежнему, изъ дома въ домъ,—куда пустять и куда пускаться не перестанутъ... или пойти утопиться? Мнѣ все равно, я на все готова!..

Жанъ. Сумасшедшая, перестань! Какія вы всѣ крикуньи! Просто сладу съ вами никакого нѣтъ! Ни въ Москву тебѣ, ни топиться не надо.

Полина. А что-же нужно?

Жанъ. Нужно свободнѣе быть—вотъ что! Знакомства твои московскія все это ерунда,

ничего не стоятъ; твое положеніе всегда было неловкое.... а я, между тѣмъ, отъ тебя не отказываюсь, бросать тебя не думаю—такъ о чемъ-же горевать? Мало-ли живутъ, въ наше время, по семейному, какъ мужъ съ женой, не будучи вѣнчанными, такъ сказать, въ гражданскомъ бракѣ?... Ну вотъ и мы тоже.... Понимаешь?

Полина. Понимаю! Вы хотите меня содержанкой сдѣлать!...

Жанъ (*нетерпливо*). Ахъ, Боже мой, зачѣмъ-же такъ говорить?... Не все ли равно?..

Голосъ Столб.-Десятов. за сценой. Наконецъ это можно было-бы уладить иначе;—пошли узнать отъ моего имени....

Жанъ (*постынно*). Бабушка идетъ!...

Полина. И это все, что вы нашли нужнымъ и возможнымъ мнѣ сказать?

Жанъ. Уходи скорѣй!.. Послѣ, потомъ, мы поговоримъ еще....

Голосъ Столб.-Десятовой. Что? Послала уже?... Да? (*Появляется въ сопровожденіи Ад. Гр. на балконѣ*.)

Жанъ. Да уходи-же!.. Говорять тебѣ, уходи!.. (*Хватаетъ ее за талию, желая увести*.)

Полина (*отталкивая его*). Оставьте меня!... Оставьте, не прикасайтесь ко мнѣ... теперь я все поняла!... (*Постынно уходитъ направо*.)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Столб.-Десят. (*сходя съ балкона*). Ты говоришь онъ ночью прѣхалъ?

Адель Григ. Въ пятомъ часу утра. Влетѣлъ въ спальню,—Катерина Александровна въ обнорокъ.... Скандаль!....

Столб.-Десят. Кажется никого нѣтъ?

Жанъ. Исключая меня (*Подходя къ ней и цѣлуетъ ея руку*.) Доброго утра, grand'шатап.

Столб.-Десят. (*холодно*). А, ты уже здѣсь! (*Садясь*.) Чай готовъ, Адель?

Адел. Григор. (*ставя чашку предъ старухой*). Готовъ, ваше пр—во.

Жанъ (*протянувъ руку*). Bonjour, Адель Григорьевна.

Адел. Григор. Здравствуйте, Иванъ Петровичъ. Слышали: Алексинскій прѣхалъ.

Жанъ (*оторопѣвъ*). Да?

Адел. Григор. Съ курьерскии поѣздомъ. Норяцкій выслалъ лошадей на станцію, — онъ чуть не загналъ ихъ!.. Недоуѣваю, не могу понять, чтобы это значило!.. Это не даромъ; что-нибудь случилось, что-нибудь онъ узналъ!..

Столб.-Десят. Ты глупа, моя милая, я тебя прошу заколчать!

Адел. Григор. Но право...

Столб.-Десят. (*строю*). Ни слова больше!.. (*Помышляю въ чашкѣ*). Дай мнѣ сливокъ и сходи узнать, кого послали въ Воскресенское за малиной? Можетъ быть уже и привезли.

(Адель Григорьевна подаетъ ей сливокъ и уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Столб.-Десят. (*послѣ небольшой паузы*). Ну-съ, ты мнѣ общалъ вчера покончить съ Абаровыми—что-же ты сдѣлалъ для этого?

Жанъ (*смутившись*). Такъ скоро, грядъ шапанъ?... Что-же я могъ сдѣлать? Въ одну ночь...

Столб.-Десят. Такъ я сана зайнусь, въ такую случаѣ, твоими дѣлами!.. (*Звонитъ*). А съ тобой, мой милый, раздѣляюсь иначе, какъ ты того и не ожидаешь!.. Я не хочу изъ-за тебя краснѣть и быть у всѣхъ на языкѣ... (*Вошедшему лакею*). Позвать Анну Федоровну. (*Лакей уходитъ*). Я получила сегодня изъ Петербурга письмо отъ какого-то Кузьмы Филатова, кажется; онъ мнѣ пишетъ, что ты ему долженъ десять тысячъ рублей и что у тебя до сорока тысячъ долгу...

Жанъ (*почти шепотомъ*). Я былъ принужденъ обстоятельствами, грядъ шапанъ... Я полагалъ, что вы мнѣ выдѣлите одно изъ вашихъ имѣній и я...

Столб.-Десят. И ты его тотчасъ-же продашь, чтобы вновь дѣлать долги?..

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Адел. Григор. (*быстро сбывая со ступеней балкона, неся корзину съ малиной*). Вотъ видите, ваше превосходство, вы сказали, что я глупа, сконфузили меня, а я не ошиблась... (*Ставитъ малину*).

Столб.-Десят. Что тамъ такое еще? (*Взяла на нее*). Ты точно бѣшенную собаку встрѣтила!

Адел. Григор. Я говорю, что я не ошиблась! Знаете-ли, что за исторія у Алексанскихъ вышла?

Столб.-Десят. Ну? (*Встѣ мамину*).

Адел. Григор. Я сейчасъ спросила людей... Онъ прѣхалъ, все узналъ, кричитъ: «подать мнѣ его!..» Это — Ивана Петровича. Изъял Катерину Александровну, бѣгалъ за ней съ женою по двору... Нашъ Степанъ самъ видѣлъ и не зналъ какъ уйти поскорѣе...

Столб.-Десят. (*съ сарказмомъ*). Очень мало!.. (*Жану*). Слышавшъ?

Жанъ (*вставая*). Я ногу избавить его отъ необходимости вызывать мой духъ и сражаться съ фантомани: я поѣду къ нему...

Столб.-Десят. Затѣмъ? Чтобы только елка пошла?.. Нѣтъ ужъ, пожалуйста, избавь меня отъ этого... я терпѣть не могу шума — у меня сейчасъ голова заболитъ!.. (*Адел Григорьевна*). Вели запереть ворота и не пускать никого во дворъ...

Адел. Григор. Слушаю, ваше превосходство, сію минуту! (*Уходитъ поспѣшно въ домъ*).

(*Съ правой стороны, изъ-за дома, выходитъ Анна Федоровна*).

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Анна Федор. (*подходя къ столу*). Вамъ угодно было видѣть меня?

Столб.-Десят. (*взяла на нее въ лорнетъ*). А, это вы? Я велѣла васъ позвать чтобы переговорить съ вами. (*Замѣтивъ, что Жанъ собирается уйти*). Ты куда?

Жанъ (*нервничательно*). Я тоже иду...

Столб.-Десят. Нѣтъ, ты оставайся. (*Анна Федоровна*). Видите-ли дѣло вотъ въ чемъ: кто вы и m-le Pauline и позволили себѣ такіе поступки, что довели меня до необходимости удалить васъ изъ своего дома, но въ этой возмутительной исторіи замѣшанъ также и Иванъ Петровичъ, а такъ какъ я всегда была справедливой, то я и нахожу нужнымъ взглянуть его вину. Скажите мнѣ — желаете вы выдать дочь свою замужъ?

Анна Федор. (*рѣзко*). Кто-же женится на ней теперь, послѣ такого скандала?

Столб.-Десят. Да, конечно, она такъ уронила себя... Но все-таки, я думаю, что найдутся такіе, которые охотно согласятся дать

ей свое имя, если нѣтъ, понятное дѣло, заплатить за это... Вы какъ, сколько-бы хотѣли получить за ошибку Ивана Петровича?

Анна Федор. (*вспыхнувъ, съ гордостью.*) Я дочью свою не торгую, ваше пр—во!.. Да и не знаю, къ тому-же, и цѣны честному слову внука вашего!

Столб.-Десят. Какъ?— Я не понимаю васъ!.. Что вы хотите этимъ сказать? Развѣ онъ обѣцалъ?.. Даль слово жениться на ней?

Анна Федор. Разумѣется!.. Даже клялся!.. Я не одинъ разъ!..

Столб.-Десят. (*Жану*). Правда-ли это? Да?.. Цѣлительно-ли это такъ было?

Жанъ. Правда.

Столб.-Десят. Часть отъ часу не легче! (*Анна Федоровна*) Пововите ее.

(Анна Федоровна *уходитъ*).

Адел. Григор. (*показываясь на балконъ*). Катерина Александровна!

Столб.-Десят. Ахъ, это напрасно! Я вѣдь тебѣ сказала...

Адел. Григор. Я не успѣла еще. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Катер. Алекс. (*сбѣгая съ другой стороны балкона*). Bonjour, maman. (*Бросается къ ней.*) Ахъ, какъ я несчастна! (*Съ рыданіемъ вивнетъ у нея на шею.*)

Столб.-Десят. (*освобождаясь отъ объятий*). Что съ тобою, ма сѣге? (*Алексинская рыдаетъ.*) Сядь вотъ сюда (*Указываетъ ей на туль.*) Успокойся.

Алексинская (*сидя*). Что я вытерпѣла, маман!.. Что выстрадала!..

Столб.-Десят. Говорятъ пріѣхалъ твой мужъ?

Алексинская. Да, маман.

Столб.-Десят. Что-же онъ?.. Не въ нормальномъ состояніи?.. Да?..

Алексинская. Онъ боленъ, маман... Сегодня заболѣлъ...

Столб.-Десят. Ну это еще не велика бѣда!.. Что-же у него горячка можетъ быть?... Какъ ты, въ такомъ случаѣ, напрасно пріѣхала!

Алексинская. О нѣтъ, маман, не безпокойсь, ничего подобнаго нѣтъ!

Столб.-Десят. И ничего у васъ не произошло такого... неприятнаго? Понимаешь?

Алексинская. Ничего, маман..

Столб.-Десят. Ну такъ нечего тебѣ и отчаяваться; il est bête, mais c'est la perle des perles! Конечно съ нимъ скучно очень, ресурсъ ужъ никакихъ,—но что-же дѣлать, ма сѣге... Пріѣдешь въ Москву,—тамъ будутъ у тебя опять развлечения: будешь выѣзжать, принимать у себя...

Алексинская (*замѣтивъ Жана*). Bonjour, Иванъ Петровичъ! (*подходитъ къ нему, подавая руку.*)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Неряцкій (*быстро входя съ твоей стороны*). Виновать...

Алексинская. Ахъ!.. (*Съ крикомъ отступая.*) М-г Неряцкій!..

Неряцкій. Меня не пустили во дворъ, такъ я черезъ садъ...

Столб.-Десят. Какъ-же вы смѣли?!

Неряцкій. Вопросъ идетъ о жизни человѣка, ваше пр—во! (*Алексинской.*) Я за вами.

Алексинская. За мной?

Неряцкій. Да-съ. Зачѣмъ вы здѣсь? Вы знаете, что мужъ вашъ боленъ? Зачѣмъ вы уѣхали?

Алексинская. Вы забываетесь! Кто вамъ далъ право меня допрашивать?

Столб.-Десят. Какая наглость!

Алексинская. И даже болѣе того!.. Я просто не нахожу словъ.

Неряцкій. А то, что вы сдѣлали, Катерина Александровна, какъ прикажете назвать? Вашъ поступокъ избавляетъ отъ учтивости съ вами! Скажите мнѣ прежде, что вы?—А потомъ кричите, что я забываюсь!

Жанъ (*бѣгая шагъ къ нему*). Г. Неряцкій!..

Столб.-Десят. (*грозою*). Оставьте насъ!.. Уходите отсюда! Я не допущу, чтобы въ моемъ докѣ...

Неряцкій (*твердымъ голосомъ*). Позвольте-съ. Потихе пожалуйста!.. Я вѣдь не изъ робкаго десятка!.. Я вамъ сказалъ, зачѣмъ я пришелъ,— такъ ужъ извините, а одинъ я отсюда не выйду!.. Не давайте пріюта...

Алексинская. Вы донесли на меня, вы осмѣлились за мной подсматривать, подслушивать, а теперь...

Неряцкій. Не подслушивалъ, а только слышалъ; не подсматривалъ, а только видѣлъ; не

доносилъ, а призвалъ вашего мужа, чтобы положить безобразію конецъ! Вы обезумѣли!.. вы сами выставили на показъ всему свѣту свое униженіе, сами донесли на себя, сами рассказали все этому несчастному, который лежитъ теперь полуживой!

Алексинская. Онъ убьетъ меня!

Неряцкій. Нѣтъ, вы его убьете!.. Вы, а не онъ!.. Онъ, къ несчастью, васъ любить еще... Онъ и въ бреду не обвинилъ васъ ни однимъ словомъ! Поймите вы это, оцѣните... Онъ только тѣмъ и живетъ, что любить васъ!..

Алексинская (*заломивъ руки*). О, Боже мой!..

Неряцкій. Поѣзжайте домой!.. Поѣзжайте сейчасъ, сію-же минуту! Вы прощены—можете идти безъ страха... Но не смѣйте ему плакаться надъ собой, не смѣйте огорчать его, заглядывайте вашу вину, замолите, заслужите вашъ грѣхъ!

Алексинская. Но у меня силъ не хватаетъ... я не въ состояніи...

Неряцкій. Нѣтъ ужъ извините, какъ вамъ будетъ угодно: въ состояніи вы или нѣтъ,—но вы должны!

Алексинская (*бросаясь къ Столб.-Десят.*). Матап, я къ вамъ, подъ вашу защиту!..

Столб.-Десят. Чѣмъ-же я могу тебѣ помочь, ма сѣге? Я вотъ слушаю и нахожу, что онъ, господинъ Неряцкій, правъ...

Алексинская (*съ удивленіемъ*). Какъ?

Столб.-Десят. Тебѣ, дѣйствительно, необходимо ѣхать домой. Зачѣмъ выносить соръ изъ избы? Тѣмъ болѣе, что у васъ уже все и улажено...

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Адел. Григор. (*сбываясь съ балкона, въ сопровожденіи Васи, сіяя радостью*). Ваше пр—во, я получила сейчасъ письмо отъ Пехлецова; онъ мнѣ дѣлаетъ предложеніе! (*Подавая письмо*). Вотъ оно.

Столб.-Десят. (*отстраняя его*). Старый дуракъ!

(*Вася подобострастно цѣлуетъ ея руку*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Анна Федор. (*вбывая крайне разстроенная*). Я нигдѣ не найду Полины!.. Ради Бога, ищите ее!.. Она готова лишиться себя жизни...

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Полина (*входя съ правой авансцены*). И ж подумамъ!.. Вотъ еще—съ какой стати?! (*Анна Федор. бросается къ ней съ крикомъ радости*.)

Адел. Григ. Ха... ха... ха... Ахъ, Боже мой!.. Скажите, какія нѣжности!..

Столб.-Десят. (*вставая и строго ударя ладонью по столу*). Довольно! Какъ я вижу, такъ вы всё съ ума сошли!.. Будетъ все этого!.. (*Алексинской*.) Ты—отправляйся домой и будь благоразумна!.. Ты сана виновата всему... Къ чему тебѣ нужно было рассказывать тань все и сознаваться нужу? Хочь каяться—иди къ духовнику!.. а нарушать счастье въ семьѣ, поднимать шумъ и дѣлать огласку—это мѣщанство! Прощай!

Неряцкій (*дѣлая жестъ рукой намеку*). Пожалуйте-съ. Карета ваша у калитки сада.
Алексинская (*дѣлая шагъ къ Столб.-Десят.*). Матап, я...

Столб.-Десят. (*повелительнымъ тономъ*). Прощай! Не заставляй меня повторять!..

(*Алексинская съ воплемъ и рыданіемъ уходитъ*).

Неряцкій. Честь мнѣю клянуться! (*Смодуетъ за ней*.)

Столб.-Десят. (*Жану*). Ты—заруби себѣ на память и знай, что Столбинъ-Десятовъ всегда держали свое честное слово! Твой прапрадѣдъ потерялъ положеніе, лишился наследства, но не нарушилъ даннаго мнѣмъ легкомысленно обѣщанія своей крѣпостной дѣвкѣ и женился на ней! Ты долженъ сдѣлать то же самое!

Анна Федор. (*бросаясь къ Столб.-Десят.*). Ваше пр—во, такая честь!..

(*Полина дѣлаетъ къ ней тоже шагъ*).

Столб.-Десят. (*отстраняя ихъ*). Я васъ не признаю своей родней!.. (*Жану*.) Игноруй тебѣ—не дамъ, долговъ твоихъ платитъ не стану,—но и того не допущу, чтобы ты шепталъ честнымъ словомъ Столбинъ-Десятовыхъ!.. А чтобы ты впередъ не порочилъ фамиліи нашей и не торчалъ у всѣхъ передъ глазами,—ты отправившись немедленно въ Саратовскую губернію, въ то самое помѣстье, которое я хотѣла выдѣлать тебѣ, и будешь такъ жить съ своей будущей женою,—до тѣхъ поръ.

ока я паду это необходимымъ! (Вася.) А вы укладывай свои вещи и уѣзжай сегодня-же братно въ пансіонъ, въ Москву.

Вася (ошеломленный). Mais, grand' papa... то-же я сдѣлалъ такого?..

Столб.- Десят. Непочтительныхъ шуковъ нѣ нужно!.. (Адел. Гр — нѣ.) Гдѣ мой пертъ?.. Я туда, къ себѣ, въ комнату... (Беря тлянку и нюхая.) Проводи меня и прикажи никого не пускать!.. (поднимаясь на льстину и поддерживаемая Васей и Адел. Григорьевной.) Мнѣ надоѣли уже весь этотъ шумъ, ся эта грязь! (Уходитъ.)

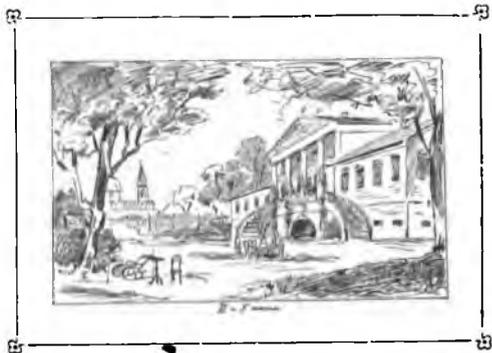
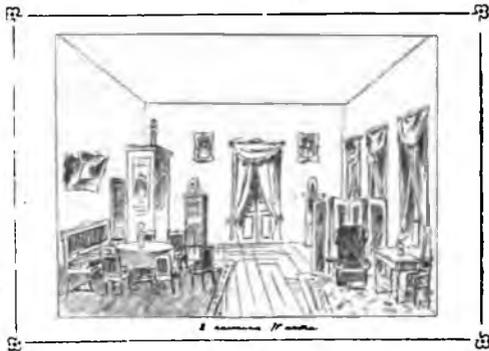
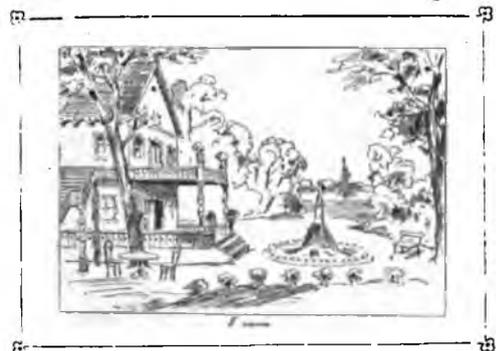
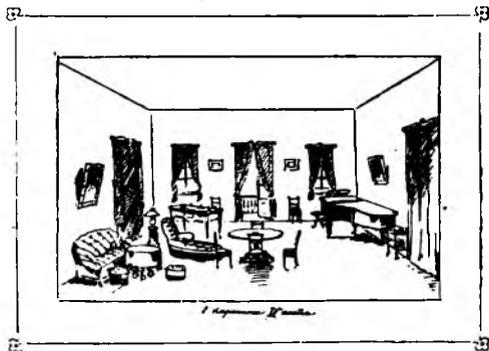
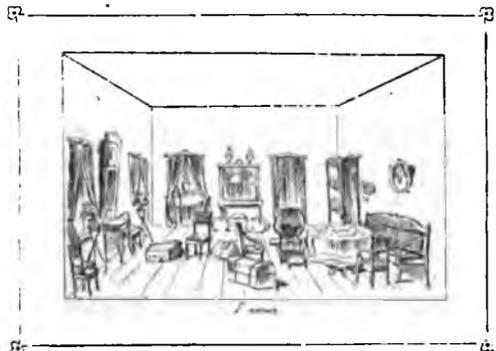
ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Полна (послѣ небольшой паузы подойдя съ улыбкой къ Жану). Ну, такъ какъ же, Ваня?.. А?.. Значитъ, вы съ тобою въ Саратовъ, въ ссылку ѣдемъ?

Жанъ (вздыхнувши). Видно такъ!.. велѣно,—такъ что тутъ толковать!.. (Съ гнѣвомъ.) А, да уберется-же когда-нибудь старая! (Порывисто садится къ столу, упираясь на руки головой.)

(Полна и Анна Федоровна цѣлуются.)

Постановка пьесы на сценѣ Императорскаго московскаго Малаго театра.

Опечатка. Въ заголовкѣ этой пьесы, на 28 стр., вмѣсто словъ „комедія въ 4 дѣйствіяхъ и 5 картинахъ“—слѣдуетъ—„комедія въ 5 дѣйствіяхъ и 6 картинахъ“.